Испанский дневник (Том 2)

Михаил Ефимович Кольцов

SHOUT
SHARE
IT

- Кольцов Михаил Ефимович

Кольцов Михаил Ефимович
Испанский дневник (Том 2)

Кольцов Михаил Ефимович
Испанский дневник
Том 2

Аннотация издательства: Том 2 настоящего издания включает окончание книги второй (1 января - 10 апреля 1937 года), книгу третью (незаконченную) "Испанского дневника" и раздел "Корреспонденции. Репортажи. Очерки", куда вошли избранные материалы, посвященные антифашистской войне в Испании и опубликованные Михаилом Кольцовым в "Правде" в 1936-1937 годах.

С о д е р ж а н и е

Книга вторая (1 января - 10 апреля 1937 года)
Книга третья
Комментарии

Книга вторая
(1 января - 10 апреля 1937 года)
1 января 1937 года

Новый год мы встречали с "курносыми"{1}. За длинными столами сидели пилоты-истребители, их коротко стриженные русые головы, круглые лица, веселые глаза и зубы сделали неузнаваемой сумрачную трапезную залу францисканского монастыря. Мы приехали вместе с Миахой и Рохо - летчики встретили их громовым "Вива!", какого никогда не слышали эти старые стены. Генерал и подполковник были явно взволнованы, особенно Рохо. Он ведь всегда так замкнут, официален, кабинетен. Авиацию он знал как составной элемент в своих расчетах, приказах, операционных планах. За письменным столом, над картой, над сводкой он радовался успехам истребителей или злился, когда они опаздывают. Тут он впервые встретился лицом к лицу с живыми "курносыми", с этими скромнейшими героями, спокойно и просто рискующими каждый день своими молодыми жизнями, чтобы спасти жителей Мадрида от летающей черной смерти. Жадно вглядывается он в юные, слегка застенчивые лица, прислушивается к шумным застольным разговорам и песням, ловит на себе встречные, заинтересованные и спокойно наблюдающие взгляды... Уезжая, он говорит необычно приподнято: "Очень благодарен за этот вечер".

Прошлый Новый год, в Барвихе, пили донское шампанское, катались на розвальнях по снегу над Москвой-рекой,

перекликались в лесу. Из колхоза на шоссе выходили комсомолки. "Чу... снег хрустит... прохожий; дева к нему на цыпочках летит, и голосок ее звучит нежней свирельного напева: "Как ваше имя?" Смотрит он и отвечает: "Агафон"... В "Правде" я публикую шуточные новогодние гороскопы с предсказаниями. Я обещал, что тридцать шестой год пройдет под знаком планеты Марс. Что итальянцы, устыдившись упреков Лиги наций, с извинениями уйдут из Абиссинии. Что в Германии, под знаком созвездия Скорпиона, будут окончательно изъяты из обращения все неарийские пищевые продукты - масло, мясо, крупа и картофель. Что вслед за Маньчжоу-Го, Хэбэй-Го и Бейпин-Го воспоследуют Чахар-Го, Шанхай-Го. Что Наркомпрос покинет созвездие Рака и наконец займется правильной постановкой школьного обучения. Что блестяще удадутся пробеги: Сухуми - Одесса верхом, Ленинград - Москва без калош и Оренбург - Полтава на цыпочках. Что товарищи Шмидт и Ушаков пройдут на байдарках по Северному морскому пути, попутно ликвидируя неграмотность среди медведей. Я настойчиво указывал на молодую планету, не обозначенную в книгах старых звездочетов, - на так называемую Красную звезду, указывал, что это счастливая звезда.

Не хватило ни фантазии, ни юмора предсказать, что следующий Новый год я буду встречать консервированными кроликами и пивом во францисканском монастыре в горах Кастилии, с "курносыми" истребителями по правую и левую руку, что итальянцы будут бомбить Национальную библиотеку в Мадриде. Поди-ка составь теперь гороскоп на тридцать седьмой год!..

По устному приказу командира эскадрильи часы в трапезной зале тихонько перевели на восемьдесят минут вперед. Это чтобы "курносые" пораньше легли спать. Ведь завтра опять, как всегда, воздушный бой.

2 января

Небо 1937 года раскрывается в своей парадной, сверкающей красоте. Оно прославлено, это мадридское небо; удивительное по своей прозрачности, огромной светосиле, оно дает почти вещественное, пластическое ощущение своей глубины. В него можно смотреть как в спокойный хрустальный пруд, как на освещенную театральную сцену, различая первые и вторые планы, кулисы облаков, тонкую чистоту отдельных тонов и их медленную, торжественную смену. Это небо восхваляли гимнами красок Веласкес и Рибера, его чернил сердитый Гойя, инквизиция возносила к нему молитвы, проклятия, смрад и дым сжигаемого человеческого мяса. Потом оно застыло на триста лет,

равнодушное, неподвижное, непоколебимое. Теперь его ненавидят. Если человек на мадридской улице начинает смотреть в небо, сейчас же все кругом жмутся к подворотням, а шоферы прибавляют газу.

Теперь лучше всего, когда великолепное мадридское небо занавешено грязным брезентом зимних туч. Мутный слой микроскопических дождевых капель защищает человеческие жизни лучше, чем все железобетонные перекрытия и убежища в подвалах, потому что в дождь фашисты не бомбят. Но тучи редко застилают здешнее небо. Оно лучезарно и смертоносно. Человек, проводивший зиму 1936/37 года в Мадриде, будет всегда, даже к старинным полотнам Веласкеса и Риберы, мысленно пририсовывать бомбардировочную и истребительную авиацию.

Все эти художественные ощущения мгновенно пропадают, как только в скоростном самолете отрываешься от земли и летишь над столицей, вокруг нее. Ветер свистит в ушах, плотные массивы черепичных крыш и острые вершины небоскребов косо убегают под плоскостями самолета. Здесь, наверху, уже не небо, а воздушное пространство. Притом довольно неспокойное. Пилот и наблюдатель беспрерывно оглядываются, ищут опасность во всех трех измерениях. Враг может преследовать по прямой, он может подойти из всякого направления, он может навалиться и сверху, и снизу, и под любым углом атаки.

"Теснота в воздухе" усугубляется тем, что линия фронта очень изломана, воюющие стороны до крайности тесно прижаты друг к другу по этой линии. Зоны попадания зенитной артиллерии обоих противников часто совпадают, и самолет, плохо опознанный, может попасть под перекрестный огонь. Вывод: Мадрид не самый удобный район для прогулок воздушных наблюдателей. Привязной аэростат тут тоже не выпустишь.

Чертовски трудно разбираться в однообразной пепельно-серой путанице гор, котловин, ущелий и плато Центральной Кастилии. Редкие ориентиры, опознавательные пункты, дома, старые замки - все это высечено из дикого камня и сливается со скалами. Малейшая дымка - и все ориентиры потеряны.

С трудом замечаешь в горной котловине признаки аэродрома. Спустившись ниже, видишь самолеты, просторно разбросанные по полю, - предосторожность от бомбардировки. У самолетов стоят грузовики с цистернами для заправки, легковые машины, ходят люди в комбинезонах.

Все-таки, если у вас нет точного адреса, последнего адреса, полученного сегодня утром, не рекомендуется садиться на этот аэродром. Будешь неприятно поражен. Новенькие самолеты с яркими республиканскими полосами окажутся макетами, то есть

только деревянными чучелами самолетов. Грузовики и лимузины - только трупы автомобилей, специально привезенные сюда с автомобильного кладбища. Люди - да, люди настоящие. Но и они бродят по полю не для работы, а как живая самоотверженная приманка для фашистских бомбардировщиков. Весь этот аэродром фальшивый, и настоящего в нем - только зенитная батарейка, тихо припрятанная для незваных, но очень желанных здесь гостей. Фальшивые аэродромы имеют свое управление, их перемещают, о них заботятся.

К республиканским летчикам можно по-настоящему попасть, только имея точное приглашение и проводника. Тогда сядешь в самом неожиданном месте и найдешь целую летную часть со всем ее хозяйством там, где не предполагал бы встретить даже кролика.

Надежно укрытые, летчики весь день сидят, с газетой или книгой, каждый в двух шагах от самолета или в самой машине.

Их боевой день начинается почти на рассвете, раньше встают только технический персонал и оружейники. Они проверяют самолеты, моторы, пробуют пулеметы и подвеску бомб. Делают все очень тщательно и с душой. Но все-таки пилот после них сам повторно осматривает машину и орудия.

Ожидание вызова, пожалуй, самая томительная, по отзыву всех воздушных бойцов, сторона их жизни. В пасмурный день пилот настраивается на более спокойный лад. В ясную погоду день без вылета - это настоящее мучение. Часто командир эскадрильи разрешает двум-трем особым непоседам вылетать без сигнала - "на зримого противника". Азартные охотники бродят по небу в поисках добычи: или воздушной - какого-нибудь "малахольного" разведчика, или земной - грузовиков со снарядами, конного взвода марокканцев или генеральского автомобиля.

"Курносые" истребители оказались мастерами на все руки. Они ведут разведку, энергично забрасывают части противника небольшими бомбами, они соревнуются со штурмовиками в стрижке и бритье наземных целей, они раскидывают листовки над городами, занятыми фашистами. Но все это между прочим. Главная задача истребительных частей Мадридского фронта - бороться с основной массой германо-итальянской авиации, препятствовать ее бандитским налетам на столицу, оберегать мирное, беззащитное население Мадрида, его тружеников, его женщин и детей. Сейчас эта задача отлично выполняется.

Далось это все не сразу. Генерал Дуглас, черноволосый, с длинным, молодым, задумчивым лицом{2}, перебирает в памяти два месяца отчаянной, смертельной борьбы за воздух, борьбы с

опытным и наглым врагом:

- Судите сами. Нам пришлось первыми в мире принять на себя удар вооруженного фашизма. Вооруженного всей новейшей, передовой германской техникой. Ведь германская армия имела выдающиеся заслуги в авиации во время мировой войны. "Воздушный генерал" Геринг трубит на весь мир о доблестных традициях истребительной эскадрильи Рихтгофена, в которой он сам служил. Геринговские летчики на германских машинах образца 1936 года - это именно то, перед чем дрожат правительства Парижа и Лондона. Итальянская авиация считается тоже одной из лучших в Европе. Короче говоря, то, что расписывалось разными пророками в романах о будущей войне, - с этим мы встретились над Мадридом. И ничего. Как видите, бьем Герингу морду...

В первых больших воздушных боях республиканцы имели небольшие, но чувствительные потери{3}. Это оттого, что они не в полной мере использовали все возможности полученных ими прекрасных самолетов, а главное потому, что противопоставляли врагу свою отвагу, не учитывали его коварства.

Ни один из погибших правительственных пилотов не пал в равном и честном бою. Какая может быть у фашистов честность! На капитана Антонио бросились сразу шестеро истребителей и перерезали ему пулеметами крылья. Хосе Галарса увлекли далеко за линию фронта и расправились с ним впятером, чтобы сбросить потом на Мадрид его изрубленный в куски труп. Энрике Лореса подкараулила целая дюжина{4} - восемь "хейнкелей", четыре "фиата" - и травила, как стая псов, пока не сожгла ливнями огня.

Подвергаясь атаке республиканцев, немецкие летчики применяли хитроумную манеру выхода из боя. Они притворялись мертвыми, безнадежно штопорили вниз; они скользили пузом и колесами вверх для придания себе более мертвецкого вида, республиканец удалялся, считая своего противника сбитым, в этот момент, близко от земли, немец выравнивал машину и улепетывал на бреющем полете.

После первых же схваток положение круто изменилось. Характер и исход боя стали зависеть только от своевременности появления республиканских летчиков. Появление, в свою очередь, от своевременного вызова с наблюдательных пунктов, их бдительности и зоркости; взлет и прилет республиканцы довели до рекордно малых сроков. В результате одна-две минуты лишних - "юнкерсы" успели сбросить бомбу и поспешно удирают, причем их истребительная охрана бежит впереди. Одна-две выигранных минуты правительственные истребители встречают воздушную банду, они отрезают ей дорогу и завязывают с фашистами,

вернее, навязывают им бой. "Хейнкели" бегут, на "юнкерсах" летнабы хватаются за гашетки пулеметов, забыв о кнопках бомбосбрасывателей. Ворох машин катится по небу прочь от Мадрида на земле спасена сотня человеческих жизней, мадридцы облегченно и благодарно вздыхают.

Когда бой завязался, он часто идет лестницей в несколько этажей. Внизу республиканский пилот жмет к земле фашиста - теперь он не верит в штопор и оставит противника только тогда, когда стукнет его. Над республиканцем вьется тройка "хейнкелей". Над ними, уже в четвертом ярусе, идет бой каруселью четырех фашистских и четырех правительственных самолетов. От исхода драки в верхнем этаже могут зависеть нижние схватки.

В коротких словах, спокойно, с улыбкой рассказывают "курносые" бесчисленные эпизоды своей боевой жизни. В этом задоре нет бахвальства. Это уверенность и превосходство бойцов, померившихся силами с врагом и теперь знающих цену ему и себе.

- На днях наше звено встретило их пятерку. Мы не свернули, не стали выбирать угла для атаки, а ринулись в лоб. Хотели посмотреть, у кого крепче нервы. Ну и фашисты не выдержали. На полпути они нырнули вниз, а там врассыпную. Удивительно, как у них отсутствуют солидарность и спайка в драке. У нас кто-нибудь зазевается - они кучей нападают и душат. А если нападают на них, они действуют по принципу "спасайся кто может". Мы же, когда замечаем, что наш попал в беду, бросаем все и не отстаем от противника, пока не отобьем своего парня. Если мы не ошибаемся, то в этом состоит разница между фашистской и нашей общественной моралью?

Они не ошибаются.

Два звена сопровождали республиканский "потез"{5}, вышедший для фотосъемок фашистских позиций. Восемь фашистских истребителей подкрались к республиканцам сзади и сразу напали на них. Правительственным пилотам, при огромной быстроте их машин, было нетрудно рвануться и сразу выйти из боя. Но они сопровождали более тихоходный "потез" и не допускали даже мысли о том, чтобы оставить его одного. Сразу сделав переворот, звенья контратаковали противника буквально в нескольких десятках метров. Они ринулись прямо на фашистские пулеметы. Зажигательные пули яркими вспышками запрыгали по крыльям. Просто чудом было то, что ни одна из пуль не попала в бензобаки. Но враг дрогнул, отпрянул и прекратил атаку, столь удачно подготовленную. Вся семерка, включая "потез", вернулась домой, хотя и не невредимой, с двумя десятками пробоин, но

живой. Спаянность и отвага коллектива испугали врага.

3 января

Летчики любят дразнить Хорхе Гарсиа:

- Пусть он вам расскажет, как ошибся дверью.

Хорхе довольно охотно рассказывает свой конфузный случай:

- Мы вышли девяткой по вызову на Мадрид. Противника не нашли - из-за густой облачности, в два слоя. Когда уже поворачивали и проходили через первый слой, я оторвался. Ищу, прохожу наверх - второй слой - и сразу нахожу эскадрилью. Стал в задний ряд и очень доволен, что так быстро подстроился. Лечу - и вдруг горячий пот меня прошибает. Я, оказывается, в строю германской эскадрильи{6}. То есть, иными словами, лечу к дьяволу и первую посадку буду иметь в аду. Что делать? Мы летим клином, всего четырнадцать штук, и я в заднем ряду в середине. Правда, уже сумеречно, видимость плохая. Словом, я вдруг отвалился назад, вниз и опомнился где-то уже далеко, под облаками, в неизвестном месте. Оказалось, над противником. На аэродром к себе притащился один, почти в темноте, еле нашел.

После каждого боя командир в тот же день устраивает подробный разбор. Результаты и обстоятельства боя контролируются с четырех сторон: рапорты каждого отдельного пилота, показания его товарищей, данные с наблюдательного пункта и сообщения наземных частей, караулов, случайных свидетелей. Критика товарищеская, но детальная и строгая.

Полковник Хулио{7}, командир всех истребителей Мадридского фронта, размышлял и разрабатывал новые тактические методы выхода из воздушного боя. Он пришел к одному, не знаю, насколько испанскому, но очень подходящему для любой нации методу: уходить только тогда, когда противник очистил воздух. Пока это правило будет соблюдаться, враг не будет слишком много мнить о себе. Если же хоть раз уйти с воздушного поля битвы, хотя бы даже самым военно-научным способом, по оставив воздух противнику, - не ждите добра. Конечно, речь идет не о тех случаях, когда враг в несколько раз превосходит числом самолетов и вооружением.

Республиканские истребители твердо держатся своего правила. Это заставило фашистов очень сократить свои налеты на столицу и изменить свою манеру. Теперь тройка и семерка "юнкерсов", даже под охраной, не рискует появиться над Мадридом. Если уж идут, то восемнадцать - двадцать машин сразу, окруженные полчищем "хейнкелей", - настоящий крестный ход. Выходит он стройно и благообразно, а когда налетает темно-зеленая с красными полосками буйная орава, фашисты кидаются кто куда.

После каждого крестного хода над Мадридом генерал Франко недосчитывается кого-нибудь. Дуглас носит с собой, в верхнем кармане простой полосатой тужурки, маленькую записную книжку. В ней он выводит свои прибыли и убытки. Баланс получается более чем активный и даже поразительный. Знаменитая эскадрилья Рихтгофена сбила за полтора года мировой войны сто сорок семь самолетов. Из них на долю самого Рихтгофена и еще пятерых лучших истребителей пришлось сто двадцать. Республиканские летчики Испании сбили за два месяца в одном только мадридском секторе семьдесят германских и итальянских аппаратов (а уничтожить современный скоростной истребитель - это не то, что сбить летающий гроб образца 1916 года). Здесь нет ни одного пилота, у которого налет превышал бы сорок часов на одну сбитую машину противника. У лучших бойцов приходится по семи часов, а у героического летчика Паланкара, командира эскадрильи, в которой мы сейчас находимся, на каждый сбитый "хейнкель" приходится только шесть с половиной часов налета.

- А прыжок на мадридский бульвар - это вам как засчитано?

Лейтенант Паланкар, маленький, плотный, с озорными глазами, отвечает тихо и с лукавинкой:

- Как хотите, так и считайте. Конечно, с меня причитается разбитая машина. И я за нее отвечаю. И я ведь, по правде говоря, и сам колебался, прыгать ли. Для хорошего бойца чести мало, если выпрыгнешь из самолета, пока его можно еще хоть как-нибудь пользовать. Это вот у итальянцев, у "фиатов", такая манера: только к их куче подойдешь, только обстреляешь - и уже хаос, дым, сплошные парашюты. А тут была большая драка, и мне перебили тросы. Машина совсем потеряла управление. Я все-таки пробовал ее спасти. Даже на двухстах пятидесяти метрах привстал, отвалился влево и старался как-нибудь держаться на боку. Но ничего не вышло. Тогда, метрах уже на восьмидесяти, решил бросить самолет. Если, думаю, буду жить, рассчитаюсь. Прыгнул - и несет меня прямо на крыши. А у меня голова хоть и крепкая, но не крепче мадридских каменных домов. Хорошо еще, что ветер в нашу сторону: при такой тесноте тебя может ветром посадить к фашистам. Опускаюсь и думаю: мыслимо ли быть таким счастливцем, чтобы, например, спрыгнуть на арену для боя быков... Конечно, таких случаев не бывает. Но вдруг подо мной обнаруживается бульвар Кастельяна. Тот самый, на котором я столько вздыхал по сеньоритам... Ну, спрыгнул на тротуар. Самое страшное оказалось здесь. Меня мадридцы почти задушили от радости. Всю куртку изорвали. А за машину я понемногу рассчитываюсь и даже с процентами: четыре "хейнкеля" уже сбил,

бог даст, собьем еще что-нибудь подходящее.

- А как сбили знаменитого "Белого голубя"?

Вместо ответа Паланкар вдруг пускается бежать, на ходу подтягивая пояс. Все время разговора он одним ухом прислушивался к телефону в палатке, и телефон зазвонил. Дежурный по аэродрому подает сигнал: "Все на Мадрид". Затем происходит нечто молниеносное. В четыре минуты двенадцать секунд целый отряд заводится, взлетает и в воздухе пристраивается к ведущему Паланкару. Рев моторов еще звенит в ушах, а истребители уже исчезли. Соединившись с другими отрядами с других аэродромов, они еще через пять минут вступят в бой с врагом.

Нестерпимо это ожидание. Уже целых сорок минут прошло. Значит, схватка большая и серьезная.

Наконец, звонят из Мадрида, с наблюдательного пункта. Большая победа. Республиканцы сбили шесть германских истребителей. Все упали на правительственную территорию. Конец донесения трудно слышать - на аэродром с радостным рокотом возвращается в полном составе стая лейтенанта Пабло.

Не всегда возвращение бывает очень радостным. В палатке лежит журнал боевых действий. На странице, помеченной тринадцатым ноября, значится: "Задание - прикрытие от бомбардировочной авиации противника линии фронта Каса-де-Кампо - Карабанчель Бахо. Как выполнено: выполнено. Потери противника: сбито пять истребителей. Потери свои: капитан Антонио, командир эскадрильи".

В Новый год газета мадридских большевиков писала: "Слава вам, товарищи летчики! Вы помогли, как никто, нашей столице. Рискуя каждый миг своей жизнью, вы совершили и совершаете незабываемые подвиги, охраняя небо Мадрида от кровавых разбойников и палачей. Вам будет вечно благодарен испанский народ". Но не только испанский народ - весь мир трудящихся и честных людей, и конечно Советская страна, преклонится перед доблестью республиканских летчиков-героев, павших в бою и здравствующих, первых смелых рыцарей из народа, дерзнувших вызвать на бой смертоносную воздушную рать фашистского милитаризма и обративших ее в бегство.

4 января

В первый раз мы видели в большом количестве фашистов пленных. Их взяли на Гвадалахаре, при захвате деревень Альгора и Мирабуэна. Их четыреста человек, это старые кадровые солдаты или мобилизованные. Они составляли гарнизоны обеих деревень, были захвачены врасплох республиканцами и сдались. Ликование мадридцев по этому поводу огромное. Наступление называют

новогодним и надеются, что весь год пройдет так. Пленных без конца фотографируют и одаривают сигаретами, они охотно поднимают кулак, кричат "Салуд!" и "Да здравствует Народный фронт!", их повезли в Мадрид и долго водили по улицам, при восторгах толпы. Фашисты пробовали контратаковать Альгору, но неудачно, они отступили и оставили на скалистых холмах полтораста трупов. Мадридские солдаты бродят среди мертвых тел, наклоняются, вынимают документы, фашистские листовки, все это ново для них, - до сих пор хотя противник и нес огромные потери, но не отходил, республиканцам доводилось видеть только трупы своих же бойцов.

Вчера к вечеру весь сектор обороны мятежников был здесь захвачен республиканцами. Развивая удар, можно подойти к стенам Сигуэнсы. Но войска уже устали, им хочется отдохнуть, они не привыкли воевать в горной обстановке. К тому же на правом фланге обороны Мадрида мятежники начали новое, очень серьезное наступление - приходится забирать части отсюда и снова подкреплять ими самые уязвимые места. Мятежники упорствуют в намерении перерезать дорогу между Мадридом и Эскориалом, чтобы захватить Эскориал и изолировать Гвадарраму.

Наступление фашистов очень неожиданно, они сразу прорвали республиканские линии и прошли лес, прикрывающий с юга Махадаонду.

Удар в Гвадалахаре пришелся в пустоту. А ведь ради этого удара была приостановлена операция на Брунете. Чья-то рука путает карты в республиканских штабах.

11 января

Целая неделя почти беспрерывных, очень тяжелых боев. Фашисты овладели Аравакой и Посуэло. Но чего им это стоило! Потерпев огромные потери, совершенно выдохшись, мятежники остановились, их новый прорыв к Мадриду опять не удался.

Наши потери тоже очень велики. Части дрались замечательно, кроме 35-й бригады (бывшей колонны Барсело). Но и из этой бригады одна рота, окруженная фашистами со всех сторон, мужественно сражалась и погибла вся целиком, кроме трех человек. Батальон бригады Кампесино целый день дрался в окружении и ночью очень ловко выбрался к своим. Батальон 11-й интернациональной был застигнут наступлением ночью на перекрестке, он тихонько залег, подпустил к себе очень близко противника и открыл жаркий пулеметный огонь. Фашисты разбежались, оставили много трупов. Это впервые республиканцы так спокойно и смело дерутся в окружении!

В этом сражении фашисты применили большое количество

танков, впрочем без особого успеха. Забавный случай: танковый взвод мятежников преследовал отступавшую 35-ю и, думая, что Махадаонда уже взята, выскочил вперед, на опушку леса. Навстречу ему выехал автомобиль с республиканским офицером. Увидев танки, мадридец хотел уже удирать. Но командир мятежников, выйдя из танка и принимая республиканца за фашиста, спросил у него дорогу на Махадаонду. Мадридец молча, жестом пригласил фашиста в машину. Вдвоем они въехали в деревню, танки доверчиво следовали за ними. В деревне дружинники открыли по танкам огонь. Водители сразу захлопнули крышки и пустились удирать, оставив своего командира. Фашистскому офицеру только и осталось, что поднять руки вверх и сдаться.

Прекрасно себя показали бригады Ганса (11-я), Кампесино и новая бригада Дурана. Густаво Дуран после сдачи Толедо бродил по садам Арапхуэса в самоубийственном отчаянии. Я думал, это все слишком сильно для него, хрупкого мадридского интеллигента, юного композитора, элегантного любимчика литературных салонов. За три с половиной месяца он возмужал, обветрился, погрубел, превратился в смелого и толкового командира; его бригада, хотя и новая, недавно сформированная из разбитых батальонов, уже считается одной из лучших, она стойко держится под огнем, грамотно действует, ведет боевую разведку, хорошо окапывается, в ней крепкая дисциплина, командир очень авторитетен.

При всем своем героизме наши части жестоко страдают от путаницы и бестолковщины, от неорганизованности и, может быть, предательства в штабах. Только сейчас случайно обнаружилось, что в лесу Ремиса есть очень хорошие укрепления, построенные еще в октябре, - траншеи, блиндажи, бетонные пулеметные точки. Никто из Мадрида не потрудился сообщить об этом - части сражались в двухстах шагах от готовых траншей, не подозревая, что они есть! Не успев окопаться, бойцы оставили лес.

Чтобы заткнуть дыру, пришлось бросить сюда так до сих пор и не отдохнувшую бригаду Лукача, пришлось вызвать Листера из Вильяверде, пришлось собрать почти всю республиканскую бригаду танков. Только седьмого января, после нескольких контратак, удалось остановить фашистов. На завтра назначено наше контрнаступление.

13 января

Два дня мы наступаем. Наступаем богато, а результаты пока бедные.

Мы наступаем, без шуток, хорошо. Части идут в бой с

большой охотой, смело, бойцы жертвуют собой, много энтузиазма, искреннее желание создать, наконец, перелом, поменяться ролями с противником.

Танки отличаются. На труднейшем, скалистом и холмистом рельефе, проходя через опасные рвы и овраги, остерегаясь волчьих ям, под огнем противотанковых пушек, машины прорываются в расположение мятежников, гасят и уничтожают его огневые точки, давят живую силу, сокрушают орудия. Три танка, встретив на дороге большую фашистскую пулеметную часть на двенадцати грузовиках, скосили ее целиком, прежде чем она начала обороняться.

Де Пабло{8}, танковый генерал, носится по боевым участкам, подстегивает роты и взводы, следит за тем, чтобы машины не задерживались на бензиновой зарядке, чтобы своевременно получали новые боекомплекты, а главное - чтобы не прерывалась связь с пехотой. Мигель Мартинес ездит с ним, беседует с танкистами, он во взвинченном, нервно приподнятом настроении. Они довольны - сегодня разошлись вовсю.

Де Пабло хочет выехать на самую линию огня, для этого он пересаживается с Мигелем в броневичок. Мигелю влезать удобно, но генерал с трудом умещает свое большое, атлетическое тело в тесной стальной коробке. Расшитая золотом фуражка несомненно пострадает здесь. Генерал отдает фуражку шоферу своего "шевроле" - пусть дожидается.

Они катятся вперед, к Махадаонде. Широкая лощина меж гор полна белых и черных артиллерийских дымов. Эхо повторяет взрывы. На домике у дороги скрестились прицелы и фашистских и республиканских батарей. Так и неизвестно, в чьих руках домик. Наша пехота обтекает его по сторонам, танки проносятся мимо, как бы не замечая его.

Они вышли из броневика и стали на пригорок. Два отдыхающих бойца уговаривают их лечь: минут пять назад вот здесь же, рядом, разорвался снаряд. Де Пабло не согласен. Шут с ними, со снарядами, он должен видеть воочию, как действуют танки, и танки должны видеть его. Он оглядывается во все стороны, солнце зло прижигает его гладко бритую голову.

- Все равно вас не узнают, - говорит Мигель, - вы без фуражки. В Испании не видали раньше генералов ближе ста километров от фронта. Это считалось просто неприличным.

Де Пабло сердится:

- Невидали - теперь увидят!

Он приказывает водителю броневика съездить за фуражкой. Двое солдатиков переползают подальше - опять совсем близко грохнулся бризантный снаряд, пламя, дым и черные комья земли

взметнулись до небес.

Броневик примчался обратно, теперь генерал бродит по полю, подталкивает мелкие подразделения вперед, растасовывает танки, направляет пулеметный огонь. Запыленные бойцы, унтер-офицеры, оглядываясь на золотые пальмы фуражки, сами становятся важнее, подтягиваются, успокаиваются. В артиллерийских взрывах, своих и чужих, они начинают видеть логику и систему, в ранениях - неприятную неизбежность, во всем бою - закономерность и смысл. Дружинник предлагает отпить вина из глиняной бутылки, он смотрит, как де Пабло пьет, на его моложавое, чисто выбритое крестьянское лицо, на его крепкие руки, смеется:

- Это парень из наших!

Генерал доволен, что его назвали парнем. Ему здесь веселее, чем на командном пункте. И здесь можно больше сделать.

До сих пор здесь можно управлять частями, только непосредственно находясь при них. Штабы еще не имеют подлинных средств управления и связи.

При сравнении наступления мятежников третьего января и сегодняшнего нашего видишь, что боеспособность правительственных войск во многом не уступает боеспособности франкистов. Особенно по качеству бойца, по качеству пехотинца, не говоря уже о летчиках и танкистах.

Преимущество войск Франко - в их большей организации, в большей дерзости, в большем военном риске.

Фашистская армия пользуется всеми удобствами единой системы командования. То, что решается генералом Франко вместе с его германскими советниками, подлежит безоговорочному выполнению всеми нижестоящими офицерами. Никто не смеет обсуждать или переиначивать приказы свыше. Достигнуто это твердыми, свирепыми расправами на фронте и в тылу с неугодными и непослушными начальниками, безжалостным вышвыриванием инакомыслящих, суровыми наказаниями и расстрелами. Тирания Франко создает огромное недовольство против него. Но зажим и террор позволяют фашистской диктатуре свободно, без разговора распоряжаться и маневрировать военными контингентами, легко перебрасывать их с места на место или долго держать в резерве. Для этого последнего своего наступления Франко готовил в Касересе новую большую группу войск. Из германских кадровых солдат, частью из марокканцев и испанских фашистов он образовал сводные части. Шесть недель без перерыва солдат обучали только одному - наступлению, атаке. Пленные рассказывают, что ни одно из учений в Касересе за все это время не было посвящено обороне.

Все эти новые резервы Франко бросил на Махадаонду, на Посуэло, на Араваку и Лас Росас одним большим ударным кулаком, сразу, целиком, щедро, как дрова в огонь. Наступают фашисты густыми, сосредоточенными, плотными колоннами, имея артиллерию в передовых линиях, так что противотанковые пушки идут на наши танки, не дожидаясь их приближения. Свои собственные танки мятежники размещают в два эшелона, с таким расчетом, что пехота, идя впереди второго эшелона, попадает в случае отступления и даже остановки под свой танковый огонь, о чем ее откровенно предупреждают.

В таком строю, не щадя людей, Франко устраивал в эти дни настоящие "психические атаки": под сильным огнем республиканцев колонны мятежников безостановочно шли вперед, теряя на ходу сотни и тысячи людей. Эту фалангу удалось остановить с большим трудом, пожертвовав несколькими деревнями.

Наше контрнаступление было задумано правильно, но выполнено рыхло, медлительно, со скрипом. Части собирались с большим опозданием, теряя самое золотое время - время начала сражения, - и этим потеряли внезапность, первое сокровище, которым обладает правильно нападающий.

В самом сражении две раздельно действующие группы войск не имели настоящей связи между собой, не имели общего хозяина. Не было связи, контакта, понимания, единогласия. Эта двойственность восходит к двойному командованию - командованию мадридскому и командованию Центрального фронта. Офицеры обоих штабов переписываются, спорят между собой, никак не могут поделить войска. На их разногласиях спекулируют авантюристы и предатели. Когда, наконец, кончится это безобразие?!

16 января

Газетный заговор молчания вокруг подполковника Рохо наконец нарушен. О нем пишут, его упоминают на втором месте, перечисляя руководителей и героев обороны Мадрида. Я не могу не радоваться, что поспособствовал этому, первым рассказав о Рохо в печати. Газета "Эль социалиста" говорит в передовой: "Понадобилось, чтобы русский журналист Мигель Кольцов открыл нам личность Висенте Рохо и этим помешал нашей скверной традиции - пренебрегать и не замечать наших людей. Иностранец открывает их перед нами, заставляя восклицать: "А ведь верно, мы не отдавали себе в этом отчета!" С пресловутых времен так называемой "европеизации" мы не замечаем наших национальных и культурных ценностей, не замечаем талантливых испанцев в наших же собственных рядах. Мы благодарны Мигелю Кольцову

за открытие, которое он сделал, за показ человека, который в тишине своей скромной комнаты отдает все силы спасению Мадрида. А ведь скольких еще людей мы не замечаем в штабах и в траншеях! Случай с Висенте Рохо далеко не единичен. Борьба выдвинула множество новых, ярких фигур, которые мы ухитряемся не замечать. В этом сказываются пережитки наших старых обычаев - вечно повторять одни и те же имена, с трудом заставляя себя находить и привыкать к именам новым. Пусть это служит нам уроком и предостережением, столь важным в условиях нынешней борьбы".

18 января

На углу висят четыре доски с названиями улиц.

Инженер освещает вывески карманным фонариком. Это в самом деле мадридский перекресток. Но мы стоим не на нем, а под ним - в узком овальном сечении, водостоке на девять метров ниже поверхности земли. Высокому инженеру приходится сгибаться в три погибели, а мне с моим ростом надо только задумчиво наклонять голову. Так мы идем довольно долго.

У Мадрида отличное коммунальное хозяйство, превосходные водопровод и канализация. Все коллекторы, галереи, краны, бассейны в полном порядке. Сейчас и эта система подъемных труб и каналов втянута в военные действия. Втянута как наступательное средство республиканцев. А ведь чуть не случилось наоборот. В первые дни фашистского штурма Мадрида мятежники захватили окончания водоканализационной сети и стали было пробираться по ней. Тогда, в ноябре, им не стоило бы большого труда высадить в центре города целый "подземный десант", который мог бы сыграть если не решающую, то весьма драматическую роль в мадридской эпопее. Но Франко был тогда полон уверенности в себе, ему казалось более простым и легким взять столицу просто лобовой атакой, через Университетский городок.

Защитники Мадрида быстро заметили опасность, которая им угрожает из-под земли. Они частью уничтожили ручными гранатами подземные фашистские отряды, частью похоронили их заживо несколькими взрывами. Все подсобное хозяйство было проконтролировано, взято под постоянную охрану и минировано. Почти через каждые тридцать шагов мы останавливаемся, инженер вглядывается в пометки на плане, и мы с огромными предосторожностями минуем незаметные провода электроминной ловушки. Теперь фашистам не подступиться. Республиканцы взяли инициативу подземной борьбы в свои руки.

Гладкий и цементированный водосток кончается. Дальше мы движемся уже ползком, по свежевырытому во влажной земле

низкому ходу. Инженер тушит свой фонарик: заблудиться здесь невозможно. Наверху, над нами, кончилась последняя баррикада обороны Мадрида, мы ползем под зоной "ничьей земли", которую обстреливают из пулеметов и гранатометов обе воюющие стороны. Ширина зоны - около ста метров.

Передвижение длится долго и начинает казаться бесконечным. По моим расчетам и по усталости в коленках, мы уже доползли до Севильи. Вдруг впереди появляется бледное пятно, оно начинает все яснеть и постепенно - не верится глазам - превращается в блик дневного света. Может быть, это уже старина Кейпо де Льяпо раскрывает нам впереди свои объятия?

Инженер оборачивается и шепотом спокойно объясняет:

- Тут у нас отдушина. Для проникновения чистого воздуха в штольню.

- Как отдушина?! Ведь это перед самыми линиями мятежников!

- Нет, не перед. Мы уже под фашистской зоной. Что поделаешь, дышать надо чем-нибудь...

- Но ведь сверху могут увидеть! Да и вообще, как вы ухитрились выбраться наверх? Это чистое безумие!

Инженер с этим не совсем согласен:

- Дырку мы высверлили ночью, во время дождя. Вряд ли она очень заметна сверху. А если и заметна, то все равно мостовая изрыта всякими дырками, воронками от снарядов, - днем они не станут изучать каждое отверстие в земле. Пусть только попробуют высунуться - мы их так угостим пулеметами!

В ответе - характерная для многих здесь военная психология: удобство важнее безопасности. Лучше рисковать жизнью, чем терпеть духоту. Лучше круглые сутки ждать гибели, чем повозиться несколько часов и провести кишку со свежим воздухом.

Ползем дальше. Теперь мы уже глубоко в фашистском расположении. Еще несколько десятков метров под землей - и мы у здания, которое должно быть взорвано. Но напряженный слух улавливает впереди человеческий голос. Теперь встревожился уже инженер:

- Стойте! Это не могут быть наши. Работа в этом ходу сегодня закончена, все люди наверху.

Затаив дыхание, мы опять долго вслушиваемся. Слышен только один голос. С кем он разговаривает? Нет, видимо, поет. Инженер вынимает револьвер.

- Попробуем подойти к нему поближе. Надо разобраться, что произошло.

Ползем дальше.

- Что он поет? По-моему, "Кукарачу".

- По-моему, тоже.

Вздох облегчения. "Кукарача" категорически запрещена в фашистской армии, Франко считает эту песню революционной. Может быть, это все-таки кто-нибудь из республиканцев? Но почему он поет? Сошел с ума? И это бывает. В самом деле, за поворотом при ярком свете шахтерской электролампы возится человек.

- Педро! Ты здесь? Ведь я приказал всем наверх.

- Да, команданте, но я решил еще раз спуститься сюда, чтобы подровнять минную камеру. Она тесновата для заряда.

Педро - старый забойщик из рудников Рио-Тинто. Лицо его блестит от пота, измазано землей, седые космы выбиваются из-под берета.

- Почему же ты распеваешь? Если тебе не дорога жизнь, пожалей хоть мину.

- Разве я пел? Я сам не заметил. Я когда работаю, то по привычке распеваю. Конечно, это глупо. Звук расходится в земле очень далеко. Но я забыл, что не у себя в шахте. Хотите послушать фашистов?

Теперь мы непосредственно под фундаментом большого, многоэтажного дома фашистского форта на мадридской окраине. Без труда можно слышать голоса и смех солдат. Лучше всего подкоп под них идет, когда они стреляют из пулеметов и оглушены собственной стрельбой. Инженер последний раз подсчитывает заряд. Его размеры высчитываются в основном по формуле gH{3}, где g есть коэффициент, зависящий от плотности и состава грунта, а H длина линии наименьшего сопротивления. Величина g может резко меняться от присутствия в грунте самых, казалось бы, невинных и невзрывчатых элементов. Например, наличие воды, хотя бы лишь до степени влажности почвы, увеличивает силу взрыва в восемь - десять раз. Величина H (линия наименьшего сопротивления) обыкновенно исчисляется по кратчайшему расстоянию до поверхности земли, до воздуха. Однако длина взрывной волны всегда длиннее радиуса разрушения. Волна последовательно затухает в длину; в своем начале, в центре, она превращает в порошок гранит и сталь, в конце она воспринимается лишь как звук.

Инженер улыбается не без горечи.

- Ведь я сам строил этот дом. Мог ли я поверить, что через четыре года я буду лежать здесь, под ним, и подсчитывать, как поднять его в воздух!.. В шестом этаже - моя квартира, со студией, с проектами, с кальками, с обмерами старинных зданий... Ничего не поделаешь! Мы преграждаем дорогу фашистским вандалам

живыми человеческими телами - стоит ли жалеть труды своих рук? Когда мы прогоним врага, мы выстроим здания в десять раз больше и это не будет раззолоченная безвкусица банковских небоскребов. Мы, архитекторы, счастливы, что именно во время осады столицы правительство Народного фронта вынуло из архива и утвердило план реконструкции Мадрида, продления бульвара Кастельяна, застройки целой новой магистрали жилыми домами, школами, театрами...

Мы возвращаемся втроем. По пути прислушиваемся, не роет ли противник контрмину. Это бывает сплошь и рядом. Очень часто подземные работы идут одновременно и параллельно, причем обе стороны иногда знают друг о друге. Побеждает на участке тот, кто раньше взорвал свою мину. Но взорвать раньше времени - это значит потерять удар, разрушить пустой ход и обнаружить себя. Вот и лежат под землей, почти рядом, два игрока, азартно увеличивают ставки, а ставки - это жизнь нескольких сотен человек и очередная позиция в затянувшейся борьбе. Мы присутствовали при нескольких взрывах. Они происходят большей частью поздней ночью, на рассвете. После грома и пламени огромная туча черного дыма, копоти, пыли, песка окутывает здание - это момент, когда заранее подготовленные части бросаются в атаку. Если мина подведена очень точно, она взрывает пулеметные гнезда и отсеки, где, по данным наблюдения и разведки, спят фашистские солдаты. Те, кто уцелел, мгновенно начинают стрельбу, но она почти бесполезна, пока туча пыли не осела. Все искусство атакующей части в том, чтобы использовать этот момент (туча оседает от восьми до двадцати минут) и ворваться в здание. Если это сделано с малейшим промедлением, успех атаки сразу понижается или даже совсем потерян. Тогда результат взрыва измеряется только уничтоженной живой силой противника и его укреплений.

За все время обороны Мадрида фашисты произвели шесть минных взрывов. Почти все оказались неудачными - пришлись на оставленные здания и окопы. Республиканцы взорвали несколько десятков мин и при их помощи оттеснили мятежников в Карабанчеле, в Университетском городке и у тюрьмы "Карсель Модело". Республиканцам легче вести подземную борьбу - у них гораздо больше квалифицированной рабочей силы и в их распоряжении все планы городских зданий.

Все это кажется весьма старомодным. В эпоху скоростных бомбардировщиков и прыгающих танков, химических бомб какое значение могут иметь эти многонедельные подкопы, эта крысиная возня под землей, эти десятки тысяч рабочих часов, затраченных

на то, чтобы подорвать сотню солдат и один дом? Стоит ли заниматься и изучать такие вещи перед лицом будущей стремительной, всесокрушающей военной техники? Да, очень стоит. Капризы войны неисчислимы. К каждому из них надо быть готовым. Да и вообще, когда и где сказано, что та война, которую в своих сугубо научных и сугубо предположительных построениях представляют себе теоретики, только та война считается настоящей, а происходящая реально в каждый данный момент - "не настоящая"? Я уверен, что будущая, "по всем правилам", война покажет живучесть многих видов оружия и форм операций.

Передовая армия должна сейчас быть, конечно, маневренной, подвижной, моторизованной, крылатой. Но она не может отрекаться от окопа, а окоп вовсе не всегда будет нарезан канавокопателем и вычерпан дивизионным экскаватором. Скромная, честная лопата еще спасет немало жизней. С ней полезно поупражняться даже небесному жителю - парашютисту. Враг не знает снисхождения, он одинаково использует крохотные, невинные слабости, как и большие, фундаментальные ошибки. Ему все равно, где уязвить. Ахиллес должен был не валять дурака, а просто носить металлическую стельку в правом сапоге.

21 января

Первая комната была совершенно пуста, без мебели. Во второй комнате два канцелярских стола, куча одеял в углу и корзина. На стене, под стеклом, вставленный в несоразмерно большую рамку из-под какой-то другой фотографии, висел портрет Троцкого, снимок-вырезка из иностранной газеты. Было более чем странно видеть этот снимок в Мадриде сегодня.

Мигель Мартинес и Хосе Кесада вошли в третью, последнюю комнату. Здесь, на очень длинном диване у стены, обращенные головами друг к другу, лежали два парня.

Время было уже, собственно, не раннее - половина второго. Но бутылка аниса на полу объясняла, почему ребята залежались. Разбудив и извинившись за беспокойство, Мигель справился у них, где тут руководство мадридского ПОУМа. Придя в себя, парни объяснили, что руководство в другом месте:

- Здесь только бюро пропаганды. Мадридский комитет ПОУМа помещается на улице Гойи, семнадцать.

Ладно. Мигель и Кесада, его знакомый, аргентинский журналист, побрели на улицу Гойи, 17.

Здесь они застали совсем другую обстановку. В богатой буржуазной квартире сновали кокетливые барышни, стрекотала машинка, играло радио. За дв"рью позвякивали тарелки, вкусно пахло обедом.

Мигель и Кесада выразили желание поговорить с кем-нибудь

из начальства. Карликообразная личность вышла из столовой и назвалась Энрике Родригесом, секретарем Мадридского комитета ПОУМа. Он выразил полную готовность дать любую информацию двум южноамериканским посетителям. Расспрашивал больше Кесада, а Мигель мрачно записывал в записную книжку. Лучше, конечно, было бы прийти со стенографисткой или двумя: Энрике был говорлив, как горный ручей, как резвый щегленок, как старая баба. Он сообщил сразу кучу новостей. Оказывается, в Испании идет гражданская война. Враг очень силен. Мадрид героически обороняется вот уже... Родригес запнулся, он стал вспоминать, сколько дней героически обороняется Мадрид.

- Семьдесят четыре, - хмуро сказал Мигель.

- Совершенно верно, семьдесят четыре.

Он сообщил далее, что германцы и итальянцы помогают Франко, но что международное революционное движение, в свою очередь, помогает испанскому рабочему классу.

Кесада заметил, что все это, собственно говоря, уже известно. Его и его коллегу больше интересуют сведения о деятельности политической организации, в помещении которой они находятся.

Словоохотливый Родригес сразу стал сдержан. Теперь из него надо вытаскивать каждое слово кочергой.

- Чем занимается ПОУМ в Мадриде и его окрестностях?

- Мы ведем работу разного рода.

- Например?

- Например, профсоюзную, организационную, военную, пропагандистскую. У нас есть специальное бюро пропаганды. Оно помещается в другом здании.

- В чем заключается ваша военная работа?

- Сейчас она значительно сократилась. Раньше у нас были свои части - у Сигуэнсы, в Каталонии и в других местах. Но правительство решило прибрать к рукам армию и объединяет части вне партийных признаков. Мы нажимаем зато больше на культурную и политическую работу среди солдат. Мы издаем газету "Красный соратник", посылаем агитаторов. Это тоже через бюро пропаганды. Оно у нас очень широко поставлено.

- А какие же лозунги выдвигает ПОУМ в своей пропаганде?

- Революционные, конечно. Мы разоблачаем истинный смысл Народного фронта. Вообще мы разоблачаем разные вещи.

Родригес принял многозначительный вид.

- Какие вещи вы разоблачаете? Каков, по-вашему, истинный смысл Народного фронта?

- Об этом долго говорить. Но в основном Народный фронт - это, конечно, сдача пролетариатом всех революционных позиций.

- Вот как? Это интересно!

Родригес добавляет тоном заученного урока:

- В результате политики Народного фронта Испания будет поделена между французскими и советскими империалистами.

- Это страшно интересно! Но почему же тогда французские империалисты не помогают республиканской Испании? Некоторые из них, по-моему, даже склонны уступить Испанию Франко и немцам.

- Игра, игра! Дипломатическая игра! И затем, не забудьте, французы очень боятся Гитлера. Потому они так нейтральны...

Родригес неуклюже умолкает. Он чувствует, что залез не туда. Дальнейшее развитие этого столь содержательного разговора ему не по силам. Вообще это, по-видимому, подставная фигура. Не он ворочает делами в мадридском ПОУМе. Неугомонный аргентинец продолжает допрашивать его:

- То, что вы сейчас сообщили, - это мнение Троцкого?

- Да... Но вообще-то, нужно вам сказать, мы не во всем с ним согласны. Нас напрасно считают безоговорочными троцкистами. Мы считаемся с его мнением в вопросах международных, по требуем, чтобы он считался с нами в испанских делах. Из-за этого и пришлось отправить обратно военную миссию, которую он прислал. Откровенно говоря, - но вы этого, пожалуйста, не печатайте - без ПОУМа у Троцкого не будет никакого "четвертого интернационала". Ведь, кроме нас, у него никого нет.

- А сколько членов ПОУМа сейчас в Мадриде?

- Осенью доходило до полутора тысяч. Сейчас, конечно, меньше. Не забудьте, идет эвакуация.

Родригес берется собрать к следующему приходу южноамериканцев полный комплект литературы ПОУМа. Он продолжает быть любезным, но лицо его явно омрачается, когда Мигель, заглянув в записную книжку и назвав имена Флоренсио Лопес, Мариано Салас и Фернандо Сальвадорес, спрашивает, состоят ли данные лица в нынешнем руководстве мадридского ПОУМа.

- Да, состоят. Вернее, состояли. А что?

- Да так. Для точности.

Последний вопрос совсем отягощает атмосферу. Родригес прощается враждебно и растерянно.

Выйдя на улицу, Мигель и Кесада тут же просматривают раздобытые раньше мадридские газеты за семнадцатое декабря 1935 года. Да, так и есть. Это факт. Флоренсио Лопес, Мариано Салас и Фернандо Сальвадорес были главными участниками кражи со взломом полутора миллионов песет, предназначенных для выплаты жалованья рабочим мадридских коммунальных предприятий. В газетах помещены их показания при аресте и

снимки у стола перед грудой бумажных денег.

ПОУМ нареквизировал множество богатых квартир и покинутых особняков, предпочтительно с винными погребами, высмотрел себе лучшие автомобили, взял под свой политический контроль театры, увеселительные заведения, гастрономические предприятия и писчебумажные магазины. Вокруг организации налипла куча людей, исключенных из разных партий за разложение, мошенничество и воровство.

Они обзавелись и собственным войском. В Барселоне и Лериде можно было очень часто встретить машины с грозно нахмуренными молодыми людьми и барышнями, увешанными с ног до головы ремнями, револьверами и значками.

Поумовцы стали расширять свое хозяйство. На страницах их газеты стали появляться витиеватые резолюции, подозрительно подписанные: "Крестьяне-марксисты района Барбастро".

В общем, жить было можно.

Но потом пошло хуже. Три командира, возглавлявших три поумовские колонны, взяли себе за правило уходить со своими частями с фронта в тот самый момент, когда надо было начинать драться. Поумовский отряд в восемьсот человек покинул перед самым боем ключевую позицию одного из секторов Арагонского фронта.

Маленькому отряду имени Тельмана пришлось спешно стать на место, покинутое дезертирами, и отразить атаку неприятеля, потеряв при этом половину своих бойцов.

На другом секторе того же фронта начавшееся наступление республиканцев было тоже сорвано уходом поумовской части.

На Центральном фронте, на участке Сигуэнсы, поумовцы, неожиданно и несмотря на протесты дружинников, увели свою часть. На ее место встал батальон железнодорожников, который, засев в кафедральном соборе, героически прикрывал отступление на этом участке.

В своем листке "Красный соратник" (издающемся неизвестно где) ПОУМ уверяет, что троцкисты сражаются за Республику в рядах Интернациональной бригады. Командиры 11-й и 12-й интернациональных бригад Ганс и Лукач оба категорически опровергают наличие каких бы то ни было соратников этого рода в своих частях.

Эти случаи вселили в военных кругах естественное недоверие ко всему, что приходило под троцкистской маркой. Поумовские части распались. Их командиров прогнали с фронта. Это весьма неловко совпало с прибытием в Барселону трех законспирированных субъектов, назвавших себя "военной миссией" от Троцкого в помощь ПОУМу. Пробыв в Барселоне

неделю, "миссия" бесшумно отбыла из Испании.

Все это было бы еще ничего. Все это могло бы сойти. В бурном переплете, в бурной испанской политической обстановке поумовцы могли бы еще долго держаться и питаться. Их подвел и погубил собственный шеф, возложив на них обязанности поистине невероятные и невыполнимые. В стране, где Народный фронт возглавляет вооруженную борьбу за свободу и независимость, в стране, где имя Советского Союза окружено буквально всеобщим благоговением и любовью, Троцкий дал своим сторонникам две директивы: первая - выступать против Народного фронта, вторая - выступать против Советского Союза.

С этого момента ПОУМ перестроился по обычному троцкистскому фасону - в два ряда. Спереди - сам Нин (бывший секретарь Троцкого, ныне секретарь ПОУМа) и еще несколько человек выступают на собраниях с выпадами и провокациями против Народного фронта, с клеветой на правительство Республики, с оппозицией против превращения народной милиции в регулярную военную силу. На митинге, созванном троцкистами в Лериде, Нин, который тогда состоял еще членом каталонского правительства, обрушился на его декреты, за которые сам голосовал. Закончилось это плохо. По требованию всех каталонских партий и организаций Нин за свое двурушничество был выведен из состава нового каталонского правительства.

Газета ПОУМа "Баталья" нашла себе единственный объект для ненависти и ежедневных атак. Это не генерал Франко, не генерал Мола, не итальянский и не германский фашизм, а Советский Союз. О нем в "Баталье" печатается самая исступленная, самая злобная ложь. Каждый день "Баталья" сообщает, что в Москве вспыхнуло восстание, что Коминтерн ликвидирован и Димитров арестован и сослан в Сибирь, что советская печать выступает против Народного фронта, что в Ленинграде голод... Нет ни одной газеты мятежников, которая не печатала бы выдержек из "Батальи".

28 января

Настоящий заколдованный лес. И особенно ночью. Ночью в Каса-де-Кампо заблудиться - это раз плюнуть. Конечно, человеку свойственно заблуждаться. Но не рекомендуется делать это в Каса-де-Кампо весной 1937 года. Лес этот, в прошлом парк для экскурсий мадридцев, сейчас густо заселен, и людом весьма разнообразным. Пройдя не по той тропинке, Красная Шапочка может через пятьдесят шагов встретить Серого Волка в германском стальном шлеме или роскошного, слегка подмокшего марокканца в красивой феске, с ручным пулеметом.

Поэтому командир сектора еще и еще вглядывается в силуэты деревьев, еще и еще проверяет путь на поворотах. Все дороги от дождя расползлись, ориентиры пропали в тумане, по редким выстрелам не поймешь, откуда они. Особенно обманчивы разрывные пули мятежников - щелкают как будто с нашей стороны. Такой вероломной пулей был вчера ночью наповал убит храбрый и милый молодой капитан Ариса, астурийский учитель.

Наконец на пригорке среди деревьев завезенный сюда днем грузовичок с громкоговорителем. Добавочный мотор работает для амплификатора. Маленькая Габриэла Абад, пропагандист из военного комиссариата, первая подходит к микрофону. Она зовет в темноту.

- Солдаты, воюющие по приказу Франко, Молы и Кабанельяса, слушайте, слушайте!

Габриэла быстро, четко и со страстью говорит о женщинах, которые помогают мужьям оборонять Мадрид, зовет обманутых солдат бросить окопы и перейти в лагерь законного республиканского правительства, вернуться к своим семьям, которые их ждут.

Вслед за ней говорит командир сектора, офицер старой армии. Подчеркивает свою верность родине и народу, свою уверенность в народной победе.

Габриэла читает текст обращения майора дома Рикардо Бельда Лопеса, прославленного фашистского командира, любимца Франко, взятого в плен при штурме высоты Лос Анхелес. Бельда убеждает офицеров и солдат бросить борьбу и сдаться Республике.

Слушатели сидят в окопах, в трехстах метрах отсюда. Два раза выстрелили из миномета, но в сторону - звук очень рассеивается. Мы чутко вслушиваемся в темноту: не идет ли кто-нибудь? Пока никто... А третьего дня перебежчики явились во время самой передачи. Они успели подойти к микрофону, назвать себя.

- Мы уже здесь, курим сигареты с республиканцами, нас отлично приняли. Идите сюда, к нам!

Пленных и перебежчиков становится все больше. Нельзя это назвать потоком, но факт налицо: регулярно, каждый день, почти на всех участках Мадридского фронта республиканцы захватывают солдат, унтер-офицеров, офицеров мятежной армии. При штурме высоты Лос Анхелес был взят почти весь батальон, вместе с командиром. И каждый день, каждую ночь перед окопами вырастает человек с поднятыми вверх руками, с винтовкой, обращенной дулом вниз, он кричит: "Не стреляйте, я иду к вам!"

Страшно смотреть, как держат себя, вернее, как чувствуют себя пленные в первые часы. Ожидание смерти стягивает их сознание и психику тяжелой, замедленной спазмой. Веки синеют, ноги подкашиваются, руки и даже плечи дрожат. Ответы они дают, как во сне: "Си, сеньор", "Но, сеньор..." Их мутит, иногда совсем выташнивает. Это нисколько не смешно. Смерть еще витает над ними.

Мятежники в плен не берут. Они закалывают республиканцев в окопах или расстреливают их сейчас же после боя. Правительственная армия с пленными обращается гуманно. Но не надо забывать самого момента взятия в плен. Боец видит против себя врага с оружием в руках, пусть застигнутого врасплох, но обороняющегося и еще опасного. В разгар боя легче, безопаснее и даже приятнее выстрелить в неприятельского солдата, чем начать его обезоруживать и уводить с собой. Для этого нужны огромное присутствие духа, выдержка, чувство превосходства над противником. Даже если солдат или офицер сдался, даже если отдал оружие, нужны труд и риск, чтобы вывести его из боя. Ведь если подоспеет к пленным помощь, они могут моментально изменить поведение и убить своих конвоиров. Ясно, что конвоиры тоже не будут и не обязаны церемониться в такую минуту с пленными. Все это делает процедуру взятия в плен очень напряженной. У Махадаонды мы видели группу молодых республиканских бойцов, впервые участвовавших в бою, ходивших в контратаку и захвативших троих мятежников. Они волновались не меньше, чем их пленники.

В штабе батальона или бригады пленных впервые допрашивают. Делается это не совсем еще умело. Неприятельского солдата долго расспрашивают, откуда он родом, когда мобилизован, каково настроение в Марокко или в Галисии, вместо того чтобы сразу узнать, где стоят пулеметы, какое боевое задание у фашистской бандеры и где укрыт ее штаб. За последнее время войсковая разведывательная служба внесла в это дело больше порядка. Частям даны инструкции, как допрашивать пленных. Все-таки боевая разведка и разведка боем пока порядочно хромают у республиканской армии.

Перебежчики приходят большей частью ночью, в темноте. Приходят из самых разнообразных частей, определяется это более всего месторасположением, наличием лазейки, тропинки, по которой можно пробраться незаметно. На одном и том же участке к республиканцам перебегали солдаты из разных соединений, сменявших здесь друг друга. Приходили и из соседних частей, узнав, что здесь есть брод. Последние перебежчики рассказывают, что на некоторых позициях фашисты отгородились проволокой,

но не в целях обороны, а специально для того, чтобы воспрепятствовать своим солдатам перебегать на сторону Республики. Известие весьма утешительное, но требующее подтверждения и повторения.

Вообще, если верить перебежчикам, мятежники дошли до последней степени развала и деморализации, стоит только пальцем ткнуть - и они все пересадутся как один человек. Но к этим показаниям надо подходить критически, иногда даже более критически, чем к сообщениям пленных. Перебежчик все видит в определенном свете, он говорит только о слабых сторонах неприятеля, не замечая или умалчивая о его возможностях и степени безопасности. Делает он это часто из самых лучших намерений, но пользы особой не приносит.

При этом есть отличные типы солдат. Большей частью из рабочих, последовательных революционеров, сознательно вступивших в армию мятежников с единственной целью перебраться таким путем в республиканский лагерь. Таковы, например, два вчерашних перебежчика. Они основательно подготовили свой переход и явились не с пустыми руками. Доставили целую кучу важных военных сведений, весьма точных и свежих, а кроме того, притащили новейшей системы германский зенитный пулемет со всем оборудованием, вплоть до треноги, с запасными магазинами и патронами. Конечно, ребят хорошо наградили, направили к семьям, которые у них в республиканском тылу, и предоставили месячный отпуск.

Пленные показывают, как правило, меньше, но в основном тоже довольно правдиво. Зависит это от чина и звания. Сержанты и офицеры дают сведения в более широком масштабе, но гораздо более сдержанно. Хотя, например, майор Бельда Лопес на допросе оказался весьма и весьма словоохотлив. Точные данные о противнике лучше всего устанавливаются при сопоставлении показаний целого ряда пленных и перебежчиков, допрошенных приблизительно в одно и то же время, но в одиночку. О чем говорят эти данные?

Ближайший оперативный замысел Франко - это новое наступление на Мадридском фронте, на этот раз на правом фланге фашистов, чтобы перерезать сообщение Мадрида с Валенсией, этим окончательно изолировать столицу и голодом принудить ее сдаться. Командовать новой операцией назначен подполковник Асенсио{9}, один из ближайших помощников Франко. Офицеры и солдаты очень одобряют направление нового удара, считая, что иначе Мадрид никак невозможно взять, - это показал горький опыт всех предыдущих атак.

Огромное внимание уделяют сейчас мятежники

противотанковой и противовоздушной обороне. Весь Мадридский фронт снабжен новейшей германской противотанковой артиллерией. Пушки расставлены с интервалами двести триста метров.

Боевое питание армии - патроны, снаряды - вполне нормально. Однако солдат энергично приучают к экономии патронов, запрещают им стрелять без боевого соприкосновения с противником.

Для нового наступления Франко подбирает подчас с большой натугой, но значительные силы. Кроме германских и заново переформированных марокканских частей собраны дополнительные наборы, сделанные на захваченной фашистами территории. Качество этих новых наборов с точки зрения фашистской морали резко ухудшилось. Острый недостаток в людях заставляет мятежников брать в армию людей явно неблагонадежных. Иногда даже прямо из тюрьмы республиканцев, социалистов. Арестованным предлагают выбирать: или расстрел в тюрьме, или служба в фашистской армии. Немало перебежчиков принадлежат к этой категории прежних заключенных.

Прорыв в политико-моральном состоянии армии фашисты возмещают усилением строгостей и режимом принудительной и железной дисциплины на фронте. Под страхом суровых наказаний солдатам запрещены какие бы то ни было политические разговоры. Каждый участок и каждая траншея полностью изолированы друг от друга. Когда на днях в Каса-де-Кампо один солдат сходил к приятелю в соседний окоп побеседовать, офицер избил его в кровь и хотел даже пристрелить - отговорили от этого другие офицеры.

Питаются солдаты нерегулярно и отвратительно. На нескольких участках Мадридского фронта начались волнения и протесты, после чего еда стала лучше, но лишь на несколько дней. Одежда и обувь у мятежников износились, а новых не выдают. Это видно по самим пленным и перебежчикам: настоящие оборванцы, в летней изодранной одежде, без одеял, в парусиновых туфлях, обмотанных веревочными тесемками. Часто республиканские бойцы вскладчину собирают для своих пленников табак, газеты, апельсины, носки, шарфы. Фашистское начальство разрешило своим солдатам раздевать крестьян в деревнях и присваивать себе их одежду и обувь. Делать это в городах запрещается.

Усталость, холод, голод, плохое питание, неудачи под Мадридом и общая затяжка войны создали довольно плохое настроение в частях мятежников. Драка в фашистском лагере

между буржуазной "Испанской фалангой" и религиозно-кулацкими фанатиками наваррской деревни расшатывает фашистский фронт.

Но из этого никак не следует делать вывод о падении боеспособности армии Франко.

Я спросил у солдата, рабочего-социалиста, взятого фашистами на фронт прямо из тюрьмы и перешедшего через три недели:

- А ты стрелял в республиканцев?

- Стрелял.

- Много?

- Много...

- И пожалуй, убивал своих?

- Возможно. Я не мог не стрелять. Сержант следил за каждым нашим шагом. Куда ни повернешься - всюду и всегда наткнешься на сержанта с пистолетом в руке. Их не так много, этих сержантов, а кажется, будто нет им числа. И боимся мы их, откровенно говоря, больше, чем самого Франко.

Это сущая правда. Унтер-офицерский состав, старослужащие, играет большую роль в армии мятежников. Они ее пока цементируют, они обеспечивают боеспособность мелких подразделений, от роты и ниже. Фашистский унтер испанского или иностранного происхождения... Колониальный проходимец, держиморда, барабанная шкура, крепко, как тюремщик, держит в руках свой взвод. Его ненавидят, но боятся и слушаются. Он гонит в бой пинками, палкой и выстрелами по отстающим. Зато, когда фашистская часть получает подлинно сокрушительный удар, не оставляющий сомнения в его уверенно наступательном характере, когда унтер теряет хоть на минуту влияние над своими безответными солдатами, они бегут опрометью, бросая винтовки, орудия, все на свете, и ничто тогда не может их остановить. Так было при республиканских контратаках у Махадаонды и Лас Росас, так было в Гвадалахаре, так было при штурмах высоты Лос Анхелес.

2 февраля

Все затихло. Республиканцы готовят новое, теперь большое наступление. Цель операции - решительно отбросить фашистов от Мадрида. Для этого концентрируются и подводятся новые большие резервы, целое множество бригад. Ларго Кабальеро лично утвердил план, выработанный Генеральным штабом. В Мадриде об этом плане еще ничего не знают, хотя мадридские войска должны наносить дополнительный удар.

Подготовка сражения должна занять еще неделю. Я решил, наконец, выехать из Мадрида на несколько дней. Я не отлучался

отсюда с семнадцатого октября. Теперь, кажется, можно. Если что-нибудь стрясется, успею вернуться.

Мы выехали с Дорадо по валенсийской дороге и около Таранкона свернули на юг, в Ла-Манчу.

Мадрид остался позади, и только в эту минуту я по-настоящему понял, в какой опасности этот город, как он оторван от мира, какую странную, печальную и горестно-славную судьбу избрали себе сотни тысяч людей, живущих среди этих стен, на этих улицах, среди этих траншей и баррикад.

3 февраля

Уже темнело, когда по избитому, запущенному шоссе мы стали подъезжать к деревне. Секретарь районного комитета всю дорогу предлагал отведать яблоко из его кошелки; он медленно рассказывал о чистосортных семенах, о тягловой силе, о ремонте инвентаря, о том, что из области обещали прислать трактор, да так и не прислали, о том, что газеты приходят с невозможным опозданием, что очень хромает допризывная подготовка и что этот вопрос упирается в кадры.

Поле холмилось волнистыми грядами, вдали забелели дома. Значит, можно будет лечь, дать отдохнуть больному плечу, немного поспать. По дороге шли две крестьянки в расшитых рубахах, в платках на голове; навстречу нам ехала еще одна, тоже в платочке, верхом. Но верхом не на коне, а на осле. И это напомнило, что девушка верхом может быть Дульцинеей, настоящей Дульцинеей Тобосской, обожаемой дамой хитроумного и несчастного идальго Дон Кихота Ламанчского, и что мы не на Тереке и не на Кубани, а в Ла-Манче, что деревня впереди - это и есть деревня Эль Тобосо Кинтанарского района Толедской области. Секретаря зовут Грегорио Гальего, он никогда в жизни не выезжал из Ла-Манчи, с большим трудом может представить себе Кубань и был бы сам несказанно удивлен, встретив там дивчин в платочках, совсем как в Кинтанаре.

Эль Тобосо встретило нас хмуро. Дома стояли неприступные, без огней, маленькие двух - и трехэтажные крепости. На тяжелых церковных воротах висели средневековый замок и картонный плакат: "Народный склад антифашистского зерна". Длинная очередь хозяек в черных платках змеей загибалась за угол и входила в бакалейную лавку. Продавали шоколад для питья, полфунта на душу. В деревне было чисто, как на пасху, все подметено, все прибрано и гладко. Мадрид вспомнился как огромный замусоренный бивуак.

Алькальд принял нас вежливо и осторожно. Он грелся у огромной медной жаровни; легкий дым от углей поднимался к прокопченным бревнам потолка; в конце пустынной, низкой

комнаты на каменной скамье, под доской со старыми, пожелтевшими декретами, сидели крестьяне с трубками и молча слушали наш разговор.

Сначала были затронуты общие и политические темы. Алькальд рассказывал, что времена, конечно, трудные, но деревня Эль Тобосо переносит их без всякого недовольства и вся, как один человек, предана нынешнему законному правительству. В частности, он, алькальд, прилагает все усилия, чтобы Эль Тобосо было примером лояльности и послушания властям. О себе самом алькальд объяснил, что формально он республиканец, но по убеждениям коммунист, хотя весьма не чужд и анархистским идеям. На вопрос же, как он относится к социалистической партии, подчеркнул, что и этой партией всегда восторгался. Да разве можно быть коммунистом, не будучи социалистом и республиканцем! Из двух с половиной тысяч жителей Эль Тобосо только тысяча сто участвовали в февральских выборах прошлого года. Из них двести голосовали за партии Народного фронта, а девятьсот, алькальд тяжко вздохнул, голосовали за правые и фашистские партии. После мятежа и начала гражданской войны пятнадцать человек было арестовано, человек одиннадцать скрылись. Остальные, по мнению алькальда, поняли свои ошибки и сейчас, как он выразился, дышат одной грудью с государством.

Эта часть беседы, видимо, была самой стеснительной и щекотливой для алькальда. Он то зябко потирал руки над жаровней, то вытирал пот со лба, то многозначительно хмурил брови, то плутовато хихикал и очень обрадовался, когда его отвлек приход очень молодой, очень высокой и очень грустной девушки.

- Вот вам, - оживленно сказал алькальд, - вот вам один из многих экземпляров знаменитых тобосских дульциней! Раньше сюда приезжали туристы, а теперь некому любоваться на здешнюю красоту.

Со своей стороны я попробовал быть галантным, культурным кавалером и заверил девушку, что давно мечтал увидеть ее, прославленную в бессмертном творении Сервантеса. Но красавица не поняла ни меня, ни алькальда. Она была неграмотна, как девяносто процентов жителей Эль Тобосо, как сорок процентов всего населения Испании. Девушка пришла просить ордер на кило мяса для своего больного отца, деревенского плотника.

Алькальд мягко улыбнулся.

- Ты ведь знаешь, что я не врач. А ведь только врач может определить болезнь твоего отца, вынести суждение, требует ли эта болезнь лечения элементами, которые содержатся в мясе

домашних животных, или, наоборот, таковое мясо может осложнить болезнь и даже привести ее к крайне печальному исходу. Принеси мне, малютка, справочное свидетельство от врача, и я распоряжусь о выдаче желаемого тобою мяса.

Девушка ушла, печально поклонившись. Алькальд заметил, что население еще не вполне сознательно и ему приходится разъяснять простые вещи. После этого мы перешли к хозяйственным вопросам.

Земли вокруг Эль Тобосо принадлежат большей частью богатым крестьянам и мелким помещикам. Здесь очень мало хозяйств без пятерых, или трех, или хотя бы двух батраков. Было и несколько крупных помещиков, но все они удрали к фашистам, и их имения, около двух тысяч гектаров, община конфисковала. На этих землях, как торжественно сообщил алькальд, устроен колхоз.

- Сколько хозяйств входит в него?

Этого алькальд сказать не мог.

- А кто знает? Кто руководит колхозом?

Ответ надо было понимать в том смысле, что конфискованной землей управляет комитет Народного фронта из представителей от всех местных партий. Что же касается разных частностей, вроде полевых работ, разделения труда, использования лошадей и всякого прочего, то на это при комитете есть технический руководитель, фамилии которого алькальд не помнил.

Мы потеряли почти час на то, чтобы найти технического руководителя. Это оказался маленький мужчина, очень смышленый, с властными оборотами речи. С первых же слов выяснилось, что не комитет Народного фронта, а лично он заправляет всеми делами того, что в Эль Тобосо называют колхозом. С помощью батраков и бедных крестьян, используя конфискованных мулов, инвентарь и семена, он провел еще в декабре и январе вспашку и посев пшеницы, овса и ячменя, а теперь подготовляет прополку полей. Рабочих и их семьи он кормит, хотя весьма скудно. Сначала кормил по одинаковому пайку, а сейчас завел нечто вроде трудодней или, вернее, сдельной натуральной оплаты за каждую работу. Сейчас он договаривается с народом насчет резки лозы на виноградниках и окапывания оливковых деревьев.

- Как часто у вас бывают собрания членов колхоза? Есть ли у вас какое-нибудь правление или дирекция?

Технический руководитель объяснил, что собрания были только по политическим вопросам, а что касается технических (в это понятие у него укладывалось буквально все), то комитет

Народного фронта уполномочил его, технического руководителя, распоряжаться единолично... Он очень удивляется, услышав, что у нас в Советском Союзе под колхозом понимают нечто совершенно другое.

- А не лучше было бы пока отдать часть конфискованной земли отдельным малоземельным крестьянам и батракам, индивидуально или сформировавшимся группам?

Нет, ни алькальд, ни технический руководитель не считают это правильным.

По их мнению, батраки и единоличные крестьяне сами не справятся с землей. У них не найдется для этого ни сил, ни средств. А главное, алькальд беспокоится, как бы чего-нибудь не напутать при распределении земли. Отдать ее легко, а вот выдрать обратно - это вряд ли кому удастся. Поэтому руководящие личности деревни Эль Тобосо решили конфискованные имения пока не трогать, держать их в кулаке, а после войны, когда все разъяснится, тогда видно будет, что делать с землей.

По моей просьбе нам показали конный двор коллективного хозяйства. Хорошая каменная конюшня. Тридцать мулов в стойле. Никогда не представлял себе, что мулы могут быть такие высокие. Тут же лежали сохи - старинные сохи с тупыми, короткими лемехами, каких в России уже нигде не встретишь. Конюхи поили мулов свежей водой, они поснимали береты, увидев "технического руководителя". Все вместе оставляло впечатление добропорядочной помещичьей экономии, управляемой рачительным приказчиком, пока хозяин уехал за границу.

Вышли на улицу - тьма, хоть глаз выколи. В такую тьму не надо быть фантазером и Дон Кихотом, чтобы в завывании ветра услышать вопли вражеских полчищ и в хлопнувшей калитке - выстрел коварного врага. Мелкие группы и банды бесприютных фашистов бродят по дорогам республиканского тыла - днем прячутся в оврагах и пещерах, ночью подбираются к деревням на предмет грабежа и расправы.

- А чем у вас живет деревня после работы? Какое времяпрепровождение, какие забавы?

Алькальд замялся:

- Видите ли, у нас раньше очень многие ходили в церковь. Также и молодежь. Не столько из религиозных чувств, сколько для развлечения. В церкви и кругом нее можно было поглазеть друг на друга, мальчикам высмотреть девочек, а девочкам мальчиков, потихоньку познакомиться, а теперь это отпало, ну и собираться больше негде, сидят по домам или собираются у

какой-нибудь сеньориты, у которой есть керосин. Без света мы собираться запрещаем: может выйти соблазн. А старики - те, конечно, спят.

Алькальд привел нас на постоялый двор. Под навесом, у каменной выдолбленной колоды, из которой, несомненно, пил воду Росинант, уже приютился автомобиль. Внутри харчевни, у холодного очага, при свете жалкой коптилки, с кислой миной полулежал голодный Дорадо. Но алькальд, отозвав трактирщика в сторону, шепнул ему пару слов и сразу расколдовал унылую, холодную лачугу. В очаге запылал яркий огонь, на угольях стала подрумяниваться аппетитная баранья нога, оказалось, что в Эль Тобосо можно получать мясо и без рецепта врача, и даже в чрезмерных для желудка количествах.

Кроме баранины хозяин подал к столу не только олью - испанскую похлебку со всякими кореньями и специями, не только чудесный кинтанарский суп, но даже мортеруэло - знаменитый ламанчский паштет из гусиной печенки, могущий поспорить со страсбургским паштетом. Излишне упоминать об огромном кувшине местного вина, грубоватого и хмельного. За все это, как и за постели, как и за огонь в очаге, тобосский трактирщик поутру содрал больше, чем самый дорогой столичный отель. Но, по правде сказать, так не доводилось ужинать за все полгода в Испании. Во сне приснился деревенский богач и обжора Камачо, гневный Дон Кихот требовал у него ордер на кило баранины для больной Дульцинеи, а Камачо смеялся над картонными доспехами печального рыцаря и требовал справку от портного.

5 февраля

От Эль Тобосо до Вилья де Дон Фадрике теперь час езды на машине. Дон Кихот на этот же путь, в обратном направлении, потратил день. Исчисляя суточный пробег Дон-Кихотовой клячи в двадцать пять километров, ученые-сервантисты, своим усердием намного затмившие наших пушкинистов, причисляют Вилья де Дон Фадрике к пяти деревням, где мог проживать герой великого национального романа. Но никогда интуристы не ездят в Дон Фадрике. Им здесь нечего смотреть: деревня как деревня - дома, крестьяне, мельница, колодцы, скот. Зато Дон Фадрике имеет имя внутри страны. Его крестьяне боролись с фашистскими помещиками в годы королевской реакции и в дни диктатуры Хиля Роблеса. Когда им пробовали запретить политические собрания и закрыть Народный дом, они просто выгнали жандармов за околицу и потом две недели, при взволнованном внимании всей страны, с оружием в руках оборонялись от двух карательных батальонов. Фашистским властям пришлось начать переговоры и пойти на компромисс, разрешить снова открыть Народный дом.

Деревня всегда обороняла не только свои права, она помогала соседям. Во всей кинтанарской округе и в самом Кинтанаре, если жандармы, или помещики, или помещичья частная охрана начинали что-нибудь против крестьян, те сейчас же посылали за ребятами из Дон Фадрике. И ребята приходили, они учили, как драться с фашистами, и сами первые показывали пример.

В аюнтамьенто (общинный совет) нас окружили большой оживленной группой старики, молодежь, женщины. Стали расспрашивать о Советском Союзе, как там живется, что говорят о войне в Испании, как смотрят на исход. И тут же, вперемежку, рассказывать свои собственные дела, заботы, успехи.

В Дон Фадрике ровно столько жителей, сколько в Эль Тобосо. Но деревня отправила в республиканскую армию четыреста человек. Двадцать человек погибло в боях за Республику, - их имена, пронумерованные, написаны на черной, увитой зеленью мемориальной доске, и еще тринадцать номеров демонстративно проставлены за ними в ожидании новых жертв.

Крестьяне Дон Фадрике борются с фашизмом не только с оружием в руках. Деревня стоит в шестидесяти километрах от Толедо, в ста пятидесяти от Мадрида. Алькальд и комитет Народного фронта организовали регулярные поставки для осажденной столицы. Нет дня, чтобы на Мадрид не ушли два-три грузовика с хлебом, с сыром, с фуражом, с вином, с овощами, с мясом.

- Как, у вас и мясо есть? Вот в Эль Тобосо, там его и для больных не хватает.

Донфадриковцы хмурятся.

- Хватает! Там честности не хватает, вот чего. В Тобосо мяса не меньше, чем у нас, но комитет разрешает его прятать или если продает, то потихоньку и не на Мадрид, а на Левант - там больше платят. А у нас строгий закон: если приезжают с востока, мы отвечаем, что продовольствие имеем, но продавать не можем, потому что снабжаем Мадрид. Ни за какую цену не отдадим, никакими бумагами нас не запугаешь и еще меньше силой. А когда приезжают мадридцы, мы уже их знаем, мы грузим машину доверху и о цене не спорим. А в самом Дон Фадрике мясо можно купить в лавке.

В самом деле, на главной улице здесь работает чистенькая мясная лавка с вывеской "Крестьянский союз". Продают по два кило баранины всем желающим. Очереди у лавки нет. "Крестьянским союзом" называется здешнее сбытовое кооперативное товарищество. Оно продает сельскохозяйственные продукты или меняет их (очень туго с наличными деньгами) на сахар, кофе, спички, керосин. У него же несколько лавок в самой

деревне. За последнее время "Союз", который входит во Всеобщую испанскую федерацию крестьян, взял на себя и получение ссуд, кредитов для своих членов от государственного Крестьянского банка.

Другой большой союз в деревне - сельскохозяйственных рабочих. В него вошли и батраки, и мелкие деревенские ремесленники. Союз крестьян и батрацкий союз взяли себе в пользование часть конфискованной земли мятежников - по триста гектаров. Остальные семьсот гектаров аюнтамьенто вместе с партиями Народного фронта отдали в единоличное пользование бедным крестьянам и батракам, по их ходатайствам.

- Для этого года мы завели пока одно правило: всякий, кто берется обработать кусок земли, пусть обработает сколько может и пусть продаст плоды рук своих. От этого народу и армии будет только польза. А там разберем, чья земля. Во всяком случае, пока мы здесь.

Двадцать пять километров друг от друга - и какая громадная разница между двумя деревнями!

В Эль Тобосо - еле прикрытая враждебность, саботаж Республики и ее освободительной войны, демонстративная, напоказ, нищета во всегда богатой деревне, припрятывание и спекуляция продуктами, эксплуатация батраков и бедных крестьян под лживой левацкой формой коллектива, которая при известных условиях может оказаться просто временной опекой земли помещиков в ожидании их прихода.

В Дон Фадрике - активная, самоотверженная борьба крестьянства против фашизма. Активная помощь рабочим, мелкой буржуазии антифашистского города, свободная торговля крестьян продуктами своего труда, принявшая характер содействия демократическому государству нового типа.

Откуда такая разница? Можно ли приписать это только тому, что Тобосо деревня кулацкая, а Дон Фадрике - бедняцкая?

Мне кажется, что не в этом только дело. В Дон Фадрике есть заметная прослойка богатых и зажиточных крестьян с хозяйствами по пятнадцать, и по тридцать, и даже до сорока гектаров, с пятью-шестью мулами и пятью коровами в каждом, с наемным трудом и большими товарными запасами. С двумя такими хозяевами я подсчитал их основной капитал и досчитался с каждым больше чем до пятидесяти тысяч песет. Но эти и все средние крестьяне целиком на стороне правительства Народного фронта, посылают ему пшеницу, картофель и сыновей в окопы. А в Тобосо есть много батраков, которые пока, по существу, не организованы и лишь переменили хозяина - вместо помещика имеют над собой комитет, и даже не комитет, а "технического

руководителя".

Большую роль здесь сыграла разница в работе политических партий.

В Дон Фадрике социалисты, коммунисты, республиканцы издавна и особенно в последнее время были активны и деятельны. Они разъяснили крестьянству его интересы, научили охранять свои права от посягательств фашистских помещиков и в той же мере от безответственных экспериментов всякого рода левацких авантюристов. В результате крестьяне знают, что может им дать демократическая республика, чего они от республики могут требовать, знают, что у них может отнять Франко и почему следует с ним бороться.

В Тобосо комитет Народного фронта - ширма для приезжих. Вся жизнь деревни затиснута в узкосиндикальные рамки, а политическую работу вокруг закрытой церкви по темным, тихим домам ведут все те же уцелевшие фашисты. Тобосо и Дон Фадрике - это два полюса, две крайности состояния сегодняшней испанской деревни. Между этими полюсами располагаются все разновидности и оттенки ее сложной, взбудораженной и глубоко потрясенной жизни...

Еще в Мадриде министр земледелия Висенте Урибе показывал мне целый толстый том, написанный на машинке, - синоптические таблицы бесчисленных форм и сочетаний, в которых сейчас идет использование огромных земель мятежников, конфискованных народом. Тут и государственное хозяйство, и общинное, и профсоюзное, и коллективное, и индивидуальное, тут и все виды кооперации - торговой, кредитной, производственной и т. п. Тут и интегральные анархистские коммуны с полным обобществлением всего, вплоть до носильного белья и изъятия денег с заменой таковых бонами, нарезанными из папиросных этикеток. Отрегулировать и даже разобраться во всем этом пока, в разгар гражданской войны, очень трудно. Правительство поступает правильно, кредитуя и поддерживая сейчас все формы - индивидуальные, коллективные сельского хозяйства по одному только признаку: их продуктивности. Обработать, засеять, убрать все поля - вот первое и основное требование, которое предъявляет правительство к деревне.

Иначе нельзя. Продовольственный резерв может решить судьбу войны и всего демократического режима. И можно от души порадоваться - во всей республиканской Испании не увидишь ни одного невспаханного, незасеянного клочка удобной земли. Даже на самой линии фронта, под артиллерийским огнем, под бомбами самолетов, крестьянин спокойно выполнил свой

гражданский долг.

Остальное, прочее зависит от политических партий. Плоды их работы, хорошей или плохой, слабой, сильной или никакой, полезной или вредной, можно наглядно видеть в каждом селе, на каждом хуторе, в каждом крестьянском доме.

Там, где партии занялись деревней, там, где оберегали порядок, законность и интересы ее жителей, там, где крепили антифашистский союз с городом, - там крестьянство показывало удивительные образцы героизма и самопожертвования, создавало партийные отряды, размещало у себя городских беженцев и с подлинно испанским благородством делится с ними всем, что имеет.

Там, где политическая работа сводилась к администрированию, реквизициям и расклейке плакатов, - там люди хмуро отсиживаются по домам, выжидая, куда повернутся дела. Люди неплохие, люди часто замечательные, могущие помочь Республике и борьбой и трудом.

6 февраля

Гостеприимные хозяева не хотят отпускать из Дон Фадрике. Они водят по деревне - нас сопровождает уже толпа человек в сорок - и все показывают и все рассказывают. Вот здесь была баррикада против жандармов Хиля Роблеса, вот здесь пал в бою Анхель Кабрера, чудесный парень, кузнец. А в этот дом надо обязательно зайти - у этого крестьянина вчера родился сын и назван Хосе Хосе, дважды Хосе - в честь Хосе Диаса и Хосе Сталина. Вот в этом доме днем ничего нет, а вечером курсы для неграмотных под руководством одной сеньоры, республиканки. Как жаль, что она уехала утром в Кинтанар, разминулись.

- Вечером тихо у вас тут? Скучно?

- А вы оставайтесь, проведите вечер в Дон Фадрике, посмотрите, как мы живем. У нас два Народных дома, кино, танцевальный зал, своя труппа, множество кружков, читальня, вечерние добровольные женские мастерские белья для бойцов и раненых.

В этом глухом углу люди пересмотрели лучшие мировые и почти все большие советские фильмы. Почему-то особенно понравился им "Голубой экспресс"{10}. Они выписывают его в четвертый раз.

Главная гордость Дон Фадрике - это старый Народный дом, тот самый, из-за которого деревня дралась с двумя батальонами. Его строили еще при монархии, строили всей деревней; мужчины и женщины приносили по камню, по бревну, по оконному стеклу. Мы осматриваем это небольшое, барачного вида здание, холодное, с рядами деревянных скамей. Есть другой, новый,

нарядный дом, в здании бывшего помещичьего клуба, очень богатом, уютном, с мягкой мебелью и всеми удобствами, какие только могли придумать провинциальные сеньоры. Но все политические собрания по-прежнему проходят в старом доме.

- Почему?

- А у нас старый дом считается почетней.

Донфадриковцы посмеиваются:

- Не забудьте, мы все-таки Дон Кихоты как-никак.

Они считают себя Дон Кихотами, хотя по происхождению, по крови, по сословию являются потомками крестьянина Санчо Пансы.

Поддерживая по традиции официальный культ великого Сервантеса, вчерашняя правящая Испания, Испания помещиков и монахов, банкиров и мистических философов, трактовала его книгу как трагическую неразрешимую дилемму между идеальным рыцарем, аристократом Кихотом и обыденным, затрапезным плебеем Санчо, между поэзией и прозой, между прекрасной мечтой и вульгарной действительностью. Это была ложь, и прежде всего ложь о Сервантесе. Великому писателю Испании были дороги оба его героя, он с одинаковой любовью написал обоих. Для Сервантеса Кихот и Санчо - это не противоречие, а синтез, не трагедия, а апофеоз духовных и творческих сил испанского народа.

Настали дни великих испытаний. Рыцарь печального образа и его друг, оруженосец, вступили в бой уже не с ветряными мельницами, не со сказочными волшебниками.

Самые жестокие, самые черные вооруженные силы XX столетия обрушили свой сокрушительный удар на мирную, неподготовленную Испанию.

Мир присутствует перед славным поединком Дон Кихота. Сражается он за все человечество, с врагами всего человечества. Его палица обороняет не только собственную землю, дом и семью, - она обороняет испанскую культуру, книги, идеи, свободу мыслить и творить.

7 февраля

Валенсия встретила нежным теплом, чудесным дыханием моря, цветов, фруктов. После сурового горного военного Мадрида это ванна отдохновения. Апельсины лежат золотым ковром на десятки километров вокруг города, их некуда вывозить, некому продавать. Апельсиновые деревья с плодами растут на главных улицах, посреди асфальта, между фонарных столбов и трамвайных проводов. Это так же ненатурально, как если бы открыть в ванной кран и вместе с водой оттуда пошли бы рыбки. Тротуары запружены густой бездельной толпой. Бродят и сидят,

развалившись за столиками, целые дивизии молодых людей призывного возраста. На центральной площади Кастелар огромный плакат: "Не забудьте, что фронт в 140 километрах отсюда". Снабжение беспорядочно, на рынках мало провизии, но в ресторанах едят всласть мясо, кур, рыбу, колбасы, овощи. Город переполнен до отказа, квартиры уплотнены, министерства до сих пор дерутся из-за зданий; министры живут и столуются в гостиницах, за каждым ходит стайка журналистов, вечером в ресторанах отелей за общим кофе громко обсуждаются все военные и государственные дела.

Ларго Кабальеро все ругают: противники - вслух, сторонники потихоньку. Но его побаиваются: у "старика" суровые замашки, он покрикивает, не допускает возражений, военные вопросы он решает единолично как военный министр, все прочие вопросы - единолично как глава правительства. В конце концов, пусть бы решал. Но он не решает. Бумаги важнейшего военно-оперативного значения накапливаются грудами, нерассмотренные, неисполненные. Что бы ни случилось, Кабальеро ложится спать в девять часов вечера, и никто не смеет будить "старика". Если даже Мадрид падет в полночь, глава правительства узнает об этом только утром. Против него ведется глухая борьба, но он подавляет пока всех угрозами уйти и этим обезглавить Народный фронт. Даже коммунисты, которые яснее других видят гибельность его политики, даже они считают пока преждевременной и вредной его отставку, думая, что это повредит внешнему авторитету правительства. "Старик" чувствует это и потому нарочно терроризует всех: или его надо слушаться беспрекословно, или он бросит все.

Новое наступление подготовляется страшно медленно, части не укомплектованы, до сих пор полностью не вооружены, хотя оружие есть. Кабальеро не выдает ни одной винтовки без своей личной визы; ему кажется, что чем позже он выдаст оружие, тем лучше он его сохранит. На самом деле наоборот. Солдаты упражняются на деревянных палках и, получив оружие перед самым боем, не смогут обращаться с ним, поломают или бросят. О будущем наступлении знают все в городе, знает, конечно, и противник, и здесь знают о том, что противник знает, и противник знает, что мы это знаем. В кофейнях, в штабах, в трамваях спорят о том, удастся ли мятежникам упредить нас, или нам удастся упредить противника.

После Мадрида все это непривычно, обидно и тревожно слушать. В Мадриде, в двух километрах от фронта, люди больше верят в успех, чем здесь, в тылу.

Основное в оперативном плане республиканского

наступления (этот секретный план, конечно, известен и мне - чем я хуже других!), основное заключается в том, что ударная группа в составе до пятнадцати бригад, целая армия, наносит фашистам удар на левом фланге нашей обороны, с участка Мараньоса - Сан-Мартин-де-ла-Вега, и выходит в первый день на Толедское шоссе. Вспомогательная группа ударяет на Брунете. Еще одна группа прикрывает главную группу с юга. Мадридцам предоставляется нанести дополнительные удары: один - из парка Эль Пардо и другой - из Вильяверде, из прежних укрепленных позиций Листера.

Мадридскому корпусу, уже обстрелянному, проверенному в тяжелых боях, предоставляется второстепенная роль. Тут не без политики. Ларго Кабальеро и начальник Генерального штаба генерал Кабрера вбили себе в голову, что освободят Мадрид силами совершенно новой, ими самими сформированной армии, к которой мадридцы не имеют никакого отношения. Этим Кабальеро смоет с себя пятно: ведь он не только бросил в ноябре Мадрид, но и открыто заявил, что нет стратегического смысла, несвоевременно оборонять столицу. Теперь он докажет свою правоту и выступит как освободитель Мадрида!

Медленно, со скрипом, работает штабная машина. Разъезжают офицеры - из Валенсии в штаб Центрального фронта, из штаба Центрального фронта в Мадрид. Ползут письма, донесения, рапорты, расходятся в пути, устаревают, аннулируются. Идут бесконечные переговоры по телефону. Контрразведка много раз предупреждала, что фашисты подслушивают, что доверять телефонным проводам нельзя. Поэтому начальники разговаривают на ужасно конспиративном языке:

- Ола, полковник, птички уже прилетели?

- Да, мой генерал. Они прилетели сегодня в девять тридцать.

- Много птичек?

- Четырнадцать легких и четыре тяжелых. Две тяжелые птички при посадке подломили шасси.

- Карамба! Что за идиот их вел?!

- Об этом уже доложено авиационному толстяку{11}. Но на него это не произвело никакого впечатления.

- Для министра это слишком маленькое происшествие. Он все равно будет числить за нами четыре тяжелых птички.

- А черепахи, они уже все в пути?

- Не все, мой генерал. Два взвода черепах ремонтируют гусеничные передачи.

- Но так мы никогда не начнем! Свадьба откладывается уже второй раз! Клянусь святым причастием, фашисты начнут раньше

нас! Разведка доносит, что уже все готово к их свадьбе.

- Ничего не могу сделать! Вы знаете, мой генерал, какое положение с женихом - он сердится, когда мы напоминаем.

- А заместитель жениха, он уже выехал из Валенсии?

- Полагаю, что не выедет. Жених поедет со вторым заместителем.

- С бородой?

- Так точно, мой генерал.

- Это меня не касается. Я об этом не знаю. Он меня не застанет.

- Что прикажете доложить о здоровье детей?

- Дети абсолютно здоровы. Температура повышается. Имейте в виду: вы мне недодали две тысячи восемьсот игрушек из последней партии. И этих... как их... не хватает. Они у меня на исходе. Даже в тихие дни мы расходуем... этих самых... по восемьдесят тысяч в сутки.

- А ихние птички не прилетели?

- Как же! Были. Семь птичек. Орехи бросали. Семь орехов.

- Жертв нет?

- Жертва есть. Один орех разорвался совсем рядом со штабом. Убил человека с палкой.

- С чем, мой генерал?

- С палкой, говорю!

- Простите, как, мой генерал?

- С палкой, говорю! Что, условного языка не понимаете? Ну, с палкой, с пулеметом, понятно?!

- Понятно, мой генерал!

Наступление было назначено на двадцать седьмое января, затем перенесено на первое февраля, затем на шестое, а теперь намечается на двенадцатое. Тем временем уже не только разведка, а сами части с левого фланга обороны доносят об активности мятежников в этом секторе. Похоже на то, что Франко все-таки упредит.

8 февраля

Мы так красиво обедали с дель Вайо и его женой в ресторане на пляже, нам дали огромных свежих омаров, и разговор шел о международном положении, о позиции Рузвельта, о позиции Ватикана, о позиции Блюма, еще о чьей-то позиции, но кто-то приехал и сказал, что мятежники вовсю наступают под Мадридом, что уже перерезана валенсийская дорога и что все пропало.

Тотчас же после обеда я уехал обратно в Мадрид. Поздно вечером добрался до Арганды, миновал ее; проезд был свободен до самого города, но орудийный гул слышался очень близко и

шоссе было запружено растерянными, перепуганными частями. В темноте я их принял за мадридцев, но, подойдя к командирам, не узнал никого. Оказывается, это новые бригады, которые развертывались для наступательной операции, но остановились и побрели назад, так и не заняв исходного положения. У офицеров и комиссаров был ошеломленный, перепуганный вид, шли разговоры о разгроме, о поражении, о необходимости тотчас же ретироваться. В довершение всего стряслось несчастье в 21-й бригаде. Там командир батальона со своими офицерами рассматривал гранату, взятую у пленного. Граната разорвалась и перебила всех семерых офицеров батальона.

К ночи мятежники сильными атаками продвинулись до правого берега реки Харамы, заняли деревню Васиамадрид и оттуда взяли под огонь Валенсийское шоссе, этим перерезав его.

К городу можно проехать кружным путем, но я заночевал в лачужке у шоссе, чтобы на рассвете разобраться в том, что происходит.

10 февраля

Попытки выбить мятежников из Васиамадрид не удались. Валенсийская дорога теперь прочно под обстрелом фашистов. Они, видимо, подвозят новые силы. Из Мадрида пришлось взять и поставить сюда все те же старые части. Опять появились Модесто, Листер, Ганс, Лукач, Дуран, Маркес. Ими приходится затыкать все дыры. Вновь приведенные части из резервной армии в хаотическом состоянии отведены в тыл и там приводятся в порядок.

11 февраля

Марокканцы ночью подкрались к роте{12}, охранявшей железнодорожный мост, уничтожили всю роту и перешли через Хараму.

14 февраля

Этой ночью мятежники предприняли первые атаки в районе Арганды. Дело дошло здесь до штыковых и рукопашных схваток. Республиканцы отбросили мятежников и удержали все свои позиции. С утра бой продолжается, но с меньшей силой. Наступательный порыв фашистов как будто ослабевает. День проходит в грохоте артиллерийской и пулеметной стрельбы. Особенно свирепствует германская зенитная артиллерия. Стоит появиться на горизонте самолету - и в небе сразу возникает огромная черная, с огненными бликами, смертоносная туча огня.

Сами фашисты решили бомбардировать республиканские части с воздуха. В четырнадцать часов над районом Арганды появились шесть "юнкерсов" в сопровождении тридцати шести истребителей. Мгновенно их встретили в воздухе сорок

республиканских истребителей. Всего в бою участвовало одновременно семьдесят два самолета. Войска обеих сторон с волнением наблюдают за зрелищем воздушного боя. Оглушительный гул десятков моторов наполняет все кругом.

Три раза пробуют "юнкерсы" сделать заход за линии республиканцев, сбросить там бомбы. И три раза вынуждены бежать от республиканских истребителей. Так и пришлось "юнкерсам" вернуться обратно домой, не сбросив бомб.

16 февраля

Шофер Дорадо - хороший малый, но он все-таки немного слишком робеет для коммуниста. Сегодня мы его переквалифицировали на героя.

Мы выехали из Мадрида через Вальекас, по Валенсийскому шоссе. Дорадо ехал спокойно и уверенно. В эти последние дни мы несколько раз ездили с ним сюда, на участок Модесто и Маркеса, река была в стороне. Как шофер, Дорадо не интересовался картой, считая ее забавой пассажиров, он не знал, что дальше река образует резкую излучину, подходит к самой дороге и что именно здесь шоссе обстреливается мятежниками. Дорадо безмятежно ехал на восьмидесяти километрах скорости, мы миновали шестнадцатый, семнадцатый, восемнадцатый километровый камень - тут я резко пригнул ладонью голову шофера и крикнул ему: "Давай все!" Разбитые машины, поваленные снарядами телеграфные провода валялись на шоссе. Нагнувшись сам, я видел одним глазом маленький порванный ботинок шофера, выжимавший акселераторную педаль. Пули затрещали по шоссе, но бестолково, запоздало, только одна звякнула о кузов нашего "бьюика", все остальные мимо. Иначе и не могло быть. Фашисты уже неделя как взяли шоссе под обстрел, им и не могло прийти в голову, что найдутся дураки ездить здесь. Именно на это и был расчет. Пулей мы пронеслись к Аргандскому мосту, там навстречу повскакали французы из 12-й бригады и чуть не укокошили нас: они думали, что прорвались мятежники. "Молодец! - крикнул я. - Это было твое испытание". Триумфатором, развалившись за рулем, Дорадо подъехал к штабу. Лукач устроил мне сцепу. Он пригрозил даже, что за попытку самоубийства лишит обеда. Но не лишил. Вечером, вернувшись в Мадрид, я под честное слово рассказал иностранным журналистам, что валенсийская дорога, вопреки лживым басням мятежного радио, до сих пор является проезжей для всех видов транспорта и что это лично проверено. Двое корреспондентов послали телеграммы. Я все-таки не послал. Не надо преувеличивать.

17 февраля

Группа мадридских частей теснит с фланга и тыла войска мятежников, действующие на реке Хараме.

С семи часов утра республиканцы при поддержке танков и артиллерии начали атаку в направлении селения Мараньоса, юго-восточнее возвышенности Эль Серро де Лос Анхелес. Танковая часть мастерски переправилась через реку и повела за собой пехоту. Артиллерия республиканцев вынудила зенитную артиллерию мятежников сняться в самый момент появления республиканской штурмовой авиации.

Около полудня над полем боя появились фашистские самолеты - пятнадцать "юнкерсов" в сопровождении большой воздушной охраны. Вся эта армада безрезультатно бомбардировала район, в котором, как думали, находилась республиканская артиллерия. Во второй свой заход эта же эскадрилья пыталась атаковать Арганду, но была отрезана республиканскими зенитками и ушла, не сбросив бомб.

Ночью и днем восемнадцатого февраля мятежники начали контратаку у Мараньосы; зато это ослабило их на реке Хараме, у Арганды.

Взбешенные наступательной операцией мадридской группы, мятежники решили сейчас же наказать мадридцев ночной бомбардировкой. Ночной потому, что она безопаснее для воздушных бандитов. И вот после больше чем месячного перерыва опять сотрясаются окна от взрывов, опять мы слышим вопли раненых, опять центральные улицы устланы обломками домов, опять в городские морги свозят мертвых женщин и детей.

Всего две недели назад Франко объявил, что Мадрид был бы давно занят, если бы не его, Франко, нежелание подвергать ужасам артиллерийской воздушной бомбардировки мирное население столицы. "Гуманизм", вдохновленный метеорологическими сводками, размокшим грунтом аэродромов! Высохли аэродромы - высохло и человеколюбие Франко и Геринга.

Час тому назад - новый жестокий воздушный бой над Харамой. Видимо, на этот раз фашистские летчики получили приказ удержаться любой ценой, любой ценой заставить противника отступить, - они сражались очень упорно. Сбито семь фашистских самолетов. Республиканцы потеряли три истребителя, один из летчиков ранен, второй невредим, судьба третьего неизвестна. Но и на этот раз, пусть потеряв три свои самолета, прогнали врага и удержали за собой поле боя.

Все сильнее разгорается сражение вокруг Мадрида. В нем участвуют с обеих сторон много десятков тысяч человек. Маленькая война развернулась в большую войну.

18 февраля

В боях последних трех дней много черт и эпизодов показывают, насколько напряженной и жестокой стала война, насколько далеко ушла она вперед от кустарного, партизанского начального периода.

Плотность фронта на Хараме высока. Обе стороны сосредоточивают на сравнительно небольшом участке значительные силы, большие огневые средства. Артиллерийский и пулеметный огонь, пехотные, автобронетанковые и воздушные атаки почти не прекращаются. Им сопутствуют ночные вылазки, штыковые атаки, кавалерийские разведки на флангах.

Потери мятежников в последних боях опять очень велики. С наблюдательных пунктов видны целые вереницы санитарных автобусов, идущих от боевых линий в тыл. Много убитых остается на поле боя. Значительны потери и у республиканцев.

С огромным мужеством бойцы одной бригады подбили и захватили два фашистских танка и противотанковое орудие. Атака велась на совершенно открытом месте, - только отвага и презрение к смерти помогли молодым "антитанкистам" добиться своего.

Линии воюющих сторон сошлись так тесно, что иногда сплетаются друг с другом. Вчера республиканский танк спокойно и незаметно для себя выехал на поляну, в расположение солдат фашистского иностранного легиона. Мятежники реагировали на приход танка тоже очень спокойно, принимая его за свой. Командир вышел из машины, чтобы справиться об обстановке, и только тогда разобрал, в чем дело. Хладнокровие и решительность спасли его. Мгновенно вернувшись в танк, он открыл огонь. Марокканцы пробовали атаковать его своим излюбленным противотанковым средством - стеклянными снарядами с бензином, но танк расстрелял и передавил всю часть, после чего вернулся к своим. (Примерно такой же случай произошел в январе у Махадаонды с фашистским танком, но там экипаж бросил своего офицера, и он попал в плен.)

Не всегда танкистам удается так счастливо кончать бой. Мужественно и трагически погиб здесь командир танкового взвода, чудесный товарищ Фриц, немец-антифашист, революционный рабочий. Прямым попаданием снаряда была подбита его машина. Легко раненный, он лег под танк, надеясь потом как-нибудь уползти. Вторым снарядом ему оторвало ногу. Истекая кровью, он отстреливался из револьвера от окруживших его фашистов и последнюю пулю пустил себе в голову - в свою умную, храбрую, веселую голову.

Рискуя новыми жертвами, товарищи Фрица кинулись в

контратаку и спасли его тело от издевательств врага. И тут же поклялись отплатить за гибель своего командира. На полях Испании германские рабочие продолжают сражаться с гитлеровским фашизмом!

Учащаются вылазки республиканцев на непосредственных линиях обороны самого города. Прошлой ночью фашисты пытались вернуть себе группу зданий, потерянную накануне. Защитники Мадрида не только отбили эту атаку, но и, обнаружив при преследовании два фланкирующих пулемета, добрались до них, бомбами уничтожили их и перекололи пулеметчиков.

Такими вылазками, умножая их всемерно, мадридцы тревожат войска, осаждающие Мадрид, и этим помогают своим товарищам на Хараме. Наконец, со вчерашнего дня высшее командование объединило под единым руководством все силы, действующие как у самого Мадрида, так и на примыкающих к нему секторах - от Лас Росас до Аранхуэса. Это решение отвечает настроению в войсках Центрального фронта.

В войсках крепнет воля к наступательным действиям. Новые кадры, выросшие в борьбе, борются за порядок и дисциплину в армии, за выполнение приказов, против методов уговаривания, против расхлябанности и медлительности в управлении. Они приветствуют чистку штабов и прифронтовых учреждений от бюрократов, саботажников и изменников, замаскированных фашистов и замену их храбрыми, энергичными командирами, на деле, в бою показавшими свою преданность Республике.

20 февраля

На солнечной стороне бурых холмов проступают нежные зеленые пятна. У поворота дороги, на пригорке, один, беззащитно и трогательно цветет миндаль. Это пестрое, жадное цветение на серой волнистой равнине кажется и жалобой и мягким вызовом. Под миндальным деревом, спиной прислонившись к стволу, сидит человек с перерезанным горлом. Кровь ярким галстуком спускается вниз, до пояса, и дальше, большой лужей по земле.

В руках у человека фашистская газета. Ночью здесь наступали фашисты. Сторожевое охранение заснуло - мятежники перерезали его и убитому, в насмешку, сунули в руку фашистскую газету. Убитого не успели вывезти потому, что сначала надо вывезти раненых.

Сейчас республиканцы контратакуют, вернули себе пригорок с миндальным деревом и продвинулись на полтора километра вперед. Это кое-чего стоило. Каждые три - пять минут появляются новые носилки или мул с двумя ранеными; они подвешены в плетеных креслицах по обе стороны его спины, уравновешивая друг друга.

Дальше вперед - острее слышится резкая музыка боя. Множество пулеметов слилось голосами в один, орудийный грохот не смолкает ни на минуту. Республиканские батареи расчищают путь своей наступающей пехоте. Фашистские орудия бьют по ней и по батареям. Они не могут нащупать свою цель, кладут снаряды за добрых пятьсот метров в сторону, - а батарейка-то здесь. С наблюдательного пункта направляют огонь, хвалят за меткость, но требуют выкатить пушки вперед и бить по белому домику.

На склоне горы каменистое поле кажется совсем пустым. И только подойдя ближе, видишь, что поле живет. Фугасные снаряды вырыли большие, по нескольку метров в диаметре, воронки. В каждой такой воронке устроилось по нескольку - человек бойцов. Всего на этом поле целый батальон, ожидающий с минуты на минуту ввода в атаку.

Ночью и сегодня утром смерть искала здесь добычи. Сейчас люди пришли сюда сами и спокойно укрываются в могилах, которые приготовил для них враг. Кто постелил себе мягкое ложе из ветвей и листьев, кто дремлет просто на земле, завернувшись в одеяло, кто пишет письма родным.

Кажется безумной эта жизнь в двух шагах от линии, огня, вернее, под самым огнем, потому что артиллерия не стреляет чисто случайно и может направить сюда огонь каждую минуту. Но солдатами руководит нисколько не безумие, а здравый смысл обстрелянных бойцов. Артиллерия в данную минуту отвлечена другим объектом - стреляет то фугасными снарядами по батарее, то шрапнельными по ее персоналу. На склон горы она внимания не обращает. И поэтому хорошо использовать этот склон как место исходного положения для атаки. Конечно, с момента самой атаки огонь будет переведен сюда. Но тогда батальон уйдет дальше, ближе к противнику. Ничего не поделаешь, других удобств от врага не дождешься.

В одной воронке зазвонил полевой телефон. Командир послушал, поговорил, положил трубку, несколько секунд подумал и поднял бойцов. Поле ожило. Из ям поползли люди. Кое-кто спрятал в карман недописанные письма. Может быть, позднее их допишут.

21 февраля

На секторе Мората-де-Тахунья вдруг резкое ухудшение. Неожиданно там появилось около тысячи человек фашистской пехоты; после артиллерийской подготовки мятежники пошли в атаку, Здесь дрались батальон Листера и польский батальон. Мигель был с ними, они держались очень крепко, сдерживали противника метким пулеметным огнем. Все-таки они просили

чем-нибудь подпереть их - хоть парочкой танков и водой. Поляки не пили с раннего утра, жара и жажда мучили их. Они послали троих бойцов за водой, но воды еще не было.

Мигель побежал за пригорок, сел в машину, помчался раздобывать какое-нибудь подкрепление. В полутора километрах, у развилки дороги, стоял совершенно целым броневик. Водитель разлегся на подножке и курил самокрутку.

- Чего ты ждешь? - крикнул Мигель. - Скорей вперед, вон за тот холм! Ты там нужен! Где стрелок?

- Стрелка нет. Машина испорчена. Мотор не работает.

- Что испорчено? Покажи. Я исправлю, я механик.

Он ничего не мог исправить в моторе. Но водитель поверил и испугался.

- Мотор не работает, потому что в радиаторе нет воды.

Мигель открыл пробку. Воды в самом деле не было.

- Ты сам выпустил воду, предатель! В двух шагах отсюда лучшие люди Испании и иностранные рабочие отдают свою жизнь за твою страну, а ты бережешь свою шкуру и ради этого выводишь из строя боевую машину!

Трясущимися руками Мигель вынул из-за пояса пистолет. У него все помутилось от злости. Водитель стоял с поднятыми руками, большой, курчавый, с бараньими глазами. Двумя пальцами он еще придерживал свою самокрутку. Кругом собралось несколько человек, они не препятствовали Мигелю. Все-таки он пересилил себя.

Сзади слышался разговор по-польски. Двое парней сопровождали ослика с крохотным бочонком воды. Мигель стал уговаривать их отдать воду для радиатора. Они колебались, потом согласились с ним. Бойцы страдают, но в эту минуту броневик лучше утолит их жажду.

Мигель сел за руль, мотор отлично работал. Поляки влезли в машину. Трогаясь с места, Мигель сказал водителю, стоявшему в слезах посередь дороги:

- Возьми ослика и доставь нам в течение одного часа воду вон туда, за холм, где стреляют. Если доставишь, я тебя посажу обратно на твое место. Если нет - ты дезертир, мы найдем тебя хоть на краю света.

Батальон встретил машину криками "Ура!". Парни объяснили, почему нет воды, и бойцы одобрили решение. Броневик открыл стрельбу из пушки.

Прошел час - парня с водой не было. Пришлось на двадцать минут вывести машину из боя, послать ее за водой. Еще через час все-таки пришел водитель с осликом. Он клялся и божился, что раньше прийти не мог. Ему ничего не сделали, но на броневик не

пустили.

К закату солнца бой затих. Фашисты продвинулись на несколько сот метров, но в Морату не прорвались.

22 февраля

Высота Пингаррон много раз переходила из рук в руки. Она уже стоила обеим сторонам нескольких тысяч человек. Пять-шесть домов и отлогая, гладкая каменная плешь. Это все, из-за чего потеряно столько жизней. Но война не знает снисхождения. Пингаррон - ключевая позиция для всего восточного края харамского сектора. Кто будет ее хозяином, тот и будет командовать над большим участком реки. И вот тысячи снарядов, сотни тысяч пуль встречаются на пятачке меньше квадратного километра. Между домами и каменным холмом вырыт, уже никто не помнит кем, небольшой окопчик. Его поочередно занимают то фашисты, то республиканцы. Окопчик залит кровью, завален трупами, клочьями тел, изодранных артиллерийскими взрывами. Трупы невозможно различить, - только на одной, наполовину сохранившейся голове серьга в ухе говорит об Африке.

Захватывая Пингаррон, мятежники удерживают его особым, я бы сказал, чисто фашистским, методом: они подбрасывают сюда время от времени по одной роте. Когда рота почти полностью перебита, посылают другую. Когда сгорела вторая, посылают третью. Если республиканцы атакуют превосходящими силами, мятежники уходят, контратакуют несколькими батальонами. Захватив высоту, оставляют на ней один батальон и опять перемалывают людей, подбрасывая их роту за ротой.

Пока кипит борьба за Пингаррон, и республиканцы и фашисты стараются охватить друг друга на флангах. Идет довольно подвижное, маневренное сражение и тоже с большим кровопролитием. В последние дни дело доходило до двойных обхватов, части обоих противников чередовались, как в слоеном пироге.

Республиканская пехота и танки научились понемногу действовать согласованно и слитно. Несколько раз пехота ходила впереди танков, производя боевую разведку крупными подразделениями. Энергия и отвага танкистов опять и опять вдохновляют войска. По всей Хараме говорят о подвиге командира танка Сантьяго{13}, который один удерживал свою машину двадцать четыре часа. Прямое попадание снаряда убило водителя, тяжело ранило и контузило Сантьяго. Он впал в беспамятство. Танк остался между сторонами. Под вечер, видя, что республиканцы направляются к танку, чтобы вытащить его, фашисты начали снова стрелять и новым снарядом подожгли его. От ожогов раненый Сантьяго очнулся, выполз из танка, зарылся в

землю и переждал пожар. Потом вернулся в танк и, изредка стреляя, дождался выручки. Его подобрали без сознания, и первый его вопрос, уже комиссару и санитарам, был: "Что с машиной?"

Почему-то больше всего за последние дни меня потрясла смерть молодого моториста Маноло, связного при танках. Как дух скорости носился он по дорогам и тропинкам. Всюду мелькало его круглое, запыленное, с белыми от пыли бровями и ресницами, милое лицо. В разгар боя, под ураганным огнем, он подъезжал к танкам, стучал и передавал в щель записку командира. Вчера его, смущенного, как ребенка, генерал де Пабло публично благодарил и премировал, а сегодня на рассвете, стремительно обгоняя чью-то машину, он разбился о дерево и умер через несколько часов с той же улыбкой усталого за день ребенка...

23 февраля

Бои на Хараме еще окончательно не утихли, но танкисты именно сегодня устроили празднество. Они пригласили к себе гостей.

Праздник начался с торжественного вечера в пригородном кино "Кукарача". Вопреки своему веселому названию это сырое, узкое, мрачное зданьице, с цементным полом, со скамьями вместо стульев, с зыбкой дощатой эстрадой. Зал приукрасили зеленью и портретами.

Публику хотели рассадить по национальностям, чтобы легче было переводить доклад и программу. Но это не удалось. Танкисты расселись экипажами - водители вместе с командирами машин и командирами башен. Они до того привыкли объясняться полусловами, полужестами в бою и на работе, что уже не чувствуют никаких препятствий во взаимном обращении. Им хотелось вместе попраздновать, как вместе они дрались.

В первых рядах посадили раненых. С ними было немало возни. Все раненые захотели присутствовать на спектакле и подняли по этому поводу страшный шум. Командир разрешил пустить только сидячих раненых. Тогда несколько лежачих срочно переквалифицировались на сидячих, - запротестовали врачи. Составили комиссию, вообще с этим было много споров и переживаний.

Сейчас раненые смирно сидели в первых двух рядах, сияя новыми, чистыми повязками. Генерал де Пабло сел с ними.

Комиссар части открыл собрание - тоненький, худенький испанец в темных очках; у него были больные глаза и неожиданно сильный, громовой голос.

Он говорил о стойкой, храброй борьбе, которую вели республиканские танкисты, обороняя свободную столицу

испанского народа Мадрид и подступы к нему. О том, что в танковых войсках рядом с прирожденными испанцами мужественно, самоотверженно, беззаветно сражаются лучшие люди, представители рабочего класса других стран, пришедшие помочь испанскому народу защитить свою родину от фашистского нашествия.

- Они отдают нам свой опыт, свое умение, свою кровь и нередко свои жизни, - сказал комиссар. - Мы не забудем этого. Придет время - трудящиеся Испании вернут свой долг международному рабочему классу. Они помогут любому народу, который вступит в борьбу с чудовищем фашизма.

Взрослые и дети, мужчины и женщины, - страстно вскричал комиссар, преклоняются перед нами, танкистами! Взрослые и дети, мужчины и женщины делят с нами опасности и лишения боевой жизни!

При этом все машинально посмотрели на женщин и детей.

Дети были представлены пятнадцатилетним Примитиво - красивым, вихрастым мальчуганом, командиром башни из пятого взвода. Примитиво увязался за танками, когда они проходили деревню Галапагар. Сначала он разливал кофе, затем приспособился мотористом связи, а там вдруг выяснилось, что он отличный стрелок. Командир приказал учить его пулемету и танковой пушке. Его учили, научили. Сейчас при упоминании о детях Примитиво густо покраснел, склонил голову набок и, не разжимая губ, улыбнулся.

Женщины сидели все четыре в ряд. Старшая судомойка Фелисидад начала всхлипывать с того момента, как комиссар раскрыл рот. Другие две тоже подплакивали. Только санработник Лиза, в военной куртке, длинная, прямая, как палка, сидела с надменным лицом, выражая недоступность сентиментальным чувствам{14}.

Далее комиссар перешел к вопросам политической работы. Он указал также на особую важность гармонии духа и тела, на необходимость разумного отдыха и даже, добавил он с некоторой робостью, даже развлечений.

Его тревожила зияющая пропасть, к которой он приближался. На совещании делегатов взводов единогласно против его, комиссарского, голоса было решено ограничиться только одной официальной речью, а затем сразу начать обильную программу. Следовательно, после речи комиссара без всякого перехода начиналось пение.

Все-таки он закруглил речь на высоком уровне. Весь зал стоя аплодировал ему; он улыбался, худенький, измученный и счастливый, снял синие очки, вытирался платочком.

Затем на эстраду, в ногу топая тяжелыми башмаками, взошли сразу три конферансье - испанец, немец и серб. Они отсалютовали и объявили программу. Программа эта будет состоять из песен и аттракционов, все в исполнении товарищей танкистов. Песни будут о родине. У каждого из танкистов есть своя родина, и каждый по-своему ее любит, хотя далеко не во всех странах одинаково живется трудовому народу. Значит, будут песни о родине, а затем аттракционы - вот какая программа.

Испанский хор вышел на подмостки, он пел долго и с увлечением, перемежая общее пение сольными номерами.

Он пел звонкие астурийские песни, затем меланхолические каталонские, затем бойкие мадридские куплеты, затем пошло лихое андалусское щебетанье и больше всего фламенко - южные, полуарабские романсы с неимоверно высокими и долгими нотами, слушая которые аудитория притихает, как при акробатических трюках, и грохочет аплодисментами, когда нескончаемая нота все-таки кончается.

У Фелисидад сразу высохли слезы, она била, как хлопушками, толстыми ладонями и кричала: "Оле!"

Французы пели более сдержанно и грациозно, они одновременно не плясали, как испанцы, а слегка шаркали ногами и пристукивали чечеткой, брались по двое за руки и слегка кружились. При этом они корчили ужасно плутоватые и озорные рожи, от этих рож смех не затихал в зале. Они пели нормандские, затем савойские песни, потом лангедокские, очень похожие по языку на каталонские, потом они пели веселые парижские шансонетки. Их попросили в заключение исполнить "Карманьолу", и весь зал пел с ними.

Немцы сначала выступили с хоровой декламацией. Водитель Клаус предупредил, что декламация будет идти с некоторыми перебоями, потому что командир взвода Фриц, один из чтецов-солистов, на днях убит, когда вышел из танка, чтобы натянуть гусеничную передачу. Фрица будет замещать водитель Эрнст, но он не успел подготовиться и будет читать по бумаге.

Декламация прошла с успехом, только каждый раз, когда по бумаге читал свои слова Эрнст, все вспоминали Фрица, какой это был храбрый и честный человек; его буквально изрешетило пулеметным дождем; при нем нашли простреленное несколькими пулями карманное издание "Вопросов ленинизма" на немецком языке. Эрнст, видя взоры, обращенные на него, смущался и запинался: ему было понятно, почему так смотрят.

Сербы и болгары тоже пели свои славянские песни. Во время пения они стояли спокойно, задумчиво, слегка мечтательно. Зал подтягивал им, многие из их песен были хорошо знакомы. Они

пели очень просто и притом с какой-то торжественностью. А потом вдруг все сменилось безудержной, буйной пляской; танцоры вертелись волчком, гармонь гремела, вопли восхищения заглушали ее, ветхая эстрада "Кукарачи" трещала под топотом крепких, молодых ног.

Отделение аттракционов прошло при высоком подъеме и активности публики. Водитель Эрнст работал с гирями. Оказалось, что у него великолепная мускулатура.

"Откуда взял гири?!" - спрашивали из зала. Эрнст виновато отмалчивался. Позади него конферансье знаками объяснил, что с гирями все в порядке.

Затем французы вместе с немцами изобразили джаз. Это было не ахти как музыкально, но шуму было много и все были в восторге.

Валенсиец Рикадо, бывший тореадор, изобразил мимически и очень смешно бой с быком, а затем французскую борьбу. Он катался по полу, хватал себя за горло, хрипел, делал "мосты", укладывал себя на обе лопатки, торжествующе раскланивался и сам себе джентльменски пожимал руку. Публика в восторге кричала "Бис!" и топала ногами.

Последним номером выступил звукоподражатель Виктор, из третьей роты, женевец, часовщик. Он сначала кукарекал, затем щелкал и заливался соловьем, после чего изобразил ссору на псарне. Далее он стал имитировать более тонкие звуки, например жужжание пчелы-матки и вопли гиены в безводной пустыне. В заключение он предложил публике называть ему на выбор любые названия любых животных, с тем что он немедленно будет передавать свойственные им звуки. Это благородное обращение артиста к активности публики не было по достоинству оценено. Дело в том, что часть зрителей потихоньку наведалась в соседнюю пристройку и приобщилась к тому, что проектировалось как заключительная часть праздника. От этого в зале образовался один особенно шумный сектор.

- Каких животных мне предложат воспроизвести уважаемые зрители? корректно спросил Виктор.

- Ихтиозавра! - рявкнули из шумного сектора.

- Пожилую улитку!

- Зенитную пушку "эрликон"!

- Сардинку в масле!

- Рака печени!

- Грудную жабу!

- Генерала Франко!

- Ленточную глисту!

Немецкий конферансье пробовал унять остряков, но зал уже

вышел из концертного повиновения. Снова заиграл джаз. Виктор обиженно пожал плечами, соскочил с эстрады, подхватил толстую Фелисидад и пошел с ней в вальсе.

Через четверть часа началось пиршество. На столах лежали груды консервированного мяса в больших мисках, сыр, сладкий валенсийский лук, томаты, вареные яйца, стояло много вина и пива. Разноязычный гомон наполнял тесный барак; окна были плотно занавешены, чтобы не увидела авиация. Фашистские разведчики уже два раза появлялись над районом танковой базы, завтра надо переходить на другое место.

Скоро опять пошли песни, весь концерт был повторен за столом. Выяснилось, что много песен, народных, национальных, поющих о своей родной земле, знакомо и понятно другим народам, из других, далеких земель. Больше всего распространены сейчас по свету русские, советские песни. Их поют с воодушевлением люди, которые никогда не были в Советской стране и вряд ли увидят ее.

Мы вышли, несколько человек, из душного, веселого барака и, подстелив мешок, легли на пригорке тихо смотреть на звезды.

- Скупая земля здесь, в Кастилии, - сказал механик Альфред, - камень, сушь. Драться за нее я согласен, а жить здесь бы не стал. Я из Прованса. Какая там зелень, какие реки, какие виноградники!

- И у нас земля была хорошая, - помолчав, сказал Генрих Адамс, бывший саарский житель. - Была хорошая земля, стала плохая. Гитлеру попала она. Ничего, будет день - очистится, опять станет хорошая.

- Плохой земли не бывает, - задумчиво сказал Борислав, командир взвода, молодой, статный серб. - Вот я как-то был на Дальнем Востоке. Там такие места есть, называются - тайга. Так себе - перелески, болотца, овраги, иногда там звери дикие бродят, опять перелески, опять овраги, и так на тысячи километров. А вот люди, которые там живут, они эту землю ни на какую другую не променяют. Нравится она им! И не уйдут с этой земли никогда, не уступят никому. Родная им эта земля, вот и все.

- А Дон, что это у вас там за река? - спросил у меня Адамс. - Я много о ней читал, о реке Дон. На что она похожа - на Рейн, на Дунай? Почему называется "тихий"?

Я стал рассказывать саарцу Адамсу про реку Дон, про степи, про станицы, про казаков. Он слушал внимательно, тихо. Он спросил, какого цвета река на вид, какая в ней рыба, где река красивее, в верховьях или к устью.

Я сказал, что вниз, за Ростовом, она мне больше нравится. Если плыть к донским гирлам, к Азовскому морю.

Красиво там открывается на горе маленький город Азов, старинный город...

- Там девушки хорошо поют, у Азова. Особенно одна, - вдруг добавил Борислав.

- Ты и там побывал, шельма? - усмехнулся саарец Адамс. - Ай да серб!

- А тебе какое дело! Мало ли где приходится бывать...

Мы долго всматривались в черное кастильское небо, в его чистые, ясные, умытые звезды. Видно, все думали об одном и том же. О тех, кто далеко отсюда, на разных концах света, смотрит сейчас в это же небо, в его ночную черноту или полдневную яркую синь.

- Ну и что же, что серб? - сказал Борислав. - А поют они хорошо. Особенно одна.

28 февраля

Уже три недели без перерыва длятся тяжелые, кровопролитные бои к юго-востоку от Мадрида. Сменяя друг друга, они слились в большое сражение пока самое крупное сражение гражданской войны в Испании.

В боях на реке Хараме главные силы испанских фашистов и иностранных интервентов столкнулись с лучшими, наиболее боеспособными силами молодой республиканской армии. Обрушиваясь большим кулаком на новый, почти не участвовавший в боях сектор, фашистское командование надеялось легко прорвать фронт и изолировать, наконец, Мадрид. Вместо этого оно натолкнулось на активнейшую оборону, целую серию сокрушительных контратак и контрударов. Операция, задуманная и начатая мятежниками как наступательная, вскоре превратилась во встречную.

Почти во всем районе боев республиканцы удерживают линии на противоположной стороне обороняемой реки. На нескольких участках они избрали передним краем обороны свой берег. И только на одном отрезке фашисты переправились через реку, но, прижатые к берегу, двинуться дальше не могут. Их обходят с флангов, атакуют в лоб, бьют с земли артиллерийским и пулеметным огнем, с воздуха - штурмовыми налетами авиации.

Двадцать дней - и ни одного часа покоя, ни ночью, ни днем!

Двадцать дней в поле, под открытым небом, в непрерывном движении, в перебежках, под шрапнелью, в рукопашных схватках - это совсем ново для республиканцев после неподвижной, окопно-позиционной борьбы у стен Мадрида. Это тяжелое испытание только недавно сформированные дивизии, бригады и батальоны регулярной армии, их бойцы, командиры, комиссары все-таки выдержали.

Вряд ли бои на Хараме решат судьбу гражданской войны и даже Мадридского фронта. Сейчас они угасают, не дав решительного перевеса ни одной из сторон. Но харамское сражение, бесспорно, войдет в военную историю как большое, сложное сражение с применением всех родов оружия, всех видов войск. Пусть только военные историки не слишком увлекаются схемами расположения частей. Пусть помнят, кто в этих частях дрался: с одной стороны - профессионалы войны под командованием германских инструкторов и генералов, с другой - молодые части вооруженного народа, руководимые командирами из народа же, командирами дивизий, которые впервые взяли в руки оружие полгода назад как простые добровольцы-дружинники.

3 марта

Опять спокойно на фронтах вокруг Мадрида. И город опять живет уже установившейся, почти будничной, призрачно-реальной, спокойно-тревожной жизнью.

Я смотрю, как работает партийный аппарат коммунистов в осажденной столице. Вот одна ячейка.

Если вы спросите, где бюро ячейки, то вы должны обязательно добавить, какой ячейки. На этом заводе, как и на других предприятиях, ячеек несколько. Есть ячейки коммунистов, социалистов, есть группы анархистов, левых республиканцев. Все они пользуются для заседаний поочередно одной и той же комнатой - бывшим салоном для заказчиков.

Сегодня в салоне заседает бюро коммунистической ячейки. Присутствуют: секретарь, технический секретарь, партийный профорганизатор, казначей, два представителя молодежи и несколько рабочих из свободной смены.

Повестка дня: 1) об эвакуации, 2) о расширении производства, 3) о стенной газете.

Доклад об эвакуации делает заводской монтер, анархист. Он сопровождал семьи рабочих на восток, на побережье, и разместил их всех вместе, в одной деревушке. Переезд прошел быстро, хорошо и без происшествий, несомненно, потому, что заводской комитет отпустил добавочные суммы к тем расходам, которые дает на эвакуацию Хунта обороны Мадрида.

Окончив доклад, анархист хочет удалиться. Его приглашают остаться и принять участие в прениях. Эвакуация выдвинула новый вопрос - как организовать питание тех рабочих, у которых уехали хозяйки. Есть предложение - организовать заводскую столовую. Но оно не имеет успеха: говорят, что это слишком сложно и вызовет много забот. После горячих споров решено связаться с хозяином соседней таверны, чтобы он кормил

одиноких рабочих по сходной цене. Раздобыть ему для этого мяса, оливкового масла, картофеля, угля. Попутный спор, правильно ли будет давать на кухню уголь из лимита, отпущенного правительством на военное производство. Большинство признает, что немножко угля дать можно.

Следующий вопрос отнимает почти все время заседания. Раньше завод строил станки. Сейчас он временно реквизирован и производит важнейшие военные материалы. На общезаводском собрании было единогласно решено работать в две смены, по десять часов, чтобы увеличить производство. Для трех смен не хватает рабочей силы: люди ушли и уходят на фронт, стоит больших трудов удержать их на заводе. Так работали два месяца. Сейчас рабочие-коммунисты внесли предложение: установить для каждой смены нормальную рабочую неделю в сорок четыре часа; производственные сутки сократить, чем будет достигнута экономия в топливе, а выработку увеличить путем рационализации. Инженеры-республиканцы относятся к предложению очень горячо и поддерживают его полностью... После подробного разбора всего плана бюро постановляет: внести проект в заводской комитет, после чего предложить его правительственному уполномоченному.

По последнему пункту, о создании стенгазеты, возникает одна трудность. Каким органом должна быть стенгазета? Общезаводским? Тогда редакция должна быть составлена из представителей нескольких партий. Органом заводского комитета? В здешнем комитете коммунисты имеют большинство, и выпуск комитетского органа может быть истолкован как использование коммунистами своего положения для политических целей. Между тем задачей стенгазеты ее инициаторы считают пропаганду за поднятие количества и качества производства. В конце концов бюро решает выпустить стенгазету как орган коммунистической ячейки, но в передовой статье первого же номера предложить всем рабочим и техникам, без различия политических убеждений, принимать участие в газете и свободно высказывать свои мнения о порядках на заводе, о недостатках работы и возможностях ее улучшения.

Огромный такт и чутье приходится проявлять коммунистам Мадрида в их повседневной работе, чтобы, сохраняя свое партийное лицо, вместе с тем дружно, тесно сотрудничать с товарищами из других партий Народного фронта и делать все для еще большего сплочения и объединения всех этих партий и групп против фашизма.

На заводе сейчас сорок коммунистов и восемьдесят человек, заявивших о желании вступить в партию. Секретарь ячейки идет в

секторный комитет договариваться о порядке их приема.

До недавнего времени мадридская партийная организация делилась на двенадцать районов и имела двенадцать районных комитетов. После начала непосредственно обороны Мадрида два райкома, Карабанчеля и Сеговийского моста, перешли в подполье - их территорию захватили фашисты. Остальные десять районов соединились в четыре сектора. Сделать это пришлось потому, что большинство коммунистов ушло в армию. В самые критические дни, седьмого - десятого ноября, во всем городе Мадриде осталось не больше двухсот членов партии - все остальные дрались на баррикадах и в окопах. Лучшие люди, пролетарии, интеллигенты, сложили свои головы, оберегая республиканскую столицу. И тогда же на смену павшим в партию потекли тысячи новых соратников.

Секторный комитет имеет комиссии - организационную, профсоюзную, пропагандистскую, женскую и массовую, которая занимается работой с домовыми комитетами, эвакуацией и продовольственными делами. При каждой комиссии регулярно собирается партийный актив. Раз в неделю происходит общесекторное открытое партийное собрание. По этой же системе работает Мадридский комитет партии. Только вместо комиссий он имеет отделы и общегородское собрание созывает два раза в месяц.

Легко понять тему работы, гораздо труднее представить себе и ощутить ее содержание. Чего только не испытали за это время мадридские коммунисты! От первых добровольческих отрядов рабочей милиции до первой дивизии регулярной армии - всюду и везде большевики Мадрида были в первых рядах, учась бороться и уча других. Из простых, иногда малограмотных пролетариев, впервые взявших в руки оружие, они стали уверенными в себе, квалифицированными бойцами, командирами и комиссарами, артиллеристами, кавалеристами, танкистами и стратегами. Они показали себя как организаторы промышленности, как защитники и строители культуры, как бескорыстные друзья народа, готовые отдать все за дело свободы и независимости.

Но главная заслуга испанских коммунистов, и особенно мадридского актива, в том, что они с огромной выдержкой и настойчивостью боролись за сохранность и целостность Народного фронта, за объединение и сотрудничество всех антифашистских сил. Они показали, что могут искренне и успешно работать с анархистами, социалистами, республиканцами, и, сцементировав этот союз, доказали свою добрую волю в подлинной преданности народу!

Как ни стремились враги расколоть антифашистское

единство, как ни старались троцкисты опорочить его, идея Народного фронта оправдалась и полностью подтвердила себя как единственно правильная, единственно разумная. В этом большая заслуга испанских большевиков, их энтузиазма и хладнокровия. В ответ людям, скептически настроенным, смотревшим на Компартию Испании свысока, как на молодую, малопросвещенную и малоопытную, испанские коммунисты показали, как может себя проявить в любой стране в большой народной борьбе партия революционного марксизма.

7 марта

Новое оживление. Фашисты наступают со стороны Гвадалахары. Но не в этом только дело. Здесь обнаружены итальянские войска. Дивизия чернорубашечников. Взяты в плен сержант и несколько солдат этой дивизии. Пленные на допросе показали, что их дивизия двадцать второго февраля высадилась в Кадисе, откуда была направлена на Гвадалахарский фронт.

Это уже вторая дивизия регулярных итальянских войск, прибывшая в Испанию.

Наступление как будто очень серьезное. Войска противника отлично моторизованы и механизированы. У республиканцев на Гвадалахаре не стояло почти никаких боеспособных частей. Одним ударом мятежники вернули себе деревни Альгора и Мирабуэна, которые они потеряли в январе. Фашисты приближаются к Бриуэге. Они развивают дополнительный удар на Сифуэнтес.

Появилась в большом количестве и авиация мятежников, но плохая погода мешает ей действовать.

В Валенсии большая паника, тамошние стратеги считают, что теперь Мадриду не устоять. Да и здесь немалое смущение. Части очень устали после Харамы, растрепаны, измучены, им был давно обещан отдых.

10 марта

...Все это до крайности просто. Три пленных итальянских солдата стоят перед нами в своей обычной итальянской форме, в какой они ходили у себя на родине и в Абиссинии, со всеми нашивками и значками! В ответ на простые вопросы они дают простые ответы.

Их отправили в Испанию почти прямо из Абиссинии. Один получил месяц отпуска в Италию, другие - по два месяца. Перед отъездом, в конце января, дивизия собралась в военной казарме в Авеллино, и здесь к кадровым армейским батальонам присоединились батальоны запасных из фашистской дивизии. Этих запасных итальянские власти собрали тоже очень просто установили разверстку на людей по округам и районам страны.

Местные комитеты фашистской партии разрешали мобилизованным откупаться определенной суммой денег. В результате этого на новую колониальную войну отправилась публика победнее, так, как принято всегда.

Две дивизии, которые отправились в Испанию, сохранили свои штабы и командный состав те же, что имели в Абиссинии. Этим дивизиям дали только новые названия: дивизию имени двадцать первого апреля переименовали в дивизию "Отважная", 2-ю дивизию - в "Черные крылья". Батальоны получили номера - 751, 530, 636, 638, 730 и т. д. Артиллерия, танкетки и прочее хозяйство тоже сохранили свой прежний, из Абиссинии, персонал. Дивизии взяли с собой в Испанию свои, итальянские знамена. Излишне говорить, что во главе итальянского войска в Испании - итальянский генерал. Зовут его Цоппи, - весьма хитрая персона, бывший главный инспектор пехоты.

Я забыл только спросить, не тот же ли пароход "Ломбардия", на котором итальянские дивизии поплыли в Кадис, не тот же ли возил их в Абиссинию.

Плыли, как рассказывают солдаты, совершенно открыто. По дороге встречали пароходы. Ехать на новую войну было не сладко... Хотя пленные часто любят поплакаться, но тут можно им поверить, можно понять, каково было и сельскому парикмахеру Паскуале Сперанца и каменщику Марроне, после того как они спасли свою шкуру в Восточной Африке, опять подставлять ее под пули в Кастилии. А Марио Стопини - тот прямо хотел броситься с парохода в море. Мы ему тоже верим.

Я спрашиваю у пленного итальянского солдата, какая разница между войной в Абиссинии и в Испании, и он отвечает очень серьезно, очень просто:

- Климат здесь куда лучше. Зато еда, пожалуй, похуже. Наши офицеры воруют здесь кормовые деньги больше, чем в Африке.

- А кроме климата, есть какая-нибудь разница между абиссинским и испанским походом Муссолини?

Солдаты долго, с усилием думают. Нет, они не могут найти разницы.

В самом деле, можно ли разобраться простому человеку в этом разбойничьем мире? Простого человека посылают грабить и убивать в одну страну, затем в другую страну. Его принуждают добывать колонии для своих фашистских хозяев. За отказ подчиняться убивают, все равно - на фронте ли, в тылу ли.

По всему миру - в Африке, в Китае, на Пиренейском полуострове - бродят разбойничьи банды фашистов и мобилизованных ими людей. И именующие себя великими демократические державы Запада не смеют остановить

разбойников.

Дивизии Муссолини ходили на Аддис-Абебу, и никто не вмешался, никто не воспрепятствовал этому. Что же удивительного, если дивизии из-под Аддис-Абебы переброшены под Мадрид? Никто не остановил итало-абиссинскую войну, никто не препятствует итало-испанской, германо-испанской войне...

12 марта

Нет, это вовсе не дивизия и не две дивизии, как представлялось вчера. Это корпус. Полный итальянский экспедиционный корпус и две германо-испанские сводные бригады, сосредоточенные у Гвадалахары, обрушивают свой тщательно подготовленный удар на Мадрид!

Первый блин у итальянцев и германцев вышел комом. Республиканские части, опомнившись от неожиданного удара, перешли в контратаку, перебили более двадцати пяти итальянских танкеток, уничтожили несколько грузовиков с пехотой и взяли тридцать семь пленных, среди которых майор, капитан и два лейтенанта. От них и еще от трех перебежчиков-итальянцев получены точные данные о составе корпуса и входящих в него четырех дивизий.

Корпус наделен всем, что нужно для современного наступательного боя на коротком фронте: артиллерийским полком, более чем ста танками, отдельными противотанковыми и зенитными дивизионами, частями связи, саперными и, наконец, химическими частями. Да, на всякий случай интервенты привезли под Мадрид химические войска! Во главе корпуса стоит генерал Манцини. Четвертой дивизией командует генерал Бергонзоли, руководивший моторизованной операцией по взятию Аддис-Абебы. Вчера Аддис-Абеба, сегодня генерал хочет взять Мадрид.

На глазах у всех, у всего мира, фашистские войска ворвались в Испанию и подступают к ее столице. Никто не препятствует им в этом. Молчит Лига наций. Спокойно и даже гордо сидят чиновники в Лондонском комитете.

Полгода, истекая кровью, сражается испанский народ, неискушенный и неопытный, против кровавых мастеров войны. Четыре месяца обороняется от захватчиков республиканский Мадрид. И когда только что в жесточайших харамских боях были огромными усилиями отброшены полчища фашистов, сейчас как из-под земли вырастает новый, свежий экспедиционный корпус, переброшенный прямо из-за границы! Откуда взять новые силы для обороны, для борьбы с гидрой, у которой за ночь заново отрастают отрубленные головы?

13 марта

Проливной дождь весь день. Тучи низко прикрывают долины и ущелья, неба не видать. Земля размокла и раскисла, люди промокли насквозь, до нитки. Все укутаны в одеяла, но сами одеяла - это огромные губки, полные воды.

Три дня по колено в грязи, почти совсем без горячей пищи, без сухого ночлега. Но никогда за много месяцев я не видел республиканские части в таком одушевлении.

Что творится, что творится! Боюсь сказать, боюсь выговорить, но ведь это победа!

Честное слово, победа!

За селением Ториха по дороге, навстречу, движется процессия довольно необычного вида. Республиканские танки, идущие к своей базе на заправку, хозяйственно волокут на буксире новенькие пушки разных калибров и систем. Тут и тяжелые "виккерсы", и средних размеров противотанковые орудия, и легкие пехотные пушечки. На всем этом добре свежие итальянские надписи.

Дальше волокут цугом восемь легких танков. На них, развалившись в независимой позе, как будто они всю жизнь только и брали в плен итальянские танки, лежат и курят сигареты мадридские ребята.

Три километра дальше, влево от дороги, деревня Трихуэке. Она час назад захвачена республиканцами. В деревне еще идет ружейная стрельба - солдаты выбивают из погребов попрятавшихся фашистов. То там, то здесь раздается отчаянный вопль, и наверх с поднятыми руками выходит смертельно бледная личность в новенькой форме со значком савойской королевской династии на рукаве.

- Фрателли!

Испанцы уже знают за последние три дня, что фрателли - это по-итальянски братья. Вторгаясь на Мальорку, расстреливая с самолетов беженцев и их детей, посланцы Муссолини не произносили этого слова. Оно возникло на фашистских устах в момент опасности, перед лицом серьезного противника. Мы теперь верим, что, попадая в плен и к абиссинцам, благородные римляне так же громко кричали: "Братья!"

Дальше, у Трихуэке, в дождливых сумерках еще догорает дневной бой. Республиканская артиллерия перенесла огонь на перекресток дорог, по которым отступают итальянцы. Танки, в четвертый раз за сегодняшний день, поддерживают пехоту, преследующую фашистов. Итальянская батарея вяло отстреливается одним орудием. Очевидно, оно прикрывает отступление остальных.

Здесь, на шоссе, творится нечто невероятное. Сломанные

телеграфные столбы, путаница проводов, воронки от снарядов, сотни трупов итальянцев, наполовину засосанных водой и грязью.

На маленькой площади в Трихуэке собирается целая толпа жестикулирующих людей. В этот момент, останавливая совершенно взмыленную мотоциклетку, связист передает командиру, что над лесом, в расположении республиканской бригады, сбиты три истребителя "фиат". Командир-республиканец кричит:

- Долой фашизм!

Вслед за ним целый хор солдат в итальянской форме восклицает перед микрофоном:

- Аббассо иль фачизмо! (Долой фашизм!)

Вряд ли ожидал Муссолини именно такого эффекта от своей военной экспедиции в Испанию.

Вечер. Темнота еще больше сгустилась. Дождь. Фашисты держат дорогу под артиллерийским и пулеметным огнем. Они прикрывают отступление. Эх, еще бы один батальончик, только один, последний, - сколько войск можно было бы сейчас взять в плен при преследовании!

Генерал де Пабло сознает это, он носится взад и вперед, рыщет, ищет, что бы такое еще раздобыть и бросить вперед. Но войск больше нет, все израсходовано до капли. Бойцы на пределе сил; вымокшие, усталые, они в этот час уже не реагируют ни на отступление противника, ни на добычу, ни на что.

Вместе с сербом Кириллом мы шагаем вперед, рядом с танками, почти до самого следующего перекрестка дорог. Днем это значило бы просто идти на расположение противника, сейчас, в этой мерзкой дождевой мгле, нас вряд ли кто видит. Огонь усиливается. Надо бы лечь, да неохота еще раз ложиться в воду, в грязь.

По шоссе из Бриуэги унылым караваном движутся итальянские машины. Эх, прямо перед носом! Мы видим слепящий свет фар, глухо доносятся голоса итальянцев. Жаль, голыми руками не возьмешь. Танки дают очередь - на шоссе паника, фонари тухнут, крики, вопли, машины пятятся назад.

Де Пабло большой, рослой тенью возникает около нас:

- Куда вы залезли?! Здесь небронированным пешеходам гулять возбраняется!

Он разъярен. Ничего не удалось выцарапать, хотя бы для коротенькой дополнительной атаки. Все изнемогли, сидят и лежат в Трихуэке без задних ног. Сказывается слабая выносливость неопытных частей, даже в наступлении, при преследовании врага. Де Пабло ворчит о том, что в благовоспитанных армиях солдат спортивно тренируют. Но сам

он уже еле стоит от усталости. Ничего не попишешь, надо добраться до машин и подремать в них, пока не рассветет.

14 марта

Итало-германские войска за эти сутки предприняли на арагонской дороге четыре большие атаки. Части Листера, Кампеснно и Лукача отразили их полностью. Час тому назад, отбросив в последний, в четвертый, раз противника, республиканцы преследовали его и продвинулись почти на два километра вперед.

Республиканская авиация вопреки очень плохой погоде совершила два штурмовых вылета и жестоко побрила фашистские пехотные части. Уничтожено много грузовиков с пехотой и легковые машины.

Сейчас на командный пункт бригады доставлен пехотный штаб (канцелярия) итальянского полка - документы, книги, списки, приказы.

Успех вчерашнего и сегодняшнего дней резко повысил настроение и боеспособность республиканских солдат и командиров.

15 марта

Чего только не побросали в беспорядке отступающие от Трихуэке интервенты и мятежники! Шоссе загромождено тракторами "фиат" для перевозки орудий, огромными грузовиками "ланчиа", легковыми машинами "изото фраскини", усыпано походными сумками, обоймами и патронами.

В грузовиках тьма всякого добра, просто поразительно, как снарядились итальянские вояки в мадридский поход. Ночью все это эвакуируется в тыл, в некоторых грузовиках и тракторах осталось бензину до самой Гвадалахары, водители машин с перепугу оставили даже ключи от моторов. Разгоряченный паренек уговаривает проходящих брать с собой по полдюжине ручных гранат и побольше бисквитов. Солдаты на ходу наполняют сумки гранатами и бисквитами.

- Карамба! Наконец-то Муссолини надумал нас угостить!

Гранат итальянцы оставили больше сорока тысяч штук. Гранаты очень легки. Почему? Потому что они наполнены не твердыми взрывчатыми веществами, а газами. Каждая аккуратно и красиво, как шоколадное яйцо, завернута в восковую бумажку с надписью на итальянском языке и подробным иллюстрированным руководством к применению. Итальянцы-антифашисты из батальона Гарибальди переведут своим соратникам это руководство.

У итальянцев-антифашистов великий праздник. Они сияют. Случайно или не случайно им, революционным рабочим,

спасшимся за рубежом от черной апеннинской диктатуры, довелось участвовать в первой схватке с корпусом интервентов и нанести ему первое, авось не последнее, поражение. Надо оценить их выдержку и сознательность: со своим пленным врагом они обращаются гуманно и великодушно. Солдаты итальянской армии, особенно молодежь, крестьяне и рабочие, опомнившись от первого страха, дают очень охотно и очень подробно показания обо всех деталях распорядка и организации в своих частях. С жадностью набрасываются они на антифашистскую итальянскую печать и узнают из нее правду о своей стране. Более того, они сами вызываются поговорить по радио с оставшимися в фашистских дивизиях друзьями и товарищами. На наших глазах Андреа Пипитони подходит к микрофону полевого громкоговорителя и твердым голосом говорит:

- Слушайте, солдаты экспедиционного корпуса! С вами говорит ваш товарищ Андреа Пипитони. Я попал в плен к тем, кого у нас называют красными, и очень счастлив, что нахожусь среди них. Это благородные, честные и храбрые люди. Среди них есть итальянцы, которые добровольно, а не по принуждению и обману, как мы с вами, пришли сюда, пришли, чтобы драться против фашистов и чужих захватчиков. Товарищи! Пленных здесь вовсе не расстреливают, а принимают очень дружелюбно, раненым оказывают помощь! Друзья, бросайте оружие, присоединяйтесь к нам! Передайте моему отцу и матери, что я жив, здоров и считаю своим долгом честного рабочего говорить то, что говорю!

Пока он говорит, у микрофона образуется целый хвост желающих поговорить. Солдаты Муссолини, претерпев страхи и убедившись в том, что их жизнь спасена, приходят в энтузиазм и выражают его весьма бурно. Особенно велика радость, когда бойцы угощают их сигаретами, захваченными в их же обозе...

Жестокие удары, полученные итальянским экспедиционным корпусом в первые дни его появления на Гвадалахаре, удались благодаря дружному взаимодействию всех родов оружия республиканцев. Массовое вторжение иностранных войск в Испанию заставило командование гвадалахарского сектора подтянуться и показать, как четко и слаженно могут действовать части, когда чувствуют ответственность и серьезность момента. Трудно сказать, кто лучше действовал в эти дни - танкисты ли, непрерывно подавлявшие огневые средства итальянцев, штурмовые налеты авиации на противника под сплошным проливным дождем, ударные ли батальоны пехоты, самоотверженно бросавшиеся в атаку во главе с командирами и комиссарами. Интересно, что потери республиканцев на

Гвадалахаре ничтожны!

Конечно, было бы легкомысленно делать какие-либо далеко идущие выводы из опыта трех дней борьбы на Гвадалахаре. Итальянское командование и само римское правительство примут все меры для того, чтобы привести в порядок свои растерявшиеся, оскандалившиеся войска. У интервентов очень много огневых ресурсов, у них множество батарей и химических средств войны.

Мадрид по-прежнему под ударом. И все-таки войско Муссолини, столь кичившееся своими победами в Восточной Африке, получило крепкую пощечину.

16 марта

Вчера весь день и сегодня с утра в горах немного спокойнее. После неудач и потерь последних дней итальянцы сочли за благо окопаться, привести себя в порядок и подождать подкреплений.

Новые пленные - их взято пятьдесят девять человек - показывают, что итальянское командование затребовало на свой сектор ударные марокканские части. Офицеры вчера подбодряли солдат: "Скоро придут мавры, их поставят впереди, мы пойдем вслед за ними, и тогда посмотрим, чья возьмет".

Маршировать в тылу африканских батальонов - какая честь для гордых римских фашистов и чистокровных арийских воинов Гитлера!

Танки итальянцев пока перестали показываться. Усиленно работают их мощная артиллерия - до сотни орудий разных калибров - и, поскольку погода распогодилась, авиация. С самого рассвета и весь день по всему фронту ни на миг не затихает рокот моторов, не смолкают взрывы. "Юнкерсы", "хейнкели" и "фиаты" бродят тройками, восьмерками, девятками по всему горизонту, бомбят без конца деревушки, колокольни и отдельные дома, оливковые рощи, где обычно принято искать воинские части, автомобили на дорогах. Республиканская авиация особенно ими не занимается - она сама отправилась бродить по тылам итальянцев. Только что над нами прошла целая эскадра семьдесят республиканских самолетов - и вот уже из-за фашистских линий слышится гул взрывов.

Бойцы нисколько не в претензии на погоду. Они рады хоть и под "юнкерсами", но, наконец, полежать на солнышке, высушить платье и обувь.

17 марта

В штабах еще возятся с захваченным у противника военным имуществом, распределяют бригадам орудия и пулеметы, изучают документы, списки личного состава и приказы итальянских генералов. Вот взятая наугад итальянская армейская книжка: "Итальянская армия, личная книжка Боттини Франческо,

год рождения 1915. No матрикулы 1424 (63)".

В одном из приказов, отпечатанных типографским способом, генерал Манцини поздравляет войска со взятием Малаги и заявляет: "Я передаю вам благодарность и восхищение не только командования и лично свои, но и того (слово "того" напечатано жирным шрифтом), кто послал вас сюда".

18 марта

Ночью, вернувшись из Трихуэке в Гвадалахару, я слышал по радио заверения главной квартиры Франко в Саламанке о том, что Трихуэке все еще в руках его войск, что никаких итальянцев на фронте нет.

Сегодня я снова в Трихуэке; здесь, правда, не очень уютно под артиллерийским обстрелом, но фашистов уже без бинокля не видно.

Что же касается итальянцев, то из одних только пленных, взятых в эти дни, в Мадриде по их же инициативе формируется целый итальянский антифашистский батальон.

Сегодня же мы видели взятого в плен капитана Джузеппе Вольпи. Этот почтенный офицер успел сорвать с себя эполеты и долго отказывался признать свой настоящий чин, уверяя, что он только сержант. Комиссар терпеливо слушал его, а затем предъявил взятую из его бумажника фотографию. На ней капитан Вольпи снят в полной форме, с рукой, поднятой в фашистском приветствии, с эполетами, под деревом, на котором висит труп абиссинца. Капитан слегка побледнел и сказал: "Мой романтизм погубил меня".

Я присутствовал также и при церемонии, пусть маленькой и скромной, но бесспорно очень приятной для сердца "того", кто издалека следит за экспедиционным корпусом. Командир дивизии Энрике Листер и комиссар Карлос лично передали на фронте генералу Миахе итальянское фашистское знамя, захваченное у одной из частей, посланных завоевывать Мадрид.

19 марта

Это в самом деле уже не просто успех, а настоящая, значительная победа республиканской армии. Этой ночью, после короткой артиллерийской и авиационной подготовки, республиканцы атаковали с двух сторон город Бриуэгу; заняв его и захватив более двухсот пленных, отбросили итальянские экспедиционные дивизии за гребни окружающих высот.

К утру, в проливной дождь, я въехал в Бриуэгу. Шоссе опять, как накануне, загромождено итальянскими пушками, мортирами, грузовиками (семьдесят штук), колючей проволокой, ящиками снарядов, патронов, ручных гранат и прочего снаряжения. Одного только бензина было захвачено сто тысяч литров. Республиканцы

сейчас почувствовали на практике, что значит брать трофеи: несколько бригад полностью вооружились, оделись и обулись за счет итальянцев.

Неподалеку от въезда в город, на изгибе шоссе, мы видим потрясающую картину. Бомбами республиканских самолетов, сброшенными с поразительной меткостью, были взорваны четыре грузовика со снарядами и патронами. Все это взорвалось и потом само стреляло во все стороны.

В самой Бриуэге, в средневековом поэтическом городке, только сейчас начинается робкое оживление. Люди выползают наружу, осторожно оглядываются и, услышав приветственные оклики республиканских солдат, сразу расцветают. Две чернобровые, глазастые тетеньки, перебивая друг друга и всхлипывая, страстно рассказывают, сколько горя они натерпелись за восемь дней фашистского владычества в городке. Итальянцы опустошили все кладовые, все погреба, перерезали весь скот и птицу, изнасиловали нескольких женщин, расстреляли тридцать шесть человек, в том числе двух стариков учителей, по обвинению в сочувствии Народному фронту. В городке распоряжался итальянский военный комендант, и ему подчинялась и местная испанская фашистская организация. При занятии города несколько семейств, объявивших себя раньше республиканцами, вывесили на домах монархические флаги и встречали завоевателей цветами. Сейчас они, конечно, удрали, но на двух балконах еще мокнут обрывки фашистских флагов.

Бежали итальянцы из Бриуэги буквально панически, почти ничего не успели эвакуировать. Забыли даже увести двенадцать лошадей, которых устроили на постой в старинной церкви изумительной постройки раннего романского стиля.

Мы входим в здание монастырской семинарии - здесь был штаб 2-й итальянской дивизии. Все перевернуто вверх дном - мебель, бумаги, карты, остатки еды.

Среди документов штаба дивизии найден следующий приказ, который мы приводим точно, буква в букву, и без всяких комментариев: "13 марта 1937 года, пятнадцатый год фашистской эры.

По вопросу о телеграмме Дуче.

Сообщаю следующую телеграмму, которую мне прислал Дуче:

На борту парохода "Пола", на котором я еду в Ливию, я получил сообщение о происходящем сейчас большом сражении на гвадалахарском направлении. С уверенным сердцем слежу за развитием этого сражения, потому что убежден в том, что энтузиазм и упорство наших легионеров преодолеют

сопротивление противника. Уничтожение интернациональных сил будет успехом громадного значения и особенно успехом политическим. Оповестите легионеров, что я час за часом слежу за их действиями, которые будут увенчаны победой.

Муссолини

Дивизионный генерал Манцини".

(Печать)

На письменном столе лежит номер газеты. Это "Джорнале д'Италиа" от девятого марта сего года. На первой странице, на самом видном месте, под вызывающими заголовками сообщается о "национальном" наступлении на Гвадалахару. В сообщении не говорится, чьи национальные части, испанские или итальянские, ведут наступление. Зато подчеркивается, что Бриуэга находится под жестоким огнем ста орудий.

Газета хотя и свежая, но уже устарела. Из ста орудий, обстреливавших Бриуэгу, итальянцы недосчитываются многих. Недосчитываются они и самой Бриуэги.

20 марта

Еще и еще я беседую с пленными. Трудно насытиться. Итальянцы подтверждают регулярный армейский характер своих частей, обязательность и принудительность своей отправки в Испанию, полное отсутствие какого бы то ни было элемента добровольности, то есть совершенно обратное тому, в чем старается уверить застигнутая с поличным итальянская печать.

Захваченный республиканцами в плен итальянский майор Люсиано Сильвия, когда его спросили: "Зачем вы прибыли в Испанию?", - прямо заявил:

- Я подчиняюсь приказам моего правительства и сражаюсь за мою страну. Я итальянец, который борется за свою Италию.

- Знали ли вы, что едете в Испанию, когда отбывали из Италии?

- Да, я знал. Это знали все наши начальники, все командиры полков и батальонов. Это был военный приказ. Мы погрузились в Сабаудиа и высадились в Кадисе.

- Как вы рассматриваете войну в Испании? С кем она ведется?

- Это война испанцев с испанцами.

- Почему же вы вмешиваетесь в эту войну?

- Мы вмешались в интересах Италии. Нас здесь интересует, что с одной стороны борются фашисты, а с другой - антифашисты. Нас занимают интересы Италии.

- Ради каких же интересов Италии вы сюда прибыли?

- Об этом я сказать не могу. Я прибыл сюда в порядке военной дисциплины и приказов свыше. Я прежде всего итальянец и военный.

Вот другой пленный, младший лейтенант Саччи Ачилле. Он говорит то же самое:

- Я знал, что еду в Испанию. Мне было только запрещено сообщать это моей семье. Мои родные и невеста думают, что я послан в Африку.

- Вы фашист?

- Да, я фашист, потому что в Италии все, для того чтобы спокойно жить, должны принадлежать к фашизму. Я военный профессионал и прибыл в Испанию, повинуясь решениям итальянского правительства и короля.

- Как же вы выполняете эти решения? С энтузиазмом?

- Я прибыл сюда, чтобы оборонять свою родину и выполнять приказ, который мне был дан.

- Как же вы обороняете свою родину здесь? Разве Испания напала на Италию?

Лейтенант молчит и наконец выдавливает из себя:

- Я выполнял приказ. Я военнослужащий итальянской армии и обязан повиноваться своим начальникам. Я не принадлежу и не принадлежал к фашистской милиции, я только младший лейтенант итальянской армии и выполнял свой служебный долг.

Точно таким же манером разговаривает рядовой 75-й пехотной итальянской бригады Романо Сальваторе. Опять заявление, что послан по приказу начальства как солдат армии. Не разобрался, не отдает себе отчета, кто с кем и по какому поводу сражается в Испании. Знает только, что послан в Испанию сражаться за интересы Италии.

- Я солдат, которому приказывают.

Впрочем, дисциплинированные военнослужащие итальянской армии проявили на Гвадалахарском фронте и некоторую инициативу: у пленных найдены старинные пергаменты, миниатюры и другие предметы старины и искусства, похищенные ими в соборе Сигуэнсы.

У одного из пленных солдат найден такой документ: "По приказу его величества короля вы, Бесси Бенцо, сын Джузеппе, призыва 1910 года, призваны к оружию. Вы обязаны прибыть и предъявить настоящий приказ командованию 35-го легиона, в городе Специя, рано утром 25 ноября 1936 года. Согласно закону вы будете привлечены к суду трибунала, если не явитесь, без уважительных причин, в назначенный срок.

Чиано Фердинанда".

На этом документе есть печать командования 90-го легиона и официальный государственный итальянский герб.

22 марта

Мы сидели на новом командном пункте у Лукача, в

крохотной деревушке, повисшей, как орлиное гнездо, на уступе высоких скал. "Сейчас шашлык будем кушать, дорогой Михаиль Ефимович", - домовито сказал испанский генерал. Он разгуливал без мундира, в рубашке с расстегнутым воротом, хлопотал насчет баранины и чтобы прибавили дров в огонь. К моменту, когда мясо изжарится, он приготовил вина и граммофон с пластинкой "Капитан, капитан, улыбнитесь", вставил новую иголку. Три германских самолета кружили над деревней. Бойцы запрятались в пещеры. Взрывы отдавались по камню скал, но не причиняли вреда.

- Сердятся, - сказал Лукач. - Недовольны. Побили мы их. Как миленьких. И еще побьем. Не раньше, так позже. Еще повоюем, дорогой Михаиль Ефимович!

23 марта

Что произошло с итальянскими войсками на Гвадалахаре? Над этим стоит призадуматься.

Экспедиционный корпус генерала Манцини был перевезен с юга, из Кадиса и Малаги, на Арагонский фронт и оттуда через Сигуэнсу на гвадалахарский сектор с целью взять Гвадалахару, Алькала-де-Энарес и затем завершить полное окружение Мадрида. Состояние войск не оставляло желать лучшего - это явствует из всех показаний пленных, из захваченных в штабе документов и из самой обстановки, какая сложилась для итальянцев к началу операции. Части отлично отдохнули после того, что именовалось "героическим взятием Малаги" и что на самом деле было просто вооруженным походом на беззащитный, охваченный паникой город.

Известно, что значительная часть штаба Малаги не только состояла в связи с фашистами, но и попросту осталась в городе до их прихода. После артиллерийского обстрела с суши и с моря, после сокрушительной воздушной бомбардировки пехоте не осталось ничего иного, как без боя войти в солнечную, славящуюся своими янтарными винами Малагу. Память об этих райских днях сохранилась во всех записных книжках итальянских пленных, Танков под Малагой они не встретили - у республиканцев на весь малагский сектор из-за саботажа в штабе действовали только четыре броневичка. Итальянцев тревожил только десяток республиканских истребителей, бомбардировщики были заняты фашистским флотом{15}.

Все это настроило завоевателей на самый праздничный лад. Абиссинская война стала вспоминаться как мучительный кошмар. И в самом деле, чего стоит эта африканская пустыня с ее жалкими эфиопскими мазанками, если рядом, под боком, есть другая Абиссиния - с чудесным климатом и изумительными

городами, с гостеприимными испанскими фашистами, с приветливыми сеньоритами! Через три недели итальянская военщина стала вести себя в стране старого культурного народа, как в самой дикой, порабощенной колонии.

На Гвадалахаре экспедиционный корпус тоже не ожидал сколько-нибудь серьезного сопротивления. Разведка доносила - и сведения были верные, - что в горах очень мало республиканских войск, что все стянуто на Хараму. Внезапный удар должен был застать Гвадалахару врасплох и привести итальянский корпус к окрестностям Мадрида. Солдатам было разъяснено, что никакой авиации у республиканцев нет, а танки если есть, то они в горах не ходят.

Моторизованные дивизии начали свой новый марш во всем блеске вооружения и оснащения. Несколько тысяч грузовиков, приспособленных для пулеметной и ружейной стрельбы, огромный артиллерийский парк из нескольких сотен орудий различных калибров, большой танковый парк, богатейший запас снарядов и патронов, химические средства борьбы, - трудно себе представить более снабженную европейскую армию! Только санитарная служба корпуса оказалась очень убогой. О ней начальство не подумало. Или, может быть, не считало, что она понадобится...

Первые дни вторжения только подтвердили надежду завоевателей! Отбрасывая малочисленные горные отряды, моторизованный корпус без труда подошел почти к самой Торихе. Опережая события, фашистские военные сводки сообщили о занятии Тарасены и даже предместий Гвадалахары - они забежали вперед почти на тридцать километров! Тем неожиданнее и тягостнее оказался ответный тяжелый удар республиканцев.

Пленные рассказывают:

- Все свалилось на нас как кошмар. Атаки пехоты с танками, штыковой бой, ночной бой под проливным дождем, кавалерия на фланге, беспрерывные налеты авиации!

После третьей бомбардировки наш капитан спрятался на ферме в погребе. Он плакал как дитя. Он сказал мне: "Делайте, ребята, что хотите, с меня хватит!" Мы советовались: что делать, если нас оставили офицеры? Большинство рассудило, что надо просто лежать в поле и дожидаться, кто нас заберет - наши или ваши.

Особенно тягостно подействовало на итальянских солдат то, что фашистское командование не организовало вывоз своих раненых с поля боя. Сейчас больницы в Гвадалахаре набиты сотнями раненых итальянцев. Когда к кроватям подходит врач, у пленных появляются слезы на глазах. Они тянутся целовать

хирургам и сестрам руки, трогательно благодарят их за милосердие.

Пленных продолжают брать, и не только в бою. Немало солдат просто разбежалось и разбрелось по лесам, по садам, по кладбищам. Голодные, жалкие, они ищут, кому отдаться в плен.

К республиканцам пришло сегодня пятнадцать перебежчиков. Почти все они справлялись, где батальон Гарибальди. Это уже более активно настроенная публика.

- Мы хотим вместе с итальянцами воевать против фашизма, - заявили они.

Но большинство пленных - ушибленные страхом, растерявшиеся, как во время землетрясения, деморализованные, словно очнувшиеся от сна, словно только что родившиеся на свет люди.

Это последнее, то есть деморализация целых частей при первом серьезном столкновении с численно меньшим и хуже вооруженным противником, интереснее, чем оперативный исход боев на Гвадалахаре и их ближайшие последствия. Это самое поучительное для оценки внутреннего состояния фашистской армии. Мы видим, как перед лицом подлинной опасности сползает вся скорлупа, в которую тщательно закупорена "боевая единица" фашистского империализма, как из-под нее обнажается живой человек, которого фашизм в массе не смог даже за пятнадцать лет приспособить для своих целей.

Просто поразительно видеть эту наготу людскую, это наивное, простодушное ничтожество вчерашних солдат гордой фашистской империи сегодняшних пленников испанской Народной армии.

Конечно, во всяких войнах бывали захваты пленных. Очень часто рядовая солдатская масса, лишенная управления, превращалась в стадо, в толпу беспомощных людей, потерявших свою военную и гражданскую мораль, равнодушных к своей воинской и национальной чести, готовых служить новым хозяевам, рыть для них окопы или даже стрелять против своих старых хозяев. Но ведь то были капиталистические армии дофашистского периода, собранные наспех, без политического отбора, по методу всеобщей мобилизации! Они смутно представляли себе, за что воюют, а если знали, то были равнодушны или враждебны целям войны... Здесь же перед нами отборная чернорубашечная молодежь, поголовно все члены фашистской партии, можно сказать боевой авангард, надежда и гордость Муссолини, лучшие его кадры, к которым он обращается с пламенными личными приветствиями.

Эти кадры фашистские вожди воспитывали полтора

десятилетия в школах, на торжественных парадах, при помощи своей трескучей фразеологии, индивидуалистических теорий и культа сверхчеловека. Среди пленных есть молодые люди, которых фашистский режим воспитывал с колыбели; когда Муссолини пришел к власти, им было по три года. Сейчас, переночевав одну ночь под крышей у своих противников, они проклинают "дуче" и всю его империю. Не глубоко сидят в них пятнадцать лет фашистского воспитания!

Конечно, верхушка армии более тесно связана с фашистским режимом. Но и она в основном очень плохо выдержала боевое испытание. Паническое отступление, потеря орудий, деморализация людей произвели потрясающее впечатление на фашистский командный состав. Республиканцы нашли трупы четырех итальянских офицеров, одного подполковника и трех капитанов, покончивших с собой. Самоубийцы только лишь предупредили события: новые пленные рассказывают, что девятнадцатого марта высшим командованием за бегство из частей расстреляны два командира батальонов.

Вот строки из дневника одного пленного итальянского капитана: "По мере развития событий мой энтузиазм все падает. Что больше всего удручает - это бюрократизм, интриги, бездарность нашей армии. Кругом сплошная ложь и обман. Мы обманываем друг друга, а испанцы обманывают нас. Испанская фаланга только жрет, пьет и дожидается, пока мы добудем для нее Мадрид. Если бы я знал, что все будет так омерзительно, я бы уклонился от этой войны, такой заманчивой издалека".

Итальянские дивизии на Гвадалахаре, получив чувствительный удар, обнаружили всю внутреннюю гниль и пустоту фашистского милитаризма, подлинную слабость его основной человеческой базы. Могущественная техника, после того как ее обладатели перестали владеть ею и собой, стала просто трофеем частей, несравненно более слабо вооруженных.

Но понадобилось одно обязательное условие - смелый встречный удар, нанесенный со всей решительностью, со всем ожесточением. Без этого удара бронированная, мотомеханизированная итальянская армада продвигалась бы без остановки на Мадрид, и слава итальянского оружия все больше слепила бы глаза тем, кто имеет склонность ослепляться. Без удара не было бы паники, без паники не было бы трофеев и у пленных трогательных слез.

Фашизм безгранично нагл, когда не видит противодействия. Он труслив как шакал, когда ему дают отпор. Именно этого не понимают трусливые политики западных правительств. Они пробуют умилостивить фашистского зверя и этим только

усиливают его кровожадную дерзость.

25 марта

После горячих дней у Гвадалахары - полное затишье. Войска отдыхают. На фронте появились экскурсанты - делегаты, писатели, журналисты из Валенсии, Барселоны, Парижа, Лондона и даже Нью-Йорка. Они разъезжают по недавним полям битвы, осматривают ее следы, фотографируют огромные склады снаряжений, отобранных у итальянцев, беседуют с пленными, собирают себе на память итальянские сувениры.

Эрнест Хемингуэй приехал сюда, большой, неладно скроенный, крепко сшитый{16}. Он облазил все места боев, побывал и подружился с Листером, с Лукачем; он сказал мне, медленно и вкусно проворачивая испанские слова:

- Это настоящее поражение. Первое серьезное поражение фашизма за эти годы. Это начало побед над фашизмом.

- Да, - сказал я скромно, - пока еще только начало.

Меня рассмешила эта собственная скромность. За ней пряталось невероятное хвастовство. Побили все-таки! Побили как миленьких, как говорит Лукач. Я увидел это. Дождался. Начал с автобусов под Талаверой, миновал черные дни Толедо, стыд Аранхуэса, трагедию брошенного Мадрида, отчаяние борьбы у мостов, тяжелую, кровавую школу Араваки и Махадаонды, муки рождения новой армии у Лас Росас, большую харамскую битву, - чтобы увидеть победу над солдатами Муссолини. И Мигель Мартинес, пришедший сюда со старым, юношеским опытом гражданской войны, заново проверил, умножил, оплодотворил его в этих первых траншеях всемирной схватки с фашизмом.

- Пока еще начало, - повторил я. - Еще будет много впереди, и плохого и хорошего.

- Я то же думаю, - сказал Хемингуэй и насупился.

27 марта

В Валенсии уже жара, чиновинки военного министерства удирают на пляж, милиция делает облавы на купальщиков и возвращает их на боевые посты в канцелярии. Все полно широчайших планов и надежд.

Коммунисты вконец обострили свои отношения с Ларго Кабальеро. Дело идет к разрыву, правительственному кризису. Пусть бы скорее!

Хосе Диас сильно заболел, лежит в постели, маленький, тихий, задумчивый.

Долорес спросила меня:

- Это правда, что ты уезжаешь?

- Да.

- Ты вернешься?

- Да.

- Смотри не обманывай. Нам обидно, когда друзья не исполняют обещания.

Мы с ней обедаем вдвоем. Она сначала хмурилась, молчала, крошила хлеб, потом разошлась, стала напевать и в шутку подарила мне костяной амулет.

- Это чтобы ты наверно вернулся.

Я привязал подарок Долорес к черной тесемке с ключом от гроба капитана Антонио.

На площади играла шарманка, вертелась карусель, смеялись дети. Трамваи ездили с огромными плакатами: "Все на грандиозный фестиваль музыки и пляски по случаю победы на Гвадалахаре!"

29 марта

В Барселоне лил теплый дождь. Она совсем переменилась. Исчезли лозунги, флаги, шествия по улицам. Появились такси, впрочем, выкрашенные в анархистские черно-красные цвета. Город приобрел чинный, буржуазный вид. Но что-то в нем клокочет. В огромном зале, перед тысячами жадных слушателей, старый, полуслепой южноамериканский поэт Леон Фелипе{17}, мистический философ, страстно призывает:

- Нам нужна диктатура! Да! Диктатура всех! Диктатура для всех! Диктатура звезд! Диктатура мечты!

У многих горят глаза. Никто не знает, что такое диктатура звезд. Вероятно, что-то хорошее. Новости с фронта мало кого интересуют. Барселона живет между небом и землей, между адом и раем. Диктатура мечты...

2 апреля

На шоссе у пограничной будки толстенький француз инспектор не хотел пропустить машину.

- Я только доеду до вокзала Серберы, автомобиль тотчас же вернется на границу.

Он заупрямился, потом согласился пустить машину в сопровождении полицейского агента.

На вокзале я обнял Дорадо.

В киоске продавали газеты, папиросы, фрукты, шоколад в любом количестве. Последний номер "Жур" оповещал: "Наступление, которое предприняли красные на Гвадалахаре, можно считать окончательно неудавшимся". Вот как - это, оказывается, было "наступлением красных"! Мы и не знали...

В купе я был один. Разделся, лег, потушил свет. Не знаю, сколько времени прошло, - началась долгая чудовищная бомбардировка. Самолеты носились низко, совсем над головой, с диким ревом и скрежетом, они -все целили в меня. Взрывы

следовали один за другим и все громче, все беспощаднее. Наконец я раскрыл глаза. Бомбардировки не было. Поезд грохотал в темноте. И в первый раз так сильно, так остро, впервые ничем не сдерживаемая, вспыхнула тоска, тревога и боль за этот окровавленный народ, обжег страх за его судьбу, поднялся безудержный, неистовый гнев за страдания, которые он несет, за жертвы, за несправедливость, за неравенство сил, за наглость и бесстыдство палачей.

10 апреля

Когда лежишь здесь на спине, виден большой кусок светлого, свежего неба, и в нем шевелятся верхушки деревьев. Какое красивое дерево - сосна! Прямо, стройной колонной взвивается вверх стебель этого мощного растения. У земли ствол суров, покрыт толстой корой - темно-серой, шершавой. Чем больше вверх, тем светлее, затем кора становится медно-красной, гладкой, нежной. Скромное и гордое дерево, оно неприхотливо, не требует ни тепла, ни влаги. Оно сухолюбиво, - спокойно лягте под сосной, здесь ни сырости, ни гнили; в сосновом бору свободно вздохнут слабые легкие. Оно светолюбиво, потому быстро освобождается от нижних ветвей, рвется зеленой своей главой вверх, к солнцу. Когда медно-красные стволы соснового леса озарены, они становятся золотыми; это один из прекраснейших образов, какие дала природа.

Сосна - это пальма нашего Северного полушария. Она высится от Астурии до Амура, от Якутии до субтропического пояса. Ее не знают только низменные, сырые, болотно-травянистые края - Дания, Англия, Ирландия. И она их не знает. Но больше всего сосна - это, конечно, Россия. Медведи и сосна... Есть и гималайские медведи, черные, мелкие. Есть черная сосна, на Балканах, в Сицилии, с очень волосатой хвоей. Хорошие медведи, хорошая сосна, но не то.

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

Это писал Гейне, переведенный Лермонтовым. Снеговые ризы часто опасны для сосны, душат ее. От снеговала на севере гибнут каждую зиму сотни тысяч сосен.

И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

Тема гейне-лермонтовского стихотворения трагична. Это тема вечной разлуки, тема двух друзей, которые никогда, никогда

не встретятся, тема неосуществленной мечты. Оба поэта были влюблены в жизнь, в мечту, и оба погибли бессмысленно, несправедливо до слез. Сосланного царем Лермонтова застрелил бездельник офицер. Изгнанный со своей родины Гейне медленно задохся в "матрацной могиле", как он называл свое ложе страданий. В восьмидесятую годовщину смерти национального поэта Германии его сочинения издают на немецком языке только в одном городе - Москве.

Но сосна и пальма все-таки встречаются. Пальме трудно подниматься на север, сосна легко спускается далеко на юг, навстречу. Это можно видеть у Сухуми, у Нового Афона, в Каталонии, в Альмерии. Вдоль теплого морского прибоя, потряхивая на ветру пышными прическами, вытягиваются легким строем тонкие пальмы. Над ними, на песчано-каменистой террасе, разморившись от жары, в сухих, смолистых ароматах, толпятся крепкие великаны сосны. Нет более волшебной смеси, чем эта смесь ветров и запахов.

У нас есть и сосны и пальмы. Мы богаты, дом наш богат и просторен, раскинут бескрайними степями, прикрыт Памиром - крышей мира. Как здесь спокойно! Как здесь надежно!

Дети играют под соснами. Это здешние, одинцовские, сельские ребятишки. Их пятеро, все на разные размеры. Играют в пряталки, бегают меж сосен, бегают то тихо, то вдруг захохочут, и тогда шум до небес. Дети всюду дети, но они же всюду различны. Русского малыша не смешаешь ни с каким другим по манере носить поясок (очень они любят носить поясок), по манере нахлобучивать шапку, по низкой, нолевой стрижке головы, по проворной, чуть медвежатной манере ходить, бегать, взлазить на деревья, по прямому, строгому и веселому взгляду из-под белых бровей.

Кончили бегать, начали болтать. Это уже не прежние разговоры о еде, о пайках, о выдачах. Дети сыты, хорошо хоть и просто одеты; они говорят о развлечениях, о путешествиях, о приключениях, о подвигах - и вовсе не только о парашютах и ледоколах, как это принято в благовоспитанной детской литературе. Идет спор, можно ли воспитать белку, но так воспитать, чтобы совсем-совсем. Чтобы никого не кусала, чтобы спала рядом на подушке. Совсем маленькие считают, что дело это возможное, но Вася - ему десять лет полагает, что белку полностью перековать невозможно:

- Белке верить нельзя. Белка - притворяшка. Паша ей все верил, а она взяла и откусила ему палец.

- Не откусила, а прокусила. Ты, Вася, поменьше ври, тебе же лучше будет.

Дети требуют у Паши показать след от белкиного коварства. След совсем маленький, неинтересный. Тогда они начинают говорить об охотниках, затем о велосипедах, затем о почтовых марках. Это ново. Никогда раньше ребята в деревне не собирали почтовых марок. Потом разговор, конечно, переходит на Испанию.

- А что там дети делают? Бьют фашистов?

- Зачем же им самим! Это взрослые дерутся с фашистами, а маленькие им помогают.

- Патроны подносят?

- Бывает, и патроны подносят. И баррикады помогают строить. А главное - дома работают, помогают матерям, пока отцы сражаются на фронте.

- А когда дом разбило бомбой, они куда идут?

- Им тогда, бедняжкам, некуда идти. Они тогда бездомные. Разве что в метро прячутся.

- Красивое метро?

- Некрасивое.

- Пускай они к нам приедут. Мы им дадим дом. Пусть живут в нашем метро, пусть забирают хоть пять станций.

- А мы как же будем?

- А мы на остальных станциях будем ездить. Нам хватит. Или новые построим. А по-русски они говорят?

- Некоторые говорят.

Ребята начинают соображать, как вывезти детей из Испании сюда.

Вывозить, конечно, надо на самолетах. Вопрос, сколько влезет в каждый самолет.

Вася объясняет, что в самолетах иногда крылья бывают пустые - туда тоже можно напихать детей. И просверлить дырки, чтобы могли дышать. Потому что лететь далеко.

Я им рассказываю про своего маленького друга Ксавера, продавца газет, который остался в Мадриде.

Одинцовские ребята тихо слушают про Ксавера, молчат и вздыхают. Им ясно, что дела у парня неважные.

- Дядя Миша, возьми его сюда, в Одинцово.

- А как же другие, его братья и сестры? Их ведь тоже жалко оставлять. Надо всех забрать сюда, к нам домой.

- А зимой мы их будем держать на Кавказе. Там тепло, там пальмы есть, тигры, все, что они любят.

Черноглазые испанские ребятишки появились в нашей столице. Стайками бродят по улицам, площадям, у Мавзолея Ленина, в Доме Красной Армии. Я смотрю на них с волнением. Большой особняк на Пироговской полон их крика и гомона.

Маленькие астурийцы, баски, андалусийцы, мадридцы делают гимнастику и ритмические движения. Светлоголовый, низко стриженный рязанец - вожатый командует высоким говорком по-русски:

- Шире шаг! Фернандо, не отставай! Ну-ка, ребята, еще раз повторим это движение, чтобы хорошо его знать. Вернетесь в Испанию - удивите там всех. Ну-ка, давай!

Мадридская "профессора", тоненькая, с высокими, смешливо удивленными бровками, повторяет с ними русские песни:

- Три-читири!.. "Если са-втра война, если са-втра в поход..."{18}

Она кончает урок, выбегает на улицу, торопливо стучит каблучками, лихо, по-московски проталкивается в трамвае. За столом настойчиво твердит официанту:

- Простой! Простой!

Это значит - простой воды, не газированной. Обыкновенной, простой, холодной воды из водопровода, какую всегда мадридцы с удовольствием пьют к обеду. Официант долго вслушивается, наконец приносит стаканчик кипяченой воды...

Одинцовские, как и все советские ребята, как и мы, имеют дом. Трудно охватить воображением все величие этого сознания сейчас, когда человечество по всей планете бездомно. Валятся крыши, стены и заборы, нарушаются границы, врываются разбойники - фашизм делает народы бродягами в своих же странах.

В наше ощущение дома входит не только география, не только земля, сосны и пальмы, морошка и лимоны, снетки и киты - сюда входит ощущение надежности во времени. В нашем доме у каждого есть будущее. Одинцовские дети с момента рождения уже имеют путь; они катятся вперед по рельсам и сами будут переводить стрелки, куда захотят, и уже сейчас чувствуют это. Каждый из них может стать всем; "ничем" у нас дома остаться нельзя. А ведь это удел каждого бедняка там, за рубежом.

Но всюду там, где у рабочего класса, у трудящихся появляется в руках оружие для освободительной борьбы или хотя бы возможность скрепить в Народном фронте большие, пусть наскоро сколоченные преграды фашизму, там оживляется национальное чувство, крепнет сознание и ощущение родины, пусть не целиком, но все-таки своего дома. И там же, как, например, в Испании, провокаторы Троцкого спешат высмеивать это чувство, издеваться над ним, заверять рабочих, что им не за что и незачем бороться, что у них нет дома и никогда не будет. Рабочие отшвыривают их вон, к фашистам!

Советское "чувство дома" не эгоистично. Как не похоже оно на звериный шовинизм реакционных стран! Там первое слово национального символа веры это животная ненависть к людям иной крови, иного языка, требование вышвырнуть всех инородцев. Советский патриотизм великодушен. Одинцовские ребята, если бы могли, всех приютили бы под советской крышей, всех страдающих, всех обездоленных, голодных, обиженных. И это не слова только, это можно видеть.

Это можно видеть в Москве, в Одессе, в Аликанте. В Москве - на Большой Пироговской улице, В Одессе - когда чернявые ребятишки, отосланные бездомными отцами под укрытие надежного советского неба, широко раскрывают глаза и рты на первые бутерброды со сливочным маслом, на просторные пионерские дворцы, на веселые площадки с играми в смолистом сосновом бору. В Аликанте - когда на пальмовом бульваре появляются и чинно стоят высокие, стройные, как корабельный

лес, советские матросы, архангельские, саратовские, уральские лица...

Ребят отозвали, они заняты делом - собирают шишки для самовара. Шишки прошлогодние, твердые, упругие, звонкие.

Между тем сосна начинает опять цвести. Конечно, это не вишня, не акация: сосна цветет очень скромно, целомудренно, незаметно. Нежные, смолистые, пахучие почки. Тонкие коричневые побеги, потом они сплетаются в мягкие, гибкие мутовки.

Еще немного - и в майские дуновения вплетется этот чистейший и бодрый аромат нашей северной пальмы. Как хорошо у себя дома!

А новые фашистские дивизии в сопровождении двухсот бомбардировочных самолетов усовершенствованной конструкции начали большое наступление на Страну Басков. Они уничтожили древний городок Гернику{19}, они приближаются к Бильбао.

Книга третья

23 мая

Никого не было на маленьком вокзале. Даже единственный носильщик и тот ушел в бар пропустить стаканчик. Курьерский поезд стоит здесь одну минуту и большей частью зря. Фрау Марта взялась нести чемодан. И даже Фейхтвангер протянул к нему руку. Это было уже слишком.

- Умоляю вас, оставьте! Я понесу сам.

- Пустяки, он у вас совсем легкий. Очень милый чемодан. Беленький.

- Он очень недорогой. Имитация свиной кожи. Такой же из свиной кожи стоит в четыре раза дороже, но по существу разницы никакой. Все-таки дайте я понесу сам.

- Нет, не отдам. Он легкий как перышко. Ведь я спортсменка. Мы плохо вас принимали, признайтесь. Как глупо, что мы отпустили кухарку именно перед вашим приездом! Воображаю, что вы думаете о моей стряпне!

Она была очень красива, высокая, бронзовая, в белом полукостюме, в купальных туфлях.

- Вы лучшая в мире кухарка и лучший шофер. Эти два дня были для меня раем. Это я должен извиниться, что помешал. Во сколько страниц "Иосифа" обошелся вам мой визит?

- В семнадцать. Не обижайтесь. Я так же честно скажу вам, что очень рад этим двум дням. Они меня встряхнули. Веселее писать о развалинах иерусалимской крепости, зная, что в наши дни люди штурмуют стены фашистского Алькасара.

- Они еще не заработали себе "стенного венца"{20}.

- Он будет у вас у всех. Мне иногда становится завидно и

невтерпеж сидеть в этом тихом литературном гнезде...

- Наивная зависть артиллериста к пехоте. Из своей укрытой батареи он стреляет дальше и сильнее, чем десять стрелков со своими винтовками.

- Успех боя решает все-таки пехота и не... и не библиотечная пушка. Вот идет поезд. Он опоздал на две минуты тридцать секунд. И еще двадцать секунд, пока он остановится. Счастливого пути! Очень вам благодарен!

- Это вам спасибо!

Фейхтвангеры были видны еще один миг. Я остался с проводником в пустом вагоне.

- У вас билет до Эндейи. Вы едете в Бургос?

- О нет! В Бильбао.

- Это у кого - у правительственных или у националистов?

- У правительственных.

- Тут все больше едут в Бургос. Этот поезд идет из Италии. Но конечно, можно ехать и в другое место. Каждый едет куда ему нужно. На то, собственно, и существуют железные дороги.

Кондукторская философия... Ладно, послезавтра я буду в Бильбао.

24 мая

Перпиньян застыл и онемел в знойной истоме. Старожилы дремлют с открытыми глазами на террасах провинциальных баров. Ослы и мулы медленно тянут тяжелые повозки. Рынок благоухает горами овощей, фруктов, мяса, рыбы. Верно ли вообще, что тут, рядом где-то, есть война, голод, смерть?

Но на днях эскадрилья итальянских самолетов прилетела сюда. Она бомбардировала Сербер, сорок пять километров отсюда. Были разрушены дома, убиты и ранены люди, граждане Французской республики, убиты и ранены иноземными, итальянскими, военными летчиками.

Из Перпиньяна в Сербер приехали районный прокурор с помощником. Они обошли все разрушения, присутствовали на похоронах погибших от взрывов, беседовали с ранеными и с очевидцами. После этого перпиньянский прокурор начал следствие против неизвестного, бомбардировавшего Сербер.

"Неизвестные" очень чувствуются на крайнем юге Франции. Еще недавно эти места считались глубоким тылом Франции в случае войны. Теперь здесь реют крыльями "неизвестные".

Франко-испанская граница растянулась примерно на пятьсот километров. Она начинается здесь, вблизи Перпиньяна, у морского берега, взбирается к крохотной республике Андорра, переходит в снеговые вершины Восточных Пиренеев и Верхних Пиренеев, сбегает зелеными откосами Атлантических Пиренеев.

Граница мира и войны, мягкой тишины и орудийного грохота. Посредине она разделяется. Восточная половина принадлежит испанскому правительству, западная - в руках у мятежников.

Вот здесь, на середине, дремлет уютный городок Тарб. Среди ярких цветов и знаменитых местных вин, в старом, но отлично сохранившемся замке расположился датский полковник Лунн, начальник международного контрольного кордона.

Настоящий большой штаб, по крайней мере с виду: военные карты, схемы, машинистки, ординарцы, телефонный коммутатор, срочные разговоры с Лондоном, Парижем, Женевой, с пограничными пунктами и полевыми жандармериями. Сам полковник Лунн приветлив, но строг, любезен с журналистами, но преисполнен важности и ответственности своей задачи. В его распоряжении сто пятьдесят офицеров из пятнадцати европейских армий, - когда и кому с наполеоновских времен доводилось руководить таким военным созвездием!

Полковник разъясняет, он разделил всю франко-испанскую границу на пять участков: Перпиньян, Фуа, Сен-Годен, Тарб и По. Начальниками участков назначил шведского, норвежского, финского, латвийского и голландского офицеров. Им подчинены остальные военные контролеры, которые в свою очередь наблюдают за пограничной стражей. Работа очень трудная и, конечно, не целиком удается. Без сомнения, считает полковник, отдельные лица, добровольцы, могут ночью перебраться - и с оружием - в Испанию. Но переход больших групп, переправа транспортов оружия - нет, полковник считает это сейчас невозможным.

Верны ли заявления многих южнофранцузских газет, что в западной части, против мятежного лагеря, граница охраняется и контролируется менее строго, а в восточной, правительственной, части более зорко?

Полковник отрицает такую возможность. Конечно, трудно уравнять и даже уточнить квалификацию и работоспособность господ офицеров разных стран, находящихся на разных пунктах контроля. Но в основном - нет, полковник ручается, что контроль проводится точно в соответствии с позицией Лондонского комитета... Видимо, соблюдая лондонский же стиль, господин Лунн именует фашистских мятежников "испанскими националистами".

25 мая

С вокзала в Байонне, оставив чемодан на хранение, я пешком пошел через мост в центральную часть города. Нужно было отыскать представительство басков. Расспрашивал прохожих - они

не знали. Наконец один, равнодушно любезный, сказал: "Идите на авеню Маршала Фоша, там у большого дома стоит большая очередь. Это оно и есть". На авеню Фоша у магазинного помещения выстроились в очередь женщины в черном. Они казались беднее и простонароднее француженок-прохожих. Они подходили к двум окошкам: к одному - за беженским пособием, к другому - за справками о мужьях и сыновьях. Представитель басков в Байонне, господин Оруэсабала, оказался симпатичным и беспомощным молодым человеком. Он никак не мог помочь мне перебраться в Бильбао, от него ничего не зависело. В самолет попасть совсем нетрудно, сказал он, здесь есть общество "Пиренейский воздух", курсируют регулярно самолеты между Байонной и Бильбао. Больше мне, собственно, ничего и не нужно было. Оруэсабала вызвался показать мне дорогу к конторе "Пиренейского воздуха". Я стал протестовать против такой несоразмерной любезности баскского представителя, но он настоял на своем. По всему видно было, что он просто рад был поводу уйти и отдышаться от беженских слез, от напряжения, от тяжелой, на столетия рассчитанной мраморной вывески с золотыми буквами: "Делегация автономного правительства Страны Басков".

Больше ста лет, со времени наполеоновских войн, городок спал, забытый миром. Недавно его всколыхнуло, вытолкнуло в центр мировых дрязг: сначала дело Стависского - ведь именно здесь, при байоннском ломбарде, разыгралась последняя и самая грандиозная афера знаменитого жулика - и сейчас гражданская война в Испании со всеми ее зарубежными отражениями.

Байонна о - основной перекресток, международный наблюдательный пункт. Здесь сидят журналисты, англичане и американцы, которые вот уже десять месяцев шлют отсюда ежедневные телеграммы о ходе военных действий. Корреспонденты ни разу не переезжали границу - подлинные герои своей безопасности!

Кроме представителя басков есть еще испанский правительственный консул. Но эти два бюро - только крохотные островки. Байонна захлестнута испанскими фашистами. Они прямо-таки определяют стиль города - заполняют все столики кафе, галдят на бульварах, чванливые, вырожденческие морды, спесивые бачки, толстые перстни на пальцах. Они толпятся у киосков, расхватывают свежую сан-себастьянскую газету и тут же, громко, не стесняясь, ее декламируют. Газета передает сногсшибательные новости, рубит, колет, режет республиканцев... Свежий обзор германской и итальянской печати, берлинская и лиссабонская спортивная хроника. Очередная пьяная болтовня

генерала Кейпо де Льяно, но она уже надоела, ее помещают на последней странице. На первой же странице, на почетном месте газеты, заявление Троцкого о том, что дни Коминтерна и Советского Союза сочтены. В фашистском газетном оркестре визгливый фагот Троцкого исполняет все более ответственные, сольные арии.

Не случайно чувствуют себя испанские мятежники в Байонне как дома. Город во власти французских фашистских лиг. Формально они распущены, фактически всесильны здесь. Весь юго-запад, район курортов, туризма, иностранцев и паразитов вокруг них, густо оплетен фашистской сетью. В руках фашистов здесь руководящие, административные посты. В небольшом городке целых три фашистских газеты. Впрочем, четвертая газета, левая, по тиражу превышает первые три. Ее охотно читают байоннские рабочие, рыбаки, служащие. Тон газеты оппозиционный, атакующий, осуждающий местные порядки, гневный. И в самом деле, здесь, в Байонне, в Биаррице, никак нельзя поверить, что во Франции правительство, опирающееся на партии Народного фронта. Сюда его влияние не доходит.

..."Пиренейский воздух" оказался крохотным магазинчиком, зажатым между ателье дамских шляп и табачной лавочкой. За прилавком виднелись весы, сидела не очень молодая красивая дама. Она выразила сожаление: очередной самолет только час назад отошел на Бильбао, следующий будет только завтра утром. Это в самом деле было очень огорчительно. Но делать нечего, я купил себе место на завтрашний самолет. Билет был большой, красивый, целая художественно отпечатанная грамота с фирмой общества "Пиренейский воздух". Мадам увела меня за прилавок и взвесила на весах. Количество килограммов отметила в билете и у себя. Кроме того, я обещал завтра утром дать взвесить свой чемодан. Все, что будет свыше десяти, надо оплатить багажным сбором. "Бомбы весят немного, мадам", - пошутил я. Она вежливо улыбнулась. "Это меня не касается. За этим смотрит Комитет по невмешательству. Его представитель проверит ваш багаж". Я подписал также, на отдельной бумаге, гарантию, что в случае чего-нибудь ни моя вдова, ни другие родственники или душеприказчики не будут предъявлять к обществу "Пиренейский воздух" никаких материальных претензий.

Очень обидно потерять сутки, но в конце концов этот вечер, прохладный, тихий, в одиночестве, успокоил меня. На террасе пустого кафе маленькая компания ремесленников долго играла в домино, потом они разошлись. Стало совсем тихо и безлюдно. Я пошел в гостиницу спать. Завтра я буду далеко от этой тишины, внутри пламенеющего, овеянного дымом и грохотом оборонного

пояса Бильбао.

26 мая

В девять утра, как условлено, я стоял у двери "Пиренейского воздуха". Магазинчик был закрыт, полутонный "пикап" оставлен без шофера. Тревожась и сердясь, я прождал до одиннадцати. Наконец, пришла мадам и еще два человека с ней, чем-то озабоченные. Они стали шептаться в углу помещения. Мадам сказала мне, что самолет из Бильбао еще не вернулся, придется еще подождать.

- А разве этот самолет у вас единственный?

- Нет, не единственный, но остальные все в ремонте.

- Все в ремонте?

- Да, все в ремонте.

Появился еще один господин, весь в черном, с черной шляпой, с перчатками и тростью в руках, в штиблетах на пуговицах и с белыми гетрами, с седыми закрученными усами и розеткой Почетного легиона. Он тоже о чем-то пошептался с мадам и величественно удалился, посмотрев на меня как на неодушевленный предмет. Точно такого я видел в Астрахани, в городском театре, в мелодраме из французской жизни.

- Когда же я полечу, мадам?

- Трудно сказать. Наведайтесь под вечер или завтра утром.

- Почему так поздно? Ведь самолет может вернуться каждую минуту, не так ли?

Она замялась:

- Вряд ли он вернется так скоро. Погода испортилась...

Делать нечего. Я пошел завтракать. На пороге ресторанчика "Попугай" купил свежую, с поезда, парижскую газету, и тут все разъяснилось. Телеграммы сообщали, что вчера, во столько-то часов, гражданский самолет линии "Пиренейский воздух" был в полете между Бильбао и Францией атакован фашистскими истребителями и сбит, причем пилот Гали и пассажиры тяжело ранены.

Позавтракав, я тотчас вернулся в контору линии. Она была заперта. Я ждал, пока не вернулась мадам. Спросил ее, каковы перспективы.

- Я, право, не знаю, мсье... Погода сегодня вряд ли улучшится. Имейте в виду: наша компания возвращает пассажиру стоимость билета, если полет не мог состояться в течение двадцати четырех часов.

- Мадам, я не беспокоюсь о деньгах. Вы видели - я подписал бумагу и за себя и за свою вдову. "Пиренейский воздух" еще никогда не имел более скромного пассажира. Мадам, будемте говорить как мужчина с мужчиной. Бедняга Гали, надеюсь,

выживет, но полетит не так скоро. Какие у вас виды на другого пилота и на другой самолет?

Она сразу потерялась и даже всплакнула. Она, право, была очень мила в эту минуту. Я хотел уже погладить ее по плечу или по голове, - когда женщина в слезах, кто бы она ни была, она воспринимает это как должное.

- Ах, мсье, мне так трудно! Мой муж в Париже, никак не может разделаться с формальностями, а тут сейчас все так ужасно! Сыщики, шпионы, репортеры, провокаторы, "Боевые кресты" - все вьется кругом. Я теряю голову!

Она объяснила, что воздушный флот, которым располагает компания "Пиренейский воздух", никак нельзя назвать могучим. Кроме хорошей, мощной машины, которую вчера подбили фашисты, есть еще только старый "Локхид", одномоторный, небольшой. Он нес вспомогательную службу - от Парижа до Байонны. На нем летает пилот Лапорт. И это все. Дирекция, то есть муж, закупает новый английский "эйр-спид", не подожду ли я, пока его перегонят сюда. Это чудесный самолет.

- Да, мадам, я знаю, "эйр-спид" отличный самолет. - Я вздохнул.

- Вы хотите сказать, что слишком долго дожидаться?

- Вы читаете мои мысли, мадам!

- Что же делать?

- А "локхид" с пилотом Лапортом?

- Это очень рискованно. Ведь лететь надо морем, берег почти до самого Бильбао занят мятежниками. Это старая машина, да и Лапорт, не знаю, согласится ли. Бедный Гали, он так храбро летал по этой линии! Фашисты несколько раз предупреждали, что подстрелят его. Негодяи, они добились своего!

- Не переговорить ли мне с вашим Лапортом?

- О нет! Он вас не знает, он вам не доверится. Я поговорю сама. Может быть, он сделает хотя бы один рейс, пока не прибудет "эйр-спид". Конечно, я ему предложу другие условия - те же, на которых летал Гали. Он должен согласиться. Компания в трудном положении, он обязан выручить, заменить раненого товарища. Сверх условий Гали его можно еще премировать. Лишь бы он полетел. Конечно, это зависит от храбрости. Подстрелив Гали, они предупреждают всех прочих. Но мы еще посмотрим! В отсутствие мужа я здесь директор, Лапорт обязан меня слушать!

Сейчас она была особенно мила. Не больше двадцати пяти лет на вид. Ей и не к лицу быть моложе.

- Бедные баски, у меня накопилось столько почты! Медикаменты, марля для госпиталей - все лежит, дожидается отправки, очереди. Раненые в Бильбао ждут. Я заставлю Лапорта

лететь!

- Мадам, это прекрасно, все то, что вы говорите.

- Приходите вечером, к семи часам. Если будут новости до этого, я пошлю шофера за вами в отель.

- Мадам, вы настоящая француженка!

- О...

Я хотел добавить еще многое, но в дверях показался благородный отец из астраханского городского театра. Теперь все. его внимание было обращено именно в мою сторону. Он простер обе руки, одну - с тростью и перчатками, другую - с черной шляпой.

- Мсье, я уже искал вас в отеле! Инстинкт и профессиональный опыт направили меня сюда. Поздравляю вас со счастливым спасением!

Он был безупречен, минус перхоть на воротнике черного жакета.

- Мсье имеет в виду меня?

- Да, да, мсье, конечно, вас, именно вас! И кого же другого? Как представитель агентства Гавас, я рад случаю поздравить уважаемого коллегу с избавлением от огромной опасности и, быть может, смерти. Поистине рука судьбы заставила вас опоздать вчера на один час к отлету аэроплана, ныне сбитого при столь трагических обстоятельствах. Я думаю, что небольшое интервью о впечатлениях, пережитых вами...

- Я ничего не переживал. Я никуда не улетал. Вы ошиблись, мсье. У меня нет никаких впечатлений.

- Мсье, вы слишком скромны. Это делает вам честь, но не избавляет меня, старого байоннского журналиста, от приятной необходимости запечатлеть на бумаге мысли и чувства, возникшие у иноземного коллеги в драматический момент, когда он...

- Простите, мсье, но я очень спешу. До свидания, мадам, мсье!

Бегство вышло, может быть, даже слишком поспешным. Но оно пошло на пользу всем. И "Пиренейскому воздуху", и мне, и самому благородному отцу. Воображаю, какой нагоняй получил бы старик от своего начальства, если передал бы по телеграфу мои мысли и чувства по поводу нападения фашистов на французский гражданский самолет!

27 мая

Мадам оказалась настоящим молодцом. Она нашла механиков и рабочих, которые просмотрели "локхид" и подвинтили в нем гайки, она разыскала Лапорта и убедила его сделать один рейс - в Бильбао и обратно. Не знаю, чем она его околдовала, может быть, пятью тысячами франков премии.

Впрочем, Лапорт сказал, что он летит не ради денег - никакими деньгами не оплатишь опасность, которой он подвергается. Он полетит потому, что он француз и ему ничего не страшно. Поскольку фашисты подбили его товарища по работе, он принципиально и в интересах фирмы "Пиренейский воздух" заменит его на посту. В самолете полечу я и марля. Двадцать кип марли по восемь кило, да я - шестьдесять пять кило, да ящик с медикаментами - двадцать кило, да мой чемодан - двенадцать кило - итого двести пятьдесят семь кило.

Мадам сказала, заедет за мной лично, без шофера, в три часа утра в отель. Оттуда мы заедем за финляндским офицером, представителем Комитета по невмешательству, оттуда на аэродром. Вылетать надо не позже пяти часов утра, пока спит начальник аэродрома. Не дай бог, если он узнает об отлете хотя бы за полчаса!

- Разве мы делаем что-нибудь противозаконное? Разве "Пиренейский воздух" нелегальная организация?

- О мсье! Не в этом дело! Начальник аэродрома - фашист, член лиги "Боевых крестов". Формально он не может нам препятствовать, потому что наша компания всюду зарегистрирована и имеет патент. Но он вредит и портит как может. Все рабочие, аэродрома на нашей стороне, они сочувствуют республиканской Испании и помогают нам. Они точно установили, что Гали погубил начальник аэродрома. Он живет при аэродроме, и каждый раз, когда самолет нашей линии стартовал с курсом на Бильбао, служанка начальника бегала в аэродромный буфет, оттуда из кабинки звонила в Биарриц, на виллу "Фрегат" - местожительство испанского графа де Лос Андес. Там есть радиопередатчик, фашисты вызывали истребителей навстречу нашей машине. Несколько раз удавалось с ними разминуться, а вот третьего дня сигнализация удалась. Мерзавец, предатель, убийца французских летчиков - и это называется француз!.. На аэродроме находится так называемый "Баскский аэроклуб", по сути дела, военная летная школа испанских фашистов. Но я думаю, на этот раз вы проскочите. Этот прохвост думает, что мы напуганы и не станем пока летать на Бильбао. Ремонт "Локхида" мы объяснили его отлетом в Париж. При старте будут присутствовать только двое рабочих. Вы полетите без бортмеханика. Конечно, он может проснуться от шума мотора, но тогда уже будет поздно. Он не рискнет посылать служанку среди ночи звонить по телефону, да и буфет закрыт.

- Наивный вопрос: разве он не может позвонить просто из своей квартиры?

- У него только добавочный телефон. Телефонистка за

Народный фронт, а ночью по коммутатору соединяет дежурный механик. Мы ведь все-таки в провинции, мсье.

- Хитро. Ну, еще один, последний вопрос. Представитель Комитета по невмешательству - он будет знать?

- Он уже знает. Я предупредила, что мы ночью заедем за ним. Нельзя же к нему ломиться без предупреждения. Но... нет... я не думаю! Он ведь нейтрален. Он ведь офицер финляндской армии.

- Финляндской?

- Да, финляндской.

Я вздохнул еле слышно.

- Вам все-таки кажется, что...

- Вы читаете мои мысли, мадам!

Остаток дня провел как праздный турист. Осмотрел музей французских басков и музей художника Бонна, местного уроженца. Молодец художник! Богатый человек, он построил прекрасное здание, накупил картин лучших мастеров, подарил все это своим землякам. Среди картин лучших мастеров он повесил и свои собственные, очень неважные. Но кто станет обижаться на такую мелочь! Посетители подолгу стоят у полотен лучших мастеров, но поглядывают благосклонно и на полотна Бонна.

На лугу, на окраине, целым городком палаток и фургонов расположился знаменитый цирк Медрано. Прекрасный укротитель зверей, чех, по фамилии Трубка, всемирно известные, очаровательные клоуны Фрателлини, чемпион мира бегун Ладумег. Оглушительная реклама, плакаты по всей Байонне и всему Биаррицу. Цирк дает на оба города только два спектакля, в субботу и в воскресенье. И все-таки зал наполовину пуст. Молодой человек во фраке вывел застенчивого Ладумега и разъяснил его заслуги. Публика ответила жидкими хлопками. Бегун сбросил костюм, остался в трусиках и полотняных туфлях, он показал свою утреннюю физическую зарядку. Зрители наблюдали упражнения равнодушно; у нас это вызвало бы огромный интерес, споры, критику, энтузиазм... Затем Ладумег взобрался на сложное сооружение внутрь вертящегося барабана-колеса. Конферансье объяснил, с какой скоростью движется барабан. Эта скорость равна рекордной скорости, которая дала Ладумегу звание чемпиона мира, - таким образом, уважаемая публика будет, не выходя из цирка, присутствовать на стадионе при выигрыше мирового первенства по бегу. Колесо завертелось, человек внутри быстро и мерно задвигался. Полминуты прошло, проступил пот и сразу, в лучах прожекторов, отлакировал каждое закругление, каждую мышцу прекрасного, элегантно худого, мужественного тела. Быстро и все быстрее бежали ноги, длинные,

пластически сухие, совершенной формы ноги, чуть подрагивали плечи, внутри дурацкого железного электрического барабана действовала одухотворенная, тончайше выверенная машина - человек. Божество спорта во всем своем блеске и обаянии, плененное и посаженное в клетку. Белка в колесе! Ладумегу сейчас негде больше выступать, его спортивная работа никем не поддерживается, никем не оплачивается, не имеет во Франции спроса. Он может жить, только выступая в цирке, только бегая в колесе. Ладумег, тебе некуда бежать. Беги к нам!

Колесо остановилось, музыка заиграла вальс; под легкие аплодисменты, на ходу кивая публике головой, чемпион побежал за кулисы. Ему подали мохнатое полотенце. Он, видимо, устал.

На секретность отлета рассчитывать не приходится - кругом все кишит фашистами, шпионами, о моем пребывании знает весь городок, одно это черное пугало из агентства Гавас взбаламутило всех и вся. Офицер финляндской армии... Дежурный на коммутаторе... Баскский аэроклуб... Буфет... Служанка... Никому здесь верить нельзя, кроме мадам и самого Лапорта.

Но если никому не верить, не надо лететь. А я хочу лететь - и полечу. Надо быть нахалом, во всяком случае на войне. Еще ни в одной войне от сотворения мира не побеждали тихие, задушевные, уступчивые люди. Не было такого случая. Конечно, я полечу, мне надо быть завтра в Бильбао, и я буду завтра в Бильбао или нигде не буду.

28 мая

Мадам приехала ровно в три часа утра. Я поставил чемодан в ее маленький "рено". Мы подъехали затем к небольшой красивой вилле в глубине сада. По гудку вышел финляндский офицер, в пиджачке, в пенсне, похожий на бухгалтера. В автомобиле мы вежливо разговаривали о Финляндии, об озерах, о водопадах. Водопад Иматра в Финляндии. Водопад Кивач в России. Водопад Ниагара в Америке. Водопад Виктория, кажется, в Южной Африке. Да, да, в Африке, в Экваториальной.

Аэродром Парм, на полпути между Байонной и Биаррицем. Темные ангары, трава, роса, несколько теней вокруг самолета. Вот летчик Лапорт, без шляпы, молодой человек, молчит; он, кажется, в плохом настроении.

Представитель комитета осмотрел самолет и отметил в акте, что машина гражданская. Проверил бумаги, пилота и мои. Посветил фонариком на чемодан.

- Простите, но формально я обязан...

- Пожалуйста, пожалуйста, будьте любезны...

- Мерси. Я вижу. Я и не сомневался... Можно закрыть. Никогда не думал, что буду исполнять обязанности

таможенника... Очень милый чемодан. Белый.

- Недорогой. Имитация свиной кожи. Такой же из свиной кожи стоит в четыре раза дороже, но по существу разницы никакой.

Сел в самолет. Начали грузить марлю. Большие кипы, без всякой упаковки, уже слегка запыленные. Их привезли слишком много, три кипы лишние. Жалко оставлять, в Бильбао, говорят, совсем нет перевязочного материала для раненых. Я сказал - выгрузить чемодан и взять две кипы.

- Оставляю у вас на хранение, мадам. На обратном пути возьму.

- Он будет в полной сохранности. Вы очень милы. Я должна буду вам вернуть за багаж, который вы оплатили.

- Это пустяки!

Завели мотор. Лапорт сел в пилотское кресло и долго смотрел на приборы, как если бы он их видел в первый раз. Я хотел помахать рукой мадам, но провожающие не были видны в темноте.

Пилот протянул левую руку вверх и нажал костяную кнопку. В ящичке забурчало, красная лампочка на щитке засветилась. Он попробовал еще раз. Опять то же самое. Еще раз. Еще.

Винт работал прекрасно. Уже можно было стартовать. Лапорт, однако, упорно и нескончаемо долго испытывал добавочную батарею. Он качал головой и все нажимал на костяную кнопку. Батарея не работала.

- Зачем это вам нужно?

Он обернулся, хмуро посмотрел и ответил после паузы:

- Чтобы менять шаг винта.

- Ладно, обойдемся.

- Это дает добавочную скорость.

- Я знаю, но нам лететь самое большее полтора часа, разница небольшая.

- Это особенный полет.

- Да, я знаю. Особенный - и потому давайте стартовать. К дьяволу нам нужно менять шаг винта! Ну, действуйте! Уже рассветает.

Он ничего не ответил и стал вылезать из самолета. Я остался сидеть демонстративно и безнадежно. Было совершенно понятно, что эта скотина не полетит. Это было ясно с того момента, когда он сел за штурвал. Какая скотина! Какой трус! Какой жалкий предлог он выдумал! Ну и скотина!

Кто-то подошел к дверце и предложил мне выйти.

- Самолет не пойдет. Батарея разряжена. Чтобы зарядить ее, нужно двенадцать часов.

- Но это ерунда, можно отлично долететь и не меняя шага винта.

Все были согласны с этим, но никто не брался уговаривать пилота. Все-таки это особенный полет, пусть Лапорт сам решает. А он уже решил. Он сказал поставить аккумулятор в зарядку. Он готов полететь в семь часов вечера. А как же конспирация, начальник аэродрома, шпионы, истребители? Мадам спросила меня, не лучше ли будет отложить до завтрашнего утра. Она совсем растерялась.

- Нет. В семь так в семь. В любой час, когда Лапорт полетит, я лечу с ним. Днем так днем, в семь так в семь, в девять так в девять. Но я не верю, что он полетит. Он трус, ваш Лапорт. Хоть и француз, а трусливая скотина.

- Бывают и французы трусы.

- Видимо, бывают, мадам.

Слонялся весь день по городу, съездил на трамвае в Биарриц, бродил по пустому пляжу, купил у какого-то жулика на улице бинокль "по случаю" вместо тысячи франков за четыреста. Бинокль оказался дерьмо, он не стоит и полутораста. Пришли парижские газеты - правительство не предприняло ничего в связи с разбойничьим нападением на французский гражданский, почтовый самолет. Более того, правые газеты заявляют, что "Пиренейский воздух" подозрительная организация, что правительство должно ее обследовать и закрыть.

Оказывается, испанские фашисты в Байонне несколько раз приходили к Гали с предложением: сделать по пути в Бильбао посадку, якобы вынужденную, на сан-себастьянском аэродроме. Они обещали изъять из самолета только пассажиров и почту, а пилота отпустить дальше. За это они предлагали ему двести двадцать пять тысяч франков - из них сто тысяч тут же, в Байонне, а остальные на аэродроме в Сан-Себастьяне.

Параллельно французской воздушной линии через территорию Франции же проходит германская линия Штутгарт - Бургос, формально именуемая "Штутгарт - Лиссабон". Каждый день германские фашистские самолеты, прилетая из Штутгарта, делают посадку в Марселе, затем летят через весь пограничный юг Франции, проходят над Биаррицем и Эндейей, спокойно садятся в Сан-Себастьяне или прямо в Бургосе. Никто не чинит им никаких препятствий или задержек. А если кто-нибудь и попробовал бы, германские фашисты добились бы охраны своих интересов большей, чем пользуется "Пиренейский воздух". Терпеть столько не стали бы.

В шесть часов я самосильно приехал на аэродром. Там были все в сборе и мадам, и финляндский офицер, и корреспондент

агентства Гавас, и сам начальник аэродрома, и еще куча народу. Не было только одного - самого Лапорта. Я стоял как последний дурак у самолета, у своего идиотского белого чемодана; было совершенно очевидно, что Лапорт не появится, а я все-таки стоял. Кто-то позвонил и сообщил, что Лапорт поехал в Сен-Жан-де-Люз встречать раненого Гали, которого доставил английский миноносец. В восемь мы разъехались. Лапорт после свидания с Гали окончательно отказался лететь в Бильбао. "Не будь самоубийцей, - сказал ему Гали. - Ты летишь безоружный и беззащитный. Твое собственное правительство тебя не обороняет и даже не протестует против твоего убийства. Платят, правда, хорошо, но башка стоит дороже. Ради чего же ее терять?"

Этот разговор мне передала мадам, я ее видел в десять часов. В конце концов, они по-своему тоже правы - и Гали, и эта скотина Лапорт.

- У меня нет больше пилотов, - сказала мадам. - Линия прерывает свою работу. Они добились, чего хотели.

- Кажется, я найду вам пилота, - сказал я.

- Он француз?

- Да, француз. Бывают французы - храбрые люди, мадам.

Мы распрощались с ней, по-видимому в последний раз. Я не улетел в Бильбао. Я вряд ли доберусь туда, хотя попробую еще и еще. Пятнадцатого июня в Валенсии открывается Международный конгресс писателей, надо быть там за несколько дней, где же тут успеть к баскам! А Бильбао окружено уже почти со всех сторон. Людям там тяжело. Меня там нет. Я не попал в Бильбао. Я не нахал. Я слишком много о себе воображаю.

29 мая

Байонна сейчас главный центр помощи северным районам территории Франко.

Из Байонны направляется мощный поток продовольствия, людей, оружия. Конечно, еще более удобно делать это через Португалию. Более удобно, но дольше. А война требует спешки. Есть предметы, которые слишком долго возить в обход.

В Байонне - база. В Биаррице, Эндейе, Беобии - передаточные пункты. Кроме того, есть "Начо Энеа". Магические слова!

Они всплывают здесь во всей приграничной полосе, как только разговор заходит о контроле границы, о добровольцах, о снабжении Франко оружием, обо всем, что касается фашистско-испанской территории.

- Этот человек связан с "Начо Энеа"...

- Стоит только обратиться в "Начо Энеа"...

- Эти сведения - из "Начо Энеа"...

- Остерегайтесь, "Начо Энеа" обратило на вас внимание!..

Никто не поверит, что не знаешь о "Начо Энеа" и где оно находится. Конечно, в Сен-Жан-де-Люз!

Я поехал искать "Начо Энеа".

Сен-Жан - маленький, накаленный солнцем городок. Одна сторона его простонародная, рыбацкая. В бухте сотни баркасов, пахнет смолой, пенькой, рыбой. Из лодок пересыпают в мокрые корзины серебристый тяжелый улов. Здесь важнейшие сардинные промыслы Франции. С другого края, у пляжа, несколько кварталов элегантных аристократических вилл. На рейде тихо колышутся серые громады военных кораблей - британских, французских, американских.

На зеркальных окнах справочного киоска заманчивые надписи: "Посетите Испанию, край чудесной природы и людей, отдохните на ее летних и зимних курортах". Конечно, надписи сделаны давно. Ну а сейчас барышня в киоске спокойно разъясняет: сейчас проехать в Сан-Себастьян нельзя. Нет сезона. Ввиду войны. А на три дня?

Нет, и на три дня нельзя. Война, невмешательство, контроль. Туризм временно прекращен. Ведь мсье турист? Конечно, теперь ведь все туристы...

Обмен улыбками.

- Мсье турист из...

- Из Голландии, конечно.

Барышня смеется.

- Почему обязательно из Голландии? Есть и такие, которые прямо из Германии. Но вы ведь, наверно, знаете, куда вам надо обращаться.

- Я забыл... Какие-то непонятные два слова.

Барышня кокетливо строга:

- Если вы забыли, я вам напоминать не стану. Надо было записать. Это направо, за "Баскским баром", и потом вверх по аллее, вдоль парка.

На площади, чтобы не заблудиться, спрашиваю у полицейского "Начо Энеа".

- Вверх, за "Баскским баром", по аллее.

Велосипедист, нянька с колясочкой и бровастая дама любезно направляют туда же. Испанский священник на тот же вопрос коротко отвечает:

- Идите за мной. Я направляюсь туда.

У самого входа, несмотря на знойный полуденный час, оживление, стоят пять машин; из одной люди выходят, в другую усаживаются. На воротах лаконическая надпись: "Начо Энеа". По-баскски это значит: "У себя". За каменной стеной, в глубине сада, спрятан большой дом, стрелки и надписи ведут к нему. В доме

обитают не баски, а испанские фашисты. Но они здесь у себя.

Внутри дома настоящая посольская или консульская канцелярия. В приемной куча ожидающих, на стенах фашистские, монархические плакаты и флаги, кружки для пожертвований на мятежную армию и "Испанскую фалангу", проспекты сан-себастьянских, севильских, бургосских гостиниц. Над камином пришпилена инструкция по переходу границы. Нужно: 1) иметь выездную или транзитную французскую визу, 2) получить разрешение военных властей, 3) дать просмотреть багаж на таможне, 4) пройти пешком мост...

Секретарь с кучей бумаг шныряет туда и обратно. С некоторыми посетителями он объясняется сам, других пропускает за плотно закрытую дверь, к высшему начальству... С меня хватит и секретаря.

- Что вам угодно?

- На несколько дней в Сан-Себастьян. Из Голландии.

Секретарь интересуется паспортом, но я предпочел забыть его в гостинице.

- А как с выездной французской визой? Есть она у вас?

- Пока нет.

Секретарь размышляет.

- Тогда обратитесь к господину Беренвилю. Вы найдете его в "Баскском баре", в конце аллеи, внизу. Возьмите с собой анкетный листок. Верните его заполненным.

Анкета содержит обычные в таких случаях вопросы и адресована командиру 6-й дивизии в Бургосе.

Покидаю "Начо Энеа" с легким чувством разочарования. Никакой таинственности! Просто-напросто посольство фашистских мятежников на французской территории.

"Баскский бар" оказывается шикарным французским кабаком-дансингом. Такие учреждения обычно открыты только по ночам. Но нет, здесь и сейчас есть публика. За двумя столами оживленно пьют пиво и болтают на берлинском диалекте здоровенные молодые люди. Типичная стрижка рейхсвера: кругом головы под машинку, на макушке - намасленный пробор. Явные туристы. Бесспорно из Голландии...

Официант у стойки понимает, что я пришел сюда в час дня не танцевать.

- Вам, наверно, нужно мсье Беренвиля? Он в "Начо Энеа", вернется с минуты на минуту. Эти господа его тоже ждут.

- Нет, я уж зайду в другой раз.

Господин Беренвиль - лидер местных фашистов и руководитель переправы к Франко. "Баскский бар" - его приемная. Это все в порядке вещей. Гораздо более трогательно другое. В

трехстах шагах от "Начо Энеа", в другой вилле, проживает безвыездно с начала фашистского мятежа господин Жан Эрбетт, числящийся до сих пор послом Франции при республиканском испанском правительстве.

...Отсюда недалеко до Беобии. Вот Беобия. Река, пограничный, или, как его здесь называют, интернациональный, мост. У моста - французская таможня, жандармы, полиция, контрольно-пропускная будка. Изредка подъезжают автомобили, из них выходят богатого вида господа, на секунду заглядывают в будку и сейчас же идут по мосту на испанскую сторону.

Пограничники рассказывают:

- Третьего дня сюда опять перебежал унтер-офицер из фашистской армии. Ну и стрельбу же открыли они по нему! Прямо чудо, что никого из нас не убили!

- Неужели так и стреляли по французской стороне?

- А как же! Из пулеметов. Посмотрите сами.

В самом деле, стены домов, обращенные к границе, изрыты пулями. Несколько пуль попали даже во французский пограничный знак, сбили с него эмаль.

- И вы ничем не ответили?

- У нас не было приказа.

- В вас стреляют из пулеметов через границу - и вы ничем на это не реагируете?

Офицер-пограничник грустно разводит руками:

- Поверьте, если бы нам дали возможность, мы показали бы, что можем охранять честь французской границы.

- А органы международного контроля?

- О, их это трогает меньше всего! Их задача - обеспечить невмешательство туда. Насчет вмешательства сюда - они правы, когда говорят, что Франция могла бы сама обеспечить себя от этого.

...В Эндейе главный перевалочный пункт между Францией и лагерем Франко. На пограничном мосту движение как на бульваре. В будке должен быть контролер, голландский офицер. Должен быть, но его нет. Пограничники объясняют: он обедает.

- Он обедает с утра до поздней ночи. Вы найдете его в ресторанчике около вокзала. До установления международного контроля мы не знали, сколько способен выпить в день один голландец. Чем дольше живешь, тем больше узнаешь интересных вещей.

На другом конце моста неподвижно стоят жандармы генерала Франко. Все те же черные лакированные королевские треуголки, те же лимонного цвета ремни. Вдруг они вытягиваются, берут на караул. Через мост на нашу сторону катит щегольской

автомобиль. Рослый мужчина развалился на заднем сиденье, снисходительно машет рукой французской страже и, не останавливаясь, удаляется по шоссе. Кто это? Майор Тронкосо, военный комендант мятежного Ируна.

- И часто он сюда приезжает?

- По нескольку раз в день. Он пользуется правом беспрепятственного проезда туда и обратно. Ведь у него масса дел тут, во Франции.

На станции пробую разыскать представителя международного контроля. Это очень легко - все знают, где обедает голландец. Вот и он: салфетка узлом обвязана вокруг шеи, чтобы не упасть, на столе батарея бутылок. Стараюсь вступить в разговор, но, увы, бравый представитель голландской армии не вяжет лыка. Где же тут контроль, хоть бы из-за стола суметь встать!

В Эндейе тоже вчера составлен протокол об обстреле границы неизвестными лицами с испанской территории.

"Неизвестный" обрушивает с борта военных самолетов тонны взрывчатых веществ на французские города. "Неизвестный" обдирает пулеметным огнем французские пограничные знаки.

"Неизвестный" топит британские торговые пароходы. "Неизвестный" вмешивается всей силой своего могущественного оружия во внутренние дела Испании, в борьбу ее народа с фашистскими мятежниками. Не слишком ли далеко зашел этот уже всякому ребенку известный "неизвестный"? Не нарушены ли им все границы терпения? Не слишком ли уж тесно стало в мире от его безнаказанных, все более яростных и дерзких бросков и прыжков?

...Поздно вечером приехал в Тулузу. Тотчас же позвонил в Париж, к знакомым, с просьбой разыскать летчика Абеля Гидеза, если он в Париже. Сказать ему только одно: что я прошу его срочно приехать в Тулузу, чтобы поиграть в теннис и вообще отдохнуть.

30 мая

Совершенно пустой день. Пыль, жара, духота. Здесь нет даже цирка Медрано. "Депеш" помещает длинные столбцы телеграмм об обороне Бильбао. Главная надежда атакуемых басков - это "железный пояс" укреплений, который они воздвигли вокруг своей столицы. Уничтожение Герники не запугало, а ожесточило их. Они хотят держаться и удержаться. "Депеш" - единственная здесь и во всей Франции буржуазная газета, которая сочувственно и правдиво пишет о борьбе испанского народа.

Вечером опять говорил с Парижем. Ура, Гидеза нашли! Он сказал, что готов выехать сегодня в Тулузу, но, поскольку речь

идет об игре в теннис и отдыхе на лоне природы, он должен перерегистрировать свое пилотское свидетельство, срок которого истек. На это уйдет два дня, третьего он будет в Тулузе. Ну что за милый парень!

31 мая

Еще в Байонне мадам называла имя некоего Янгваса - испанца, "дикого" пилота, воздушного извозчика-одиночки, некооперированного кустаря. У него есть патент, и он летает там, где другие не берутся. Возит не по счетчику, цена по соглашению. Искал Янгваса в Тулузе, - нет, он уже две недели как не появлялся. В отеле, где он всегда останавливается, обещали сообщить тотчас же, если он приедет. Для верности я перебрался в этот же отель.

Еще один бессмысленный, пустой день. Терпение, выдержка! Хорошо, выдержка, но если она пропадет зря? До конгресса в Валенсии осталось пятнадцать дней. Можно ли рисковать забираться на это время в Бильбао, как и когда выберешься?

1 июня

Утром вдруг появился Янгвас. Пригласил его завтракать в лучший ресторан - в "Лафайетт". Довольно странный человек. Маленького роста, худенький, медвежатные движения, прищуренные, хитрые глаза. Говорит мало, ест и пьет с огромным аппетитом. У республиканцев он пользуется полным доверием. Личный друг президента басков Агирре. Он перебрасывал около двухсот раз над территорией фашистов грузы, оружие, людей. О его дерзости и безнаказанности знают фашисты. Пробовали подкупить его - не удалось. Кейпо де Льяно в одной из своих радиопроповедей объявил: "Мы поймаем тебя, Янгвас, и повесим".

Янгвас летит в Бильбао. Он согласен взять меня. Сегодня же! Сегодня вечером? А как Гидез? Я не буду его ждать. Я оставлю ему письмо, по которому он свяжется с "Пиренейским воздухом" и будет там работать, если захочет. Он уехал из Испании, когда ликвидировалась интернациональная эскадрилья Андре Мальро. Правительство выдало ему почетную благодарственную грамоту за героическую боевую работу для испанского народа. Он сбил четыре фашистских бомбардировщика и шесть истребителей, оказал стране еще ряд ценнейших услуг.

После завтрака все вдруг стало легким, быстрым и простым. Только я сел писать очерк о франко-испанской границе, только написал две с половиной страницы - и уже за мной зашел бортмеханик Янгваса. Снес мой белый чемодан в такси. Вот мы уже на аэродроме, вот самолет, двухмоторный "блох", вот мы уселись, вот взлетели и идем на запад. Янгвас сказал: лететь из Байонны безумие. Это гнездо фашистов, особенно аэродром. Из

Тулузы лишних полтора часа лету, но возможности для фашистского шпионажа гораздо более урезаны.

Уже смеркалось, когда над Кап Бретон мы вышли к Бискайскому заливу. Всегда бурный, он сегодня был необычно тих. На втором пилотском сиденье, рядом с летчиком, я подолгу смотрел то вправо, на бескрайнюю ширь Атлантики, то влево, на изрезанный скалами берег сначала французский, затем испанский. Янгвас подмигнул влево и лениво усмехнулся.

- Фачистас...

Я закивал головой и изобразил простодушный восторг, как если бы он показывал мне северное сияние. Фашисты уже занимают здесь всю линию побережья, почти до самого Бильбао.

Янгвас сделал глубокий загиб в море, чтобы отойти от этой части берега. Это отняло лишний час лета, теперь мы шли совсем одиноко над водным пространством. Почти совсем стемнело, пилот стал осторожно перпендикулярно приближаться к берегу. О том, чтобы сесть на бильбайский аэродром, не было и речи. Малейший снос на восток, хотя бы на десяток километров, выводил прямо к фашистам. Слишком вправо, на запад, к Сантандеру, - нет никаких возможностей для посадки. Янгвас стал внимателен и сосредоточен, он часто приподнимался над штурвалом, узкими, зоркими глазами проводника всматривался в неясные очертания, уступы и мысы, утопающие в вечерней мгле. Еще несколько минут - он сбавил газ, в глубине небольшой бухты, опоясанной скалами, забелел песок. Машина сделала круг, круто пошла на посадку, еще минута - и мы тихо покатились по влажному песку, поднимая тучи брызг из луж морской воды.

Мотор умолк. Вдали высятся скалы вокруг острова-тюрьмы Сантонья, испанского замка д'Иф, мрачного, зловещего места ссылки. Первозданная тишина струится над этим заброшенным, безлюдным углом. Но скоро далекий орудийный грохот разбудил ее. Жадным, глубоким вдохом я глотнул воздух, свежий, бодрый воздух моря, леса и гор. Еще раз грохот. Это опять Испания, опять война!

3 июня

Вот два дня, непрерывно, почти без сна, - с басками, на улицах и в казармах Бильбао, на секторах первой линии его обороны, в траншеях его внутреннего укрепленного пояса.

Взятием Бильбао Франко несомненно хочет заменить взятие Мадрида. С военно-политической точки зрения у него на это есть немало резонов. Сдача или захват Бильбао, сдача, или захват, или бегство баскского правительства могли бы нарушить и без того неустойчивое международное равновесие вокруг Испании и дать мятежникам возможность добиться при помощи внешних сил

выгодного перемирия - того, к чему Франко последнее время упорно стремится. Без Бильбао это трудно и невыгодно.

Сюда, на Бискайю, брошены основные и самые боеспособные фашистские силы. За последние месяцы они, правда, сильно поредели: Франко лишился лучших своих кадров. Погибли старые марокканцы, великолепные бойцы, яростные в атаках и упорные в обороне. Они были втянуты в борьбу насильно или обманом, не знали, за что и для кого дерутся, но дрались отлично и всегда служили слепым, безотказным наступательным тараном, за которым следовали главные силы. Много погибло легионеров, много кадровых солдат и унтер-офицерских чинов.

Под Бильбао появились более молодые призывные возрасты, обученные уже во время гражданской войны, сколоченные, вымуштрованные германскими инструкторами. Части более современные, более боеспособные, настойчивые, пока операция развивается, и совсем рыхлые, нестойкие в случае неудач и малейшего расстройства управления. Наступать или обороняться отдельными группами, как это делали марокканцы и легионеры, они не умеют.

Здесь же действуют, на правом фашистском фланге, итальянские экспедиционные дивизии, растрепанные в свое время на Гвадалахаре и затем приведенные в порядок. Лучше они не стали.

В сравнении со своим противником баскская пехота показала себя с самой лучшей стороны. Это храбрые, стойкие люди, неутомимые в трудных горных условиях, гораздо более организованные и менее впечатлительные, чем, например, кастильцы. В боях сказались национальные качества басков - их уравновешенность, упорство, хладнокровие, иногда даже флегматичность - все то, из-за чего их называют здесь англичанами Иберийского полуострова. Вооружение и обученность баскских частей тоже на приличном уровне.

Защитники Бильбао построили так называемый "синтурон", то есть пояс, или укрепленный пояс, или железный пояс, или стальной пояс, или, как его прозвали любители газетных сенсаций, - "бискайская линия Мажино".

Само это увлечение громкими названиями принесло мало пользы обороне города. Оно создало неверное представление о грандиозности укреплений вокруг Бильбао, об их полной и абсолютной, герметической непроницаемости, об их непроходимости. Мятежники охотно содействовали фантастическим описаниям "синтурона", оправдывая ими медленность осады Бильбао и подчеркивая перед всем миром необычайную трудность своей задачи. В случае захвата Бильбао

эти рассказы должны служить доказательством безумной храбрости мятежников, справившихся с якобы неприступной крепостью.

В Бильбао, включая некоторую часть бойцов и командиров, вера в магические свойства "синтурона" породила мнение, что бои вблизи города не так важны и что настоящая оборона начнется только с момента отхода на укрепленные позиции. Мнение неверное и глубоко вредное. Нет таких поясов и укреплений, которые могли бы сами по себе служить гарантией обороны. Все зависит от того, как их использует армия в ходе сражения и при каких условиях она начнет обороняться на них.

Если противник нанесет сильный удар хотя бы даже на некотором расстоянии от укреплений, то он может, развивая успех, создать брешь, физическую и моральную, в рядах обороняющихся внутри укрепленного пояса, прежде чем тот начнет свое сопротивление.

Если, с другой стороны, "синтурон" даже будет прорван в одном или нескольких местах, это еще не означает катастрофы и падения Бильбао. Лишь бы не был сломлен дух войск и их стойкость, их воля к борьбе, организованность их управления.

Самый "синтурон" - это более или менее непрерывная цепь отдельных окопов, траншей, блокгаузов, блиндажей и пулеметных гнезд, чередующихся с естественными горными рубежами и хорошо обстреливаемыми ущельями.

На некоторых участках работа проделана отлично и очень догадливо дополняет рельеф местности. В других местах укрепления только повторяют никчемно то, что здесь настроила сама природа: блокгаузы на гребнях могучих скал, к тому же сделанные открыто, напоказ, прямо как приманка для авиации и артиллерии противника. Я облазил по горам все эти устройства, облился при этом семью потами. Есть участки, где укрепления недостаточны или где их совсем нет, - не защищенные ничем проходы, которые надо оборонять только живой силой, в очень невыгодных условиях.

Произошло все это не случайно. Инженер, руководивший устройством пояса, оказался изменником, вредителем и недавно перебежал к фашистам. У мятежников есть все схемы "синтурона" и все объяснения к ним.

После бегства инженера командование очень многое изменило в укреплениях. Целые участки пояса перестроены на новых местах. Но конечно, всего переделать заново не удалось. Неприятельская авиация следит за работами и разгоняет саперов бомбами.

Все-таки многие тысячи рабочих и крестьян басков с

воодушевлением трудятся над созданием и переделкой укреплений осажденного Бильбао. Каждую ночь, в темноте, колонны людей напряженно копошатся в горах - строят, копают, заграждают. Нельзя сказать, что их оборудование богато. Грузовик сюда не перебросишь. Крохотный осел, деревянные носилки, корзины - все пущено в ход, все служит для укреплений, все помогает борьбе. Как и зимой в Мадриде, женщины, подростки, дети помогают строить и обороняться.

Но борьба вокруг Бильбао совершенно не похожа на борьбу вокруг Мадрида. Она вообще ни на что не похожа.

Здесь, на Северном фронте, воюет авиация. Притом авиация только фашистская. А республиканской почти нет.

То, что мы видим и переживаем здесь теперь, не может служить прообразом будущих войн. Если изобразить все это на картине, то под ней надо подписать: "Горе стране, которая не сможет обороняться в воздухе!" Фашистские интервенты используют на Бискайском фронте свое полнейшее превосходство в воздухе. Вернее, не превосходство свое, а почти полное отсутствие республиканской авиации, в котором они ясно убедились, обшарив побережье. С наглостью трусов фашистские командиры раскричали в своих сводках, что на севере теснят противника в воздухе. Им почти некого теснить: здесь действует маленькая горсточка самолетов, переброшенная с огромными трудностями и международными осложнениями с Центрального фронта. Фашистам же не пришлось почти менять своих авиационных баз. Из одного и того же района Бургоса они летают и на Гвадалахару, и в Каталонию, и на Бильбао, и на Сантандер. Лихорадочное капитальное строительство аэродромов вокруг Сан-Себастьяна - это уже забота о будущем, это первые опорные германские пункты на французской границе.

Авиация интервентов вдесятеро превосходит числом бискайскую, республиканскую. Многим ли она после этого рискует? Немцы устроили себе из Бискайи настоящий полигон. Они пробуют здесь свои новейшие марки, как сверхскоростной "Хейнкель-123" или двухмоторный бомбардировочный "Хейнкель-111". Они сбрасывают все виды бомб, от однокилограммовой (пучком по десять штук) до трехсот - и пятисоткилограммовых. Они бросают артиллерийские бризантные снаряды и наблюдают действие, они ведут массовые опыты с зажигательными термитными бомбами, с теми самыми, которые приготовили еще к концу империалистической войны для Парило, но тогда не решились применить.

Этими бомбами жгут леса и кустарники, душат зловонным дымом людей и скот, постепенно переходя к химическим

средствам борьбы.

Рассматриваешь какую-нибудь лощину после бомбометания - все изрыто, исковеркано огромными воронками. С земли клочьями содраны ее зеленые покровы, тлеют обгорелые пеньки деревьев. И вот постепенно неизвестно откуда начинают выползать люди. Они сначала молчат - не хочется слов. Они как будто задумчивы - на самом деле оглушены. Прошло немного времени - и они уже опять двигаются, хлопочут, шутят, а главное - опять воюют. Даже во время самих воздушных атак солдаты сохраняют боевой дух. Несколько раз, и вот сегодня опять, когда воздушные пираты совсем обнаглели, во время низких виражей пехотинцы из винтовок подбили двух фашистских летчиков-истребителей.

4 июня

Здесь есть замечательные люди, частью местные, частью перелетевшие на помощь баскам с Центрального фронта. Лучшие из них по боевым и моральным качествам - это Кристобаль{21} и Нино Нанетти{22}. Первый - командир колонны, стойко оборонявший Сан-Себастьян до последнего часа. Второй, итальянец, комсомолец, прекрасный боевой командир, командовал бригадой и затем дивизией под Мадридом. Кристобаль руководит сектором, а Нино вот уже десять дней обивает пороги штаба, ожидая назначения, хотя тот же штаб настойчиво вызывал его радиограммами. Здесь страшная неразбериха. Борьба интересов и влияний - национальных, политических, территориальных. Спорят между собой баски с испанцами, националисты с другими партиями, другие партии между собой и внутри себя. Очень странно держится Хуан Астигаррабия, секретарь Компартии басков. Он диктаторствует, причем весьма бездарно, важнейшие решения принимает единолично, фактически упразднив здешнее Политбюро. Самое худшее - в том, что по существу решения эти почти всегда неверны и отражают собой колеблющуюся, шаткую, половинчатую позицию баскского правительства, на поводу у которого Астигаррабия очутился. Он держится заносчиво, неприступно в отношении Центрального Комитета в Валенсии - выдвинул теорийку, что Компартия басков - не часть Коммунистической партии Испании, а состоит с ней в "братских" взаимоотношениях, то есть на равных и самостоятельных правах. Встревоженный этими фактами и всей обстановкой, Центральный Комитет прислал сюда специального уполномоченного, Энрике Кастро, члена ЦК. Кастро перебрался сюда с большими трудностями и риском. Астигаррабия принял его открыто враждебно, вернее, почти совсем не принял и не устроил его на

питание, объяснив, что в Бильбао есть нечего. Уполномоченному приходится жить и продовольствоваться у бойцов-коммунистов, свой контакт с партийной организацией он установил, минуя секретаря.

Сами националисты-баски совершают в эти тягчайшие, решающие дни поступки безумные и необъяснимые. Объяснить их можно разве только противоречиями и борьбой среди самих националистов. С одной стороны, несомненно их желание и решимость драться с Франко, который отказался обещать баскам хоть на грош автономии. Они держатся за центральное правительство, считают себя крепко связанными с ним, единственным другом, из рук которого получили автономию. И тут же совершают на каждом шагу маленькие пронунсиамьенто - грошовые переворотики, захваты, демонстрации. На этих днях националисты внезапно арестовали весь офицерский состав моряков и на миноносцах, на подводных лодках поставили своих людей, весьма сомнительных, неблагополучных по фашизму. Президент Агирре, он же теперь и главнокомандующий Баскским фронтом, сначала разгневался (или изобразил гнев) по случаю такого своеволия, затем примирился с ним и даже одобрил какими-то соображениями.

Я побывал у президента. Он так же мил и элегантен, как и раньше, он стал даже еще любезнее. Горячо благодарил за устройство баскских детей в Советском Союзе, особенно был растроган тем, что из Москвы напомнили о присылке баскских букварей и учебников для маленьких беженцев.

- А что же вы думаете, мы их хотим русифицировать? Они у нас в гостях, но они баски и останутся басками.

- Да, да, это очень трогательно, очень чутко!

Жадно расспрашивал о международном положении, жаловался на одиночество и изоляцию, на хозяйственные, финансовые, валютные затруднения. У него нет помощников по этой части, специалистов...

- Простите, сеньор президент, но в этом если кто и виноват, то вы сами. В центральном правительстве положение куда труднее. Там финансами руководит врач Негрин{23}, в других министерствах сидят рабочие, журналисты, в вашей же партии есть опытнейшие коммерсанты, старые дельцы. Есть много богатых басков за границей - где их национальные, патриотические чувства? Сейчас, когда Баскония наконец самостоятельна, как могут они не поддержать свое правительство средствами, оружием, займами? Ваш пролетариат, все эти католики-рабочие, они отдают сейчас родине даром свой труд, свою жизнь - все, что имеют. А они ведь очень скромны в своих

ответных требованиях, они не тронули фабрик, заводов и банков. Они, в интересах войны, даже не повысили себе заработной платы, между прочим, глупо сделали. Они терпеливо ждут лучших времен, они борются в кредит.

Агирре рассмеялся.

- Вы хорошо сказали, сеньор редактор, или оговорились. Именно борются в кредит. Вот этого кредита и боятся мои коллеги-буржуа. Они предпочитают громко тосковать об автономии басков, сохраняя свои дивиденды, чем получить эту автономию и заплатить рабочим. Что касается меня и моего правительства, то мы будем стойко и до конца продолжать борьбу, охраняя национальные интересы всего народа, всех классов!..

Бильбайская печать сегодня занята бурной дискуссией об охране военных тайн. Поводом послужило заявление на вчерашнем приеме местных газетчиков. Я сказал, что в порядке дружеской критики отмечаю невероятную болтливость прессы. Особенно вредны и прямо служат неприятелю подробные перечисления в газетах всех зданий, куда попали фашистские бомбы и снаряды. Ведь это прямая корректировка стрельбы и бомбометания фашистов. Да и всякие другие выбалтывания: адреса казарм, списки бойцов и командиров, получивших табак, с номерами и местоположением частей... Целые столбцы отведены под обсуждение этой более чем скромной мысли. Одни газеты считают, что замечание правильно и что пора перестать болтать, хотя бы лишив читателя "занимательного и ценного материала для воспитания его антифашистского негодования". Другие органы печати видят в заявлении пример шпиономании. Подумаешь, большую роль для противника играют все эти адреса! Ему и без того с воздуха видно, куда падают бомбы. Хорош бы он был, противник, если строил бы свою разведку только на газетах! Да и вообще бильбайские газеты поступают на территорию Франко лишь на четвертый-пятый день. Сведения давно устареют. Нет, наш советский коллега чересчур уж мнителен...

6 июня

По позициям здесь надо лазить с посошком, еще лучше - в альпийских башмаках с шипами. Военный инженер Базилио{24}, человек пришлый, уже знает здесь каждую гору, каждую расщелину, каждую полянку. По утрам мы выезжаем с ним, маскируем и оставляем машину на возможно ближайшей точке горного шоссе, оттуда вместе с шофером, втроем, карабкаемся по сектору.

С утра фашистская авиация уже в воздухе, она зорко следит за саперными работами и ведет бомбардировку на их

прекращение.

Наступление на Бильбао - это сокрушительный, безнаказанный террор массированной авиации. Об этом можно прочесть полтораста статей. Но, чтобы почувствовать и понять, надо быть здесь.

И в военной теории, и в практическом применении войсковая авиация всегда предназначалась для поражения целей в глубине расположения противника. Она идет уничтожать там, куда не достает пулеметный и артиллерийский огонь.

Здесь она поступает куда более просто. Избирает маленький, в один-два километра, участок фронта, начинает бить по самому переднему краю обороны, и как бить!

Мы миновали отрезок готовых и пока безлюдных блиндажей "синтурона" и пошли через лужок к передовой линии окопов. В эту минуту над нами появились "юнкерсы". Немного, четыре штуки. Их привлекли белые пятна развороченной земли на лужке. Отсюда брали песок для подсыпки в блиндажи. Летчики заподозрили здесь укрепления. Мы бросились на землю.

- Жаль, не успели мы перебежать эту поляну, - сказал Базилио. - Ладно, шут с ними, переждем. Пусть бомбят по пустому месту, порча материала как-никак.

- Место не совсем пустое.

- О присутствующих не говорят.

Грохот был отчаянный. Бомбы падали и рвались пучками, по две, по три, Лужок вздыбился песком и пламенем. Наш край не задело. Самолеты стали уходить. Подождав, пока туча земли и дыма начала оседать, мы встали для перебежки.

- Стой! - крикнул Базилио. - Ложись! Сзади идут новые.

Это была следующая смена. Она шла по пятам за первой и бомбы направила сюда же, прямо в дым, оседающий от первой очереди. Взрывы раздирали уши. Это было уж чересчур близко от нас. Мы лежали очень скромно, укрытые только теорией вероятности.

И этот грохот кончился, многомоторный гул стал тише, увидеть аппараты глазом было трудно - дым застилал небо. Наконец все очистилось. Первым поднялся и побежал шофер, за ним мы двое. И вдруг с жужжащим визгом, пикируя почти отвесно, с яростной пулеметной пальбой на лужок кинулись три истребителя. Шофер закричал ужасным голосом и упал. Он, видимо, был убит или смертельно ранен. Истребители охотились за нами, как чайки за рыбой.

- Хреновая история, - сказал Базилио, - они нас принимают за дивизию, не меньше. И мы никак не докажем, что нас трое. Ни письменно, ни устно. Они теперь будут бомбить и прочесывать

истребителями, бомбить и прочесывать истребителями, по очереди.

- Надо помочь парню, если он жив. Подползем к нему.

Но он уже полз навстречу нам. С ним ничего не случилось, он только очень испугался. Все-таки мы временно похоронили его - вдавили немного в землю и забросали травой белую, яркую его рубашку. Сказали - не рыпаться без команды.

Третья очередь "юнкерсов" была уже здесь. Теперь положение наше стало хуже - перебежкой мы приблизились шагов на пятнадцать к центру бомбометания. Прежнее место казалось теперь идеалом уюта и безопасности.

Повторилось то же, что и в первые два раза. Опять пришли истребители. Они нас нервировали почему-то больше, чем бомбовозы. Лежа, я закурил сигарету и бросил недокуренную.

- Все-таки надо добежать до блиндажа, - сказал я.

- Подведем бойцов в блиндаже, навлечем на них эту сволочь. Смотрите, сейчас блиндаж совсем незаметен.

Мы оставались на этом месте еще два с половиной часа. Взрывы то утихали, то возобновлялись чудовищными шквалами, но ни разу рокот моторов не прекращался над лужком. Истребители кувыркались почти у самой земли в те редкие промежутки, когда по полю можно было пробежать. Тупое оцепенение охватило нас.

Наконец все кончилось. Медленно, тяжело мы поднялись на ноги и молча побрели к блиндажу. Там не было ни души.

- Не выдержали ребята, - сказал Базилио. - Поди-ка выдержи! С воздуха надо прикрываться. Конечно, если есть чем прикрыться{25}.

Вернулся в город поздно. Застал записку из президентской канцелярии просьба позвонить. Позвонил, и секретарь меня уведомил, что пилот Янгвас завтра собирается в обратный полет. Место в самолете обеспечено, и этим местом рекомендуют воспользоваться, потому что другой оказии, ни морской, ни воздушной, пока не предвидится.

7 июня

Сегодня Янгвас не отлетел. То ли погода ему не понравилась, то ли что-нибудь другое. Он не дает объяснений, улетает и прилетает, когда хочет, хотя бы имел самое срочное поручение. Он считает себя в распоряжении президента Агирре, но и президент не распоряжается его полетами. Янгвас объяснил, что только при условии полной бесконтрольности он может нести свою опасную службу.

Кармен сел за руль машины и долго возил меня по городу. Он молодец, хорошая помесь кинооператора с советским

журналистом, живой, храбрый, веселый. Поспевает повсюду, в нужные и важные места. Мы были очень рады увидеться после Мадрида в этом тревожном, сумрачном Бильбао.

Взволнованно, но тихо и молчаливо переживает измученный, усталый город борьбу, которая кипит у его ворот. Опять и опять каждые полчаса воют сирены о воздушной опасности, загоняют жителей в подземные убежища. Но ни у кого больше нет ни охоты, ни терпения сидеть в погребе. Собираясь кучками, баски прислушиваются то с тоской, то с радостью, то с надеждой к орудийному грохоту на окраинах города. Длинные очереди у лавок, чтобы получить полфунта хлеба, или крупы, или пол-литра растительного масла. Бледные лица женщин и детей. Люди стали тенями.

Но они хотят жить, радоваться, смеяться, эти тени. Если вечером хоть на час затихает канонада, город робко пробует передохнуть, принять мирный вид. На тротуары перед домами выносят стулья; матери семейств, как наседки, восседают в кругу своего большого потомства. Большое, некогда богатое кафе уныло освещено одной-единственной лампочкой. В полутьме усталые солдаты отдыхают за стаканом лимонада, дремлют, положив головы на плечи жен и подруг. И над каждым столиком маячит печатный плакат: "Боец, будь осторожен: женщина может быть твоим лучшим другом и твоим злейшим врагом. Не болтай!" Капитан приходит в кафе, жестом руки он кончает передышку. Солдаты коротко прощаются и у выхода строятся в колонны.

Как страдает этот город! И за что? Республиканский парламент, законное правительство в Испании предоставили древнему народу басков автономию, на которую он всегда имел все права.

У меня дома, где народы составляют союз равных, может ли баскская автономия удивить даже ребенка? Здесь, в капиталистическом мире, полчища иностранных интервентов вместе с испанской фашистской реакцией обрушили на мирную Страну Басков огненный вихрь, хотят стереть с лица земли ее людей, ее дома, ее сады, даже ее церкви только потому, что духовенство поддержало национальные и антифашистские чувства народа. Интервенты уничтожили священный город басков Гернику и теперь хотят сделать из Бильбао новую, большую Гернику. И ни одно из капиталистических государств, даже самых христианнейших, не пришло на помощь баскскому народу, изнемогающему в одиноком, неравном бою.

8 июня

Я сегодня был во Франции. Но ложусь спать в Бильбао. Вот какие делишки!

Утром появился Абель Гидез, веселый, солнечный, сияющий. Его первые слова были:

- Если бы ты даже из пустыни Сахары прислал радио, что тебя нужно оттуда вытащить, я прилетел бы за тобой!

Вместо ответа я крепко обнял его как брата.

Он прибыл в Тулузу на другой день после меня, связался с "Пиренейским воздухом", помог купить в Париже хороший, чуть подержанный двухмоторный самолет, сразу перегнал его в Тулузу и вот уже прибыл сюда, первым рейсом. Он очень доволен, он рад, что опять включился в работу.

- Да, я очень рад и был бы совсем рад, если бы мог поставить на машину хоть два пулемета. Ужасное чувство - ощущать себя ястребом и быть зашитым в шкуру зайца. Я уже говорил фирме: за один пулемет я отказываюсь от половины жалованья, за второй буду летать даром. Они только смеются в ответ. Пойми, как это глупо: они будут меня клевать, убивать, а я, который смелее их, ведь я же знаю, я смелее их - я должен буду удирать или, подбитый, падать на землю!

Он выбрал для посадки тот же пляж Ларедо, что и Янгвас. Это не понравилось испанцу. Когда мы под вечер приехали с Янгвасом на пляж, он покосился на машину Гидеза и сказал, что больше здесь садиться не будет, место демаскировано. Пожалуй, он прав.

Погода очень испортилась. Бискайский залив был весь в тучах, видимость очень плохая. Янгвас решил все-таки лететь. Мы разбежались по мокрому песку и пошли в воздух. Через несколько минут полета вошли в густой туман и дождь. Встречный ветер осаживал самолет. Янгвас упрямо вел машину вперед. Полтора часа показались нескончаемой вечностью. Примерно так летели мы в тридцатом году со Спириным на Р-5 над Черным морем{26}... Наконец издали показались неясные очертания французского берега. Я вздохнул свободно. Еще десять минут - мы, примерно над Кап Бретон, миновали полосу морского прибоя и пошли над Францией.

Через три-четыре минуты полета мы совершенно ослепли. Попали в так называемое "молоко". Сплошной, белый, мертвый туман охватил машину. Не видны были даже концы крыльев. Очень скоро Янгвас сбился с курса. Самолет метался, как птица в клетке. Летчик клал его резким поворотом то на один бок, то на другой. Мы спустились ниже, чтобы разглядеть хоть что-нибудь. Сквозь одну прореху в тумане я успел увидеть холмистую местность, чей-то замок, мокнувший аспидными крышами под дождем, затем и это заволокло.

Янгвас бесновался вместе с машиной. Злобствовать так могут

только объездчики диких лошадей. Один раз он даже с размаху ударил кулаком по штурвалу, как ударяют по шее лошади. При одном резком вираже меня, сидевшего рядом, повалило на него. Мы не были подвязаны. Он усмехнулся и сказал: "Не бойтесь".

Наконец, после дюжины разворотов рывком, кувырком выбрались обратно в море. Берег был закрыт сплошной, непроницаемой стеной облаков. Нечего было и думать еще раз пробивать ее. Франция вытолкнула нас.

Куда же теперь? Все побережье влево занято фашистами, до Бильбао. Этот путь уже известен. Значит, обратно в Бильбао? Хватит ли бензину? Пилот не заправлялся в Бильбао, очень трудно было тащить бензин к пляжу.

Чтобы сократить путь, Янгвас пошел почти вдоль берега. Правда, сейчас ни одна собака не вылетит против нас, даже слыша звук мотора. Но если бензин выйдет, мы сядем в фашистской зоне. Или если мотор забарахлит. Он уже барахлил на Янгвасовой машине в прошлый раз, по пути в Бильбао. Янгвас тогда сказал, что этот мотор не в порядке, что в Тулузе надо будет его просмотреть и отрегулировать.

Прижатые облаками к сварливым бискайским волнам, почти задевая колесами воду, мы плелись в темноте.

Наконец, почти на ощупь, подползли и сели все на тот же мокрый, безлюдный пляж. Под дождем пошли в поселок искать автомобиль.

Уже быть во Франции - и опять очутиться здесь! Это невероятно!

Поздно ночью я ввалился в Бильбао, в комнату, которую накануне оставил Гидезу. Абель был изумлен и встревожен. Мы устроились спать вместе.

- Лети завтра со мной.

- Неудобно обидеть испанца. Он подумает, что после сегодняшней истории я не верю в его пилотские способности. А пилот все-таки прекрасный.

- А я, по-твоему, плохой?

- Тебе к лицу маленькое жалованье и два пулемета.

Мы уже засыпали, но он вдруг засмеялся в темноте:

- А кто это стоял в самолете над Пиренеями с пистолетом у моего затылка? Ты думаешь, я тогда ничего не заметил?

Мне стало неловко.

- Спи, болтушка! Ведь не сразу узнаешь людей.

9 июня

Погода очень плохая, не летят ни Гидез, ни Янгвас. Фашисты усиливают нажим на Бильбао. Они подходят к укрепленному поясу. Боюсь, что "синтурон" не выдержит. Но в городе

сравнительно спокойно.

10 июня

Гидез решил лететь в полдень, а Янгвас - в шесть вечера. Я сказал Абелю, что, если к полудню не успею приехать на пляж, пусть улетает без меня, - вечером в отеле "Лафайетт", в Тулузе, мы встретимся... Он захватил с собой мой багаж.

С боевых участков удалось вернуться только в три.

Когда в пять часов с Янгвасом, с Карменом и другими провожающими мы приехали в Ларедо, мы застыли при виде того, что открылось нашим глазам.

На берегу стоял и глядел вперед неподвижный, только очень взлохмаченный Гидез, Рядом с ним валялся, весь размокший, мой белый чемодан с одним обломанным замком.

В море, в полукилометре, примерно наполовину торчал из воды самолет Гидеза. Один мотор обломался и висел на какой-то трубе, как глаз, вырванный из орбиты. Одна нога с колесом тоже была подломана. К трупу самолета был пришвартован рыбачий баркас.

- Что случилось, Абель?!

Он рассказал, медленно, с паузами, как ребенок со сна: приехал, загрузил машину, посадил пассажиров, не дождался меня, завел моторы, они работали отлично; долго пробовать не стал, чтобы не разогревать и не тратить горючее, взлетел, взлетел хорошо, вышел на курс, стал отходить от берега, и тут вдруг сдохли сразу оба мотора. Сразу, в один и тот же момент. Ведь это никогда не случается, не так ли? Оба вместе и в одно и то же время. Самолет стал падать, он с колоссальным трудом немного спланировал, ослабил удар. Все очутились в воде, выбрались из кабины, машина каким-то чудом полудержалась на волнах. Люди уцелели потому, что падение самолета было видно с берега, рыбаки поспешили спасать. Еще две минуты - и самолет погиб бы в одиночестве.

- Что же случилось с моторами? Какая сволочь копалась в них?

- Я не знаю, - ответил Гидез. - Машину охраняли какие-то здешние люди, те же, что охраняют машину Янгваса. Надо расследовать. Надо вытащить машину на берег и обследовать моторы.

- Сахар, - сказал Янгвас.

- Какой сахар?

- Они насыпали в бензин сахару.

- А вы откуда знаете?

- Я не знаю, я понимаю. Они насыпали в бензин сахару, это подействовало не сразу, а через несколько минут работы моторов,

когда закупорилась подача. Это старый трюк.

Все посмотрели на него. Он больше ничего не сказал, только взмахнул рукой, чтобы выкатывали его машину на старт. Он поддел мизинец под ручку моего размокшего чемодана и на мизинце легко понес его. Странный человек!

- А у вас в моторах сахара не окажется?

- Не окажется. У меня механик ночевал в кабине.

Гидез и Кармен поедут пароходом "Гавана", на котором отправляют новую партию баскских детей. Гидез стоит, все еще растерянный и оробевший.

- Я добьюсь самого точного расследования. Я им докажу!

Ему кажется, что опорочена его пилотская квалификация. Он решил, что подвел и меня, того, кто рекомендовал его.

- Они могут справиться повсюду, где я работал. Никогда ничего даже отдаленно похожего не было со мной. Пойми - два мотора сразу, в один и тот же момент!

- Не волнуйся! Не о тебе идет речь. Дело ясное. Приезжай поскорее, достань другую машину и летай дальше.

- Теперь-то уж я буду летать! Я им покажу!

- Лучше бы и вам дождаться "Гаваны", - вдруг обратился ко мне провожающий Базилио. До сих пор он молча наблюдал всю сцену. - У того сахар, у того мед, - это, знаете, не смешно, это красиво получается только в книжечке "Мир приключений", издание Петра Сойкина, Санкт-Петербург, Стремянная улица.

Я и сам не прочь поплыть на "Гаване". Но когда она отойдет? А Янгвас уже сидит за штурвалом, винты шумят. Я занял свое место рядом.

Опять этот Бискайский залив, в четвертый раз, будь он проклят! Но сейчас все шло как по рельсам. Правый мотор почти не барахлил. Показался внизу большой военный крейсер. "Балеарес", - кивнул на него Янгвас. Сейчас он был в отличном настроении, не переставая насвистывал песенки. Мы обогнули крейсер вежливой подковой, на расстоянии его зениток.

Французский берег теперь был гостеприимен. Мы шли над спокойными рощами и виноградниками, над маленькими городами, над столетними деревьями вдоль прямых, четких, еще наполеоновских дорог. Море огней и цветные маяки Тулузы встретили нас. Тут же, в аэропорту, заказал себе на утро место на Барселону.

11 июня

Большой корабль общества "Эр Франс" легко и плавно отчалил от зеленой глади аэродрома. Четыре мощных мотора гудели глухо и спокойно; в просторной кабине, на широких креслах у огромных окон, сиделось тихо, дремотно. На столиках валялись пестрые проспекты и путеводители, это линия Тулуза Аликанте - Танжер - Рабат. Пилот равнодушно смотрел вперед, рядом с ним бортмеханик читал газету. Я вспомнил, что Мигель Мартинес перебирался в Барселону по сходному маршруту. И "мир приключений" между Байонной и Бильбао... Сейчас это был только заурядный, маленький перегон солидного воздушного экспресса.

Барселона дохнула тяжелым зноем. Все попрятались с улиц в тень. Заказал себе машину на Валенсию. В "Мажестике" я нашел Эренбурга{27}. Он изнемогал от духоты, он сказал мне, что вчера началось республиканское наступление на Уэску. Ударной группой в этой операции служит 45-я дивизия под командой Лукача - Залки. Известий с фронта еще нет.

Мы решили позавтракать вместе, он вышел куда-то по соседству и мгновенно вернулся. На нем не было лица.

- Звонят по телефону, - сказал он, - будто бы Лукач убит.

- Кто звонит?

- Из Лериды. Будто Лукач и Реглер убиты вместе, в автомобиле. То ли снарядом, то ли бомбой с самолета.

Мы смотрели друг на друга, не произнося ничего. Я выдавил из себя:

- Это, наверно, утка. Здесь ведь любят сочинять что кому взбредет.

Но мы не пошли завтракать. Машина на Валенсию тоже заждалась. По телефону с разных концов передавали разные слухи и варианты, но все мало обнадеживающие. С Лукачем и Реглером несомненно что-то случилось. По одному варианту Лукач погиб, а Реглер тяжело ранен. По другому - оба ранены. По третьему - погибли трое: Лукач, Реглер и Гейльбрунн, начальник санчасти у Лукача. Наступление на Уэску оборвалось.

Милый, милый Лукач, неужели это случилось?

Мы с ним виделись в последний раз на Гвадалахаре, в крохотной деревушке среди скал. Старинная церковь прилепилась на уступе скалы. "Юнкерсы" кружились и рокотали, они хотели расклевать штаб, бомбили скалы: он приказал вынести картины из церкви, чтобы они не погибли; вместе мы любовались наивной и страстной живописью неизвестного художника XV века святые напоминали одновременно тореадоров и влюбленных кабальеро. Я сказал: "А вот в Москве есть такой венгерский писатель Матэ Залка, ему бы попасть в эту глушь, в эти сказочные места, описать и сдать в Гослитиздат, вот бы там его обругали за уклон в экзотику!" Он смеялся заразительно, детски: "Факт, обругали бы, Михаиль Ефимович, как миленького!" Он завидовал, что я собираюсь в Москву, взгрустнул, просил обязательно повидать Веру Ивановну и Талочку{28}, передавал тысячи приветов, забеспокоился насчет кооперативного дома в Нащокинском переулке.

В машине я вынул из портфеля два письма без адреса на конвертах - их надо было передать лично в руки командиру 12-й бригады, ныне 45-й испанской дивизии. Одно письмо было заклеено, я положил его обратно. В другом, незакрытом, я прочел: "Товарищ председатель домоуправления!

Доношу, что у нас в доме No 3/5 все благополучно. Топить перестали по случаю весны. Ремонт фасада переднего закончен. Боковые фасады как были... Я, товарищ председатель, замещаю Вас как могу. И даже работаю с Наталией Николаевной - до Вашего приезда. Жильцы очень довольны, они говорят, что я, Матвей Михайлович, нисколько не хуже тебя работаю, и даже превосхожу тебя. Так что передо мной открываются широкие перспективы. А серьезно говоря, я по тебе соскучился и очень

горжусь, что у меня есть такой приятель. Михаил Ефимович передаст, как тебя любят. Одиннадцать человек у нас выехали в Лаврушинский переулок. Пеликс кланяется тебе. Целую и горжусь тобой, Матюша.

Твой Виктор".

Машина петляла горными спиралями, поднимаясь к Тортосе. Солнце безумствовало. Слева исчезла сверкающая голубизна Средиземного моря. На крутом повороте мы чуть не столкнулись со встречным автомобилем. Он остановился, вышел генерал Клебер. Мы сняли темные очки, пожали друг другу руки.

- Я еду принимать дивизию Лукача, - сказал он. - Приезжай ко мне.

15 июня

Лукача привезли. Его тело выставили в большом прохладном зале бывшей иезуитской семинарии, где теперь комитет Валенсийского крестьянского союза. Вакханалия пестрых южных цветов бушует кругом его бледного, потемневшего лица. На севере цветы умеют принимать скорбный, похоронный вид. Здесь они буйно и страстно кричат о жизни, опровергают смерть.

Под вечер его хоронили. Митинг провели на улице, в самом центре города, между вокзалом и ареной для боя быков. Запрудилось движение, трамвайные звонки и автомобильные гудки прерывали речи ораторов.

Новый глава правительства Хуан Негрин, новый начальник Генерального штаба полковник Рохо стояли у гроба.

Ораторы говорили о том, что доблестный антифашист генерал Лукач вошел в историю испанского народа как незабываемый герой. Почетная стража держала винтовки на караул. Несметная толпа слушала молча, обнажив головы.

16 июня

Бильбао, видимо, переживает последние часы. Связь Валенсии с басками все время прерывается. Радиостанцию перевели в Сантандер{29}. Еще идут жаркие бои с наседающими итальянцами, но в городе, очевидно, уже начались паника и предательство.

Фашисты атакуют пляж и дачный район Лас Арепас. Республиканцы еще кое-как держатся вдоль реки Нервион и на возвышенностях Деусто, Бегония, Эчебарри и Гальдакано. Мятежники бешено рвутся на эти пункты, они хотят прорваться одновременно севернее и южнее Бильбао, окружить город со всех сторон. Они еще нажимают на Лос Каминос, чтобы проникнуть в южные кварталы Бильбао.

Невыносимо отсюда, из Валенсии, следить за всем этим. Бессильно следить и наблюдать. В Мадриде тогда, в ноябре, в

последний момент случилось чудо. Некоторые надеются, ждут, верят, что чудо произойдет и в Бильбао. Они говорят: "Вы не знаете наших испанцев. Они как дети, как школьники. Не готовятся к экзаменам до самого последнего дня, а когда припрет, тогда вдруг встрепенутся и сделают все в одну ночь. Ведь в Мадриде все организовалось в последнюю ночь. Так будет и на севере".

Я не верю в это чудо. Я очень верю в чудеса, я очень верующий, но в Бильбао чуда не будет. Я только пять дней оттуда, я видел. Народ, солдаты, рабочие хотят драться за свою свободу, за независимость, против итальянцев, но некому их организовать. Нет костяка. Нет крепко сколоченного авангарда. Нет подлинного боевого единства. Нет 5-го полка. Коммунисты там не в силах организовать городскую народную массу для обороны города, как это произошло в Мадриде. Руководство коммунистов-басков не проявило ни чутья, ни понимания обстановки, ни подлинного желания бить врага. Хуан Астигаррабия самовлюбленный схематик, обозленный партийный бюрократ, возомнивший себя непогрешимым, с тех пор как попал в коалиционное правительство. Конечно, коммунисты могут и при известных условиях должны входить в правительство Народного фронта. Но над министрами-коммунистами, которые идут в смешанные правительства, должен сохраняться крепкий контроль партии. В Бильбао этого не было. Получилось по-социалдемократически, как у Блюма, - он и министр, он и глава партии, сам управляет, сам себя контролирует.

17 июня

Фашисты заняли Лас Аренас. Они уже форсируют реку Нервион. Окраины города заняты ими. Правительство эвакуировалось и оставило Хунту обороны в составе трех человек - Лейсаола, Асанья и Астигаррабия{30}. Но и эта тройка покинула город через несколько часов. Бильбао пал. Автономия басков отменена приказом генерала Франко. Чуда не случилось. Оно в этот раз не могло случиться.

Валенсия омрачена, но спокойна. По улицам маршируют вновь сформированные части. Публика наблюдает их с уважением и любопытством. Иногда, если в колонне шагает знакомый бухгалтер или тореадор, в толпе пересмеиваются.

Войска имеют приличный вид, хорошо, единообразно одеты и обуты, полностью вооружены, пулеметные взводы - при пулеметах, саперы - при своем шанцевом инструменте, санитары - при носилках и походных аптечках. Солдаты выглядят более солидно, офицеры немного слишком подчеркивают свою новую профессию, они ощущают взгляды публики и позируют. Рядом с

командиром части, в ногу с ним, идет комиссар. Почему-то его одели в особую форму, цвета какао, дали очень странную полуфуражку-полукепку. В таком виде комиссар выделяется среди всех как чужеродное тело. Авторы этой затеи думали, видимо, подчеркнуть особые права и функции комиссара. Но получилось не то. Получился отрыв политработника от массы бойцов и противопоставление комиссара командиру.

Настроение и в войсках, и в штабах, и в тылу сейчас неплохое, твердое. Даже потеря Бильбао не очень омрачила его. Здесь умеют быстро свыкаться с потерями и даже забывать их. Даже чересчур быстро. Бесстрастный Прието кому, как не баску, должна была быть особенно горька потеря Бискайи сказал в беседе: "У моего друга была жена, которую он очень сильно любил и которая была неизлечимо больна. Он делал все, чтобы спасти ее, но мог только умерить ее страдания. Когда она умерла, мой друг признался, что чувствует облегчение. К тому же он может больше заняться остальной семьей".

Прието всячески подчеркивает, что теперь он занят остальной семьей. Подготовляется новое наступление, очень энергичное, в районе Мадрида. В отличие от прошлого, об этом мало болтают. Кое-что просачивается, но направление готовящегося удара почти никому не известно. В этом отношении потеря Бильбао заставила прозреть даже слепых. Слишком много предателей!

Люди честные и храбрые начинают понимать, что предатели не собраны в каком-то отдельном, предательском секторе, а разбросаны и рассеяны среди этих же честных и храбрых людей. Сырость рождает ржавчину и плесень, но пятна от ржавчины и плесени располагаются по своему собственному рисунку, иногда дальше, иногда ближе, чем можно предсказать. Надо заранее искоренять сырость, не доводить до плесени. В Бильбао сырость надо было выводить заранее. Этого не сделали. В Валенсии только сейчас начинают приглядываться друг к другу, рассматривать людей, даже хорошо работающих, новыми, критическими глазами.

К этому не так просто и быстро можно привыкнуть. Надо иметь жизненный опыт. Ходил человек рядом, работал, радовался успехам, огорчался неудачами - и вдруг он предатель. Как же так?! Неужели же он все время, непрерывно, с утра до ночи, носил маску? Нет, не обязательно носить маску непрерывно. Даже самый завзятый предатель и изменник может временами забывать о своих под спудом запрятанных, потайных мыслях, он может увлекаться работой, быть толковым, энергичным, храбрым.

В девятнадцатом году, на Юго-Западном фронте, в августе, мы отступали вверх по Днепру от Деникина.

Я был работником газеты 12-й армии, а некто Сахаров заведовал экспедицией и бумажным складом. Это был чудо-снабженец. Он доставал бумагу из-под земли, со всего Киева. Он рассылал газету красноармейцам на самые передовые линии. Это была надежда и опора редакции... При посадке на пароходы в общей суматохе мы растеряли друг друга. Я сел на один пароход, а Сахаров - на другой, очевидно на тот, куда он погрузил бумагу. Двое суток по всем пристаням я бегал и справлялся, где Сахаров с бумагой. Надо было скорее возобновить печатание газеты. Могилевский, председатель Ревтрибунала армии, наблюдал мою суетню. Он наконец сказал холодно:

- Чего вы колбаситесь! Ваш Сахаров, наверно, остался в Киеве. Его там неплохо примут - с бумагой!

Мне приходило в голову все что угодно, кроме этого. Это Сахаров-то остался? Такой работник, такой человек! Но Могилевский оказался прав. Он был старше и умнее.

После ухода Ларго Кабальеро началась довольно энергичная чистка в армии. Людей начали снимать не только на основе прямо компрометирующих данных, но и тех, кто ходил с охранными грамотами: "бездарных, но безобидных", "честных, но беспомощных", "чуждых, но способных и полезных". Практика показала, что за одним минусом почти всегда прятался второй. "Бездарный, но безобидный" был вскоре после отставки изобличен в попытке перебежать к фашистам. "Чуждый, но способный и полезный", как оказалось, очень искусно и втихую деморализовал свою часть, приготовил командный состав к переходу на сторону врага при первом боевом соприкосновении. Пришлось после него сменить в части и арестовать целую группу офицеров.

Все это очищение и укрепление боеспособности армии происходит с большими трудностями. Надо преодолевать не только прямое сопротивление врагов, но и кучу просто предрассудков, семейно-патриархальные обычаи, навыки к добрым отношениям, высокопарное донкихотство, просто неповоротливость и благодушие.

Испанские коммунисты были и остаются застрельщиками в этих трудных делах. Их травил Ларго Кабальеро - обвинял в диктаторских замыслах, в стремлении командовать всем Народным фронтом, в поползновении захватить руководящие посты и всюду всем распоряжаться. Это было ложью. Коммунисты не требовали власти для себя. Это было бы просто бессмысленно, противоречило бы в корне идее всенародной, национальной борьбы, при участии всех антифашистских партий.

Но, строго держась рамок своего участия в правительстве, коммунисты сами, по своей инициативе, не дожидаясь

отстающего государственного аппарата, поднимают и проталкивают множество забытых неотложных вопросов. В печати, на собраниях, в переписке, в профсоюзной работе они организуют патриотов-антифашистов, они суют свой нос и в производство патронов, и в эвакуацию детей, и в руководство по саперному делу, и в покрой солдатских плащей, и в уборку риса. Иногда они зарываются, преувеличивают свою роль, свое влияние в массах, в профсоюзах. Жизнь больно бьет их по носу за ошибки и просчеты. Они отряхиваются и работают дальше. Это раздражало и бесило канцеляриста-диктатора Кабальеро: на этом вопросе, на вопросе о низовой, общественной и партийной инициативе, о праве широчайших народных масс самим организовываться для борьбы с врагом, он дал бой и проиграл его - вынужден был уйти.

Правительство Негрина охотно принимает помощь всех партий, и коммунистов в том числе, в организации фронта и тыла. "Стало легче дышать", - говорит Долорес. Она работает сейчас особенно много - днем, ночью, всегда. Завтра пленум Центрального Комитета, и она делает доклад по основному вопросу - о единой партии пролетариата. Все кругом проявляют заботу, хотят дать ей возможность отдохнуть, сосредоточиться, собраться с мыслями и все же тормошат ее, пристают с вопросами, с бумагами, знакомят все с новыми и новыми людьми. Иногда она сама не выдерживает, просит разрешения уйти с совещания, полежать, отдохнуть в пустой, прохладной комнате. Сегодня и мне пришлось потревожить ее в такой момент. Я постучался - ответа не было, тихо вошел - она не лежала, а сидела у подоконника, у раскрытого окна, и писала с очень довольным, почти детским выражением лица. Ей очень нравится писать, хотя она почему-то стесняется своих статей. А ведь она настоящая писательница, народная писательница. Она много знает, не только из области политики, но и из литературы, истории, особенно истории своей страны. Очень охотно вставляет в свои вещи исторические примеры... Ее дергают, тащат говорить на митинги, к микрофону, но гораздо охотнее она соглашается написать что-нибудь. Видно, ей по душе посидеть хоть немного вот так, одной, собраться с мыслями и тихо переложить их на бумагу.

- Долорес, помнишь, как мы познакомились? Тогда, в Бильбао.

Шесть лет назад на рабочей окраине Бильбао, в маленькой таверне на берегу реки Нервион, товарищи познакомили меня с высокой, худой, молчаливой женщиной. Как все испанки простого звания, она, несмотря на палящую жару, была одета во все

черное. Держалась замкнуто, немного стеснительно, слушала разговор очень жадно, но сама почти ничего не говорила, только разглядывала всех большими, ясными черными глазами и, как заметно было по этим глазам, наскоро передумывала для себя каждую фразу разговора.

О ней мне тогда сказали только одно:

- Первая испанская женщина-коммунистка.

Монархия уже была свергнута в Испании. У власти находились испанские керенские и Милюковы. Коммунистическая партия оставалась, как в королевские времена, нелегальной и преследуемой. Да и сама по себе она была слаба, работала неумело, еще плохо была связана с массой.

Для тридцать первого года женщина в простом черном платье была громадным приобретением в партии. В буржуазных, в парламентских, в светских кругах уже появились адвокатессы, профессорши, ораторши, даже депутатки. Работница по отсталости окружающей среды оставалась затворницей, ей не давали ходу; она сама робела и смущалась, редко показывалась на людях, а о выступлениях, о речах перед публикой не смела и думать.

Я тогда с трудом запомнил имя молчаливой испанки в черном платье. Мы встретились с Долорес позже - когда она в составе делегации своей партии со скамей VII конгресса Коминтерна слушала речи ораторов, внимательно, аккуратно делала свои записи в тетради и сама выступила с громкой, страстной, блестящей речью. И еще позже, в этот год, когда ее гордая голова, гневные и смеющиеся уста предстали миллионам и миллионам людей с трибуны, у микрофона, с кинематографического полотна, со страниц газет и журналов, с огромных плакатов на улицах Барселоны, Парижа, Лондона, Кантона, Мехико-Сити, как символ мужества и благородства, пролетарского патриотизма, страдающего и борющегося народа Испании.

- Помнишь Бильбао, Долорес?

- Бильбао! - Ее губы кривятся болью. - О да, я помню Бильбао. Не будем сейчас говорить об этом, Мигель. Я пишу доклад на завтра.

10 июня

Пленум опять собрался в здании консерватории. Основной вопрос - о единой партии пролетариата.

Об этом в последние недели особенно много говорят и спорят. В рабочем классе огромная тяга к единству. Окопы сроднили и сдружили коммунистов с социалистами. В рабочей, в боевой среде почти стерлись грани между обеими партиями. В

руководящих кругах тоже есть большое стремление объединиться, хотя здесь гораздо больше настороженности и недоверия. Коммунисты боятся оппортунизма и соглашательского склада ума некоторых социалистических вождей. Социалисты в свою очередь опасаются напористости коммунистов, их организационной активности, их, как они выражаются, диктаторских замашек. Их пугает тот факт, что рабочие-социалисты вступают в компартию, а из компартии никто сейчас не переходит в социалистическую. Они боятся поглощения. При этом есть крупнейшие социалисты, стоящие за объединение. Больше всего - Альварес дель Вайо и Рамон Ламонеда{31}.

Дель Вайо даже явился на пленум ЦК КПИ. Его встречают овациями. При всей своей мягкости и доброте он принципиальный и твердый человек в политических Вопросах. Он мужественно отошел от Ларго Кабальеро, хоть ему было трудно высвободиться из-под влияния "старика", перешагнуть через многолетнюю дружбу. Дель Вайо не вошел в новое правительство, он остался только генеральным комиссаром армии. Он рассказал мне, что Ларго Кабальеро издевается над ним: "Бедный Вайо, его ничем не вознаградили за то, что он меня оставил!.." Кабальеро вернулся в свой кабинет секретаря Всеобщего союза трудящихся. Оттуда он интригует против нового правительства, распускает панические слухи, сочиняет и рассылает кляузные меморандумы и докладные записки. С генералом Асенсио, который привлечен к суду за саботаж и измену, у него постоянный деловой контакт.

Долорес делает большой доклад.

Она начинает с разбора международной обстановки и положения на фронте. Создана регулярная армия. "Кто мог думать в начале войны, что мы будем иметь под ружьем более полумиллиона человек? И эта цифра постоянно растет".

Она говорит о росте партии:

- Мы можем с гордостью заявить, что в наших рядах сейчас уже есть 301 500 человек, находящихся на территории республиканского правительства, не считая 64 тысяч членов Объединенной социалистической партии в Каталонии и 22 тысяч в Бискайе.

Дальше о двух методах руководства пролетарской политикой - о методе Второго Интернационала, который раздробляет и распыляет пролетарские силы, и о методе Коминтерна, выдвинувшего идею Народного фронта и политического и профсоюзного объединения пролетариата.

Дальше о борьбе Компартии Испании за единство. О врагах единства. О троцкистах, о троцкистском мятеже в Каталонии, который имел своей целью взорвать пролетарское единство{32}.

О друзьях единства: "Есть социалисты, которые, честно работая в левом движении, сумели высоко поднять знамя единства, покинутое другими! Среди этих поборников единства видное место занимает Альварес дель Вайо. Он неутомимо борется за союз социалистической партии с коммунистической. Он ставит выше всего интересы пролетариата и революции, вполне справедливо заявляя, что единство - это высший закон переживаемого момента".

Долорес подробно излагает условия, на которых коммунисты согласны создать единую партию и влиться в нее.

Демократический централизм. Пролетарская демократия и дисциплина. Самокритика. Идеологическое единство на основе учения марксизма-ленинизма.

- Солидарность страны социализма наполнила бодростью нашу страну. Всего лишь несколько дней тому назад председатель кортесов сеньор Мартинес Баррио заявил решительно и определенно, что без солидарности Советского Союза Испания перестала бы существовать как республика и как национальное целое. Разве это не достаточный мотив, чтобы единая партия пролетариата основывалась на подлинном пролетарском интернационализме?

Доклад Долорес, живой, убедительный, доказательный, всех очень приподнял и настроил. На пленуме создалось радостное, праздничное настроение - как будто единая партия уже создана и существует. Но трудностей еще очень много. Не только фракция Ларго Кабальеро враждебна по отношению к коммунистам. Среди социалистических лидеров, даже очень дружественно держащих себя с коммунистами, есть предвзятое и опасливое отношение к идее единой партии. Они пока не высказываются, но, когда вопрос будет поставлен на практические рельсы, они покажут свои когти.

20 июня

Хосе Диас не присутствует на пленуме. Ему опять стало хуже{33}, он временно не участвует в оперативной работе.

Я был у него сегодня. Он не хочет жить за городом, где меньше шума и легче дышать; он остался здесь, в нескольких кварталах от Центрального Комитета. Я поднялся в верхний этаж, позвонил. В прихожей дежурила охрана два комсомольца с винтовками, они играли в шахматы.

Прошел несколько пустых комнат чьей-то, видимо оставленной владельцами, безвкусно убранной квартиры, с портретами дедушек и бабушек. В последней комнате, на огромной кровати, прикрытый легким одеялом, лежал Хосе. Он был один.

- Ты все-таки вернулся сюда! Не соврал, значит.

- Видишь, вернулся.

- Отдохнул?

- Не очень.

- И Первого мая ты был в Москве?

- Был.

- Хороший парад?

- Очень хороший.

Мы смотрели друг на друга и улыбались. Иногда хочется только улыбаться, ничего больше. Смотреть и улыбаться. Очень радостно было видеть опять, пусть на подушках, это хорошее лицо, простое лицо испанца и рабочего, молодое, исчерченное морщинками, очень трудовое и очень мыслящее лицо. Сейчас, побеждая болезнь, это лицо светилось улыбкой. Он улыбался потому, что я приехал из Москвы.

- У меня есть срочное поручение.

- Говори.

- Боюсь, что повредю тебе что-нибудь внутри. Мне сказано - обнять и поцеловать тебя, как только смогу крепко.

- Действуй на всю мощность. - Он присел на постели и сбросил одеяло. Ты видел там всех? Всех друзей наших?{34}

- Всех.

- И его видел?

- Кого?

- Ясно, кого.

- Да.

- Ты его видел? Говорил? Долго?

- Почти полтора часа.

- Почти полтора часа! Богато! И сколько из них об Испании?

- Все об Испании. Почти час он расспрашивал.

- О чем?

- Обо всем. О народе Испании, о его руководителях, об армии, о партии. В Москве восхищены вашим народом, его стойкостью, упорством, выдержкой, волей к продолжению борьбы с интервентами. Спрашивали меня и о тебе. Мне сказали, что для тебя главный фронт сейчас - это твое здоровье.

- Есть еще и другие фронты...

- Нет, главный - этот. Только победив на этом фронте, ты сможешь драться на других.

Теперь Диас не смотрел больше на меня. По-прежнему улыбаясь, он глядел далеко в пространство, и было понятно, куда он глядит.

- А остальные полчаса он говорил сам? Ты все слышал?

- Я не глухой. Особенно, когда говорит Сталин.

- А ругал нас? Критиковал?

- Критиковал, но не ругал. Восхищался. Он сказал, что при всех жертвах, при всех неудачах это изумительная и, по существу, победоносная борьба. Если бы раньше, год назад, спросить у любого человека, что произойдет, если два крупных европейских фашистских государства внезапно нападут на Испанию, обрушат на нее всю мощь военной техники, всякий ответил бы, что Испания будет полностью покорена в несколько недель. И вот фашистские государства обрушились, собственная кадровая армия Испании оказалась на стороне завоевателей, и, несмотря на это, испанский народ, безоружный, при враждебном нейтралитете всех капиталистических государств, блокированный со всех сторон, обороняется вот уже почти год и не складывает оружия, а наносит полчищу своих врагов сильные, чувствительные удары. Даже потеряв половину своей территории, он сражается еще и еще, он изматывает своих палачей, он кидается все в новые и новые схватки, - как же не преклоняться перед такой борьбой, таким мужеством?!

Теперь Хосе Диас лежал неподвижно, откинувшись навзничь; голова запрокинута на подушки, черты лица заострены, только брови его шевелились, расходясь и сходясь. Он сказал, медленно, почти по слогам, вдыхая в каждый звук огромное волнение и суровую страсть:

- Это именно так... Не мы последние... Пелена спадает с глаз у многих... Фашизм встретит отпор... Немного позже или немного раньше... Его разобьют... Но мы... наш народ... мы начали первые... Мы первые ответили ударом на удар... Первые пошли в контратаку... Одни... Только одна страна... один народ... одна партия... только они протянули нам руку... И когда все будет уже хорошо... пусть вспомнят испанцев... Как они дрались... И тех, кто предал их... И тех, кто им помог...

Он опять замолчал, в комнате долго было тихо.

Затем, подобно тому как три дня назад с Долорес мы вспомнили Бильбао, он вспомнил Севилью тридцать первого года.

Красивая Севилья, увенчанная женственной башней Хиральды, веселая, в мантилье, с цветком в зубах, любимица туристов. В Севилье я видел Хосе Диаса в первый раз.

- А Адату помнишь?

- Помню, конечно. Ведь ее еще называли Америкой.

- Не Америкой, а Соединенными Штатами! Ты все позабыл.

Я ничего не позабыл. Я помню Адату, кошмарный лагерь бездомных бедняков на окраине Севильи. Я помню даже мертвую собаку с развороченным брюхом посредине главного проспекта Адаты. Самый проспект был только ухабистой, пыльной

расщелиной в восемь шагов шириной, между двумя рядами чего-то, что должно было, по-видимому, именоваться жилищами. На "проспекте" чернели рытвины и ямы глубиной в полроста человека. Асфальтовая гладь чудесных севильских улиц казалась здесь, на расстоянии одного километра, несбыточным сном.

Уродливые собачьи будки из железных и жестяных отбросов. Дырявая мешковина, натянутая на четырех столбах. Первобытные очаги из нескольких камней. Спальные ложа - охапки прокисшего сена. Удушливая вонь разложения. Кто здесь обитал и, наверно, обитает по сей день - люди, скот? Десять тысяч граждан Испанского государства. Одна из гражданок подошла ко мне, когда я искал назначенное место встречи. С первого взгляда это была развалившаяся старуха, сгорбленная, медленная, жуткая, как чума, в своем черном рубище. Но она была не стара, она оказалась молодой девушкой. У нее чудом сохранились два ряда прекрасных белых зубов, это только струпья обезобразили ее лицо, разъели глаза и щеки. Струпья от "дурной крови", от хронической болезни нарушенного питания организма, от многих лет беспрерывного поста, умеряемого несколькими оливками, несколькими глотками воды в день. Это была севильянка. Богатые американцы переплывали океан, чтобы посмотреть прославленных севильянок, - известно ли было им, что в Севилье есть свои Соединенные Штаты и там такие изумительные женщины?! Люди со впалыми грудями готовили себе обед. Они поджигали несколько щепочек между двух кирпичей и ворочали над огнем подобранную в городе пустую консервную коробку с остатками масла на дне. В коробку клали несколько горошин, картофелину - вот и целое блюдо. Сгорбленные фигуры тяжелыми паралитическими шагами проходили изредка между лачугами и палатками. Каждый шаг причинял им боль и раздражение. Испанцы ли это были? Андалусийцы ли веселый народ статных, красивых, бурно танцующих людей?

Кто обитал в страшном поселке Адата? Подонки и отребья человечества? Деклассированные бродяги?

Нет, рабочие, пролетарии, труженики. Раньше они приходили по гудку на заводы. Но даже и те, что сохранили работу, из-за нищенской платы могли жить только здесь, в дырявых палатках, сделанных собственными руками. Эту голодраную севильскую обитель, особое государство нищих, севильцы прозвали Соединенными Штатами. Здесь в лачужке прятался после полицейского разгрома и заседал севильский комитет коммунистической партии. Здесь работал Хосе Диас.

- А Люсену помнишь? Синко Касас помнишь, Хосе?

Он улыбнулся.

- Помню. Тогда только начиналась по-настоящему работа в деревне. Было время...

Мы ехали в одном поезде от самой Севильи. В одном поезде, в разных вагонах. Подъезжая к станции Люсена, я стал следить из окна, чтобы не пропустить. Все вышло правильно. Молодой человек соскочил с поезда на станции Люсена. И я за ним.

Смуглый молодой человек, или просто парень, или даже паренек. Есть такие вневозрастные облики у людей. Не знаешь, играл ли он еще два года назад в камушки с младшими ребятишками, или у него самого уже есть трое ребят.

Молодой человек соскочил с поезда, он подошел к возбужденной, взволнованной толпе на платформе.

Толпа на станции Люсена кого-то ждала. Для кого-то был приготовлен букет жарких гвоздик, крепко перевязанный рыжей пшеничной соломой.

Молодой человек прошел в толпу, и сейчас же пустой край платформы стал быстро увеличиваться. Толпа двинулась от станции. Она поджидала вот именно этого смуглого парня. Это ему был букет.

Странное шествие двинулось от станции Люсена, мимо города, прямо в поле. Странное для чужого и даже для испанского глаза. Странное тогда - и теперь тоже.

Впереди шагали десять человек крестьян, в будничных своих затрапезных коротких штанах, в толстых белых нитяных чулках, в пестрых платках на головах. Они шли с большими палками и как бы расчищали дорогу, хотя впереди никого не было, никто не преграждал путь.

Дальше шел смуглый молодой человек из Севильи, окруженный радостной и дружелюбно-почтительной свитой.

Он шел с цветами в руках и улыбался, а рядом с ним здоровенный верзила благоговейно нес в высоко поднятых руках обыкновенный серп и обыкновеннейший кузнечный молоток с обгорелой ручкой.

Это вместо знамени. Но это было гораздо страшнее, чем знамя.

Обыкновенные предметы, вырванные из обычной своей обстановки, превращенные в эмблему, ощущались как грозные символы.

У крестьян еще не было знамени с серпом и молотом. Они подняли серп и молот как знамя.

За первыми шеренгами шла довольно беспорядочная, но плотная и как-то организованная толпа. Испанские крестьяне и батраки не приучены были к строю. Страна уже сто лет не участвовала в больших войнах. Прошедшие свой срок солдаты

мгновенно забывали вялую армейскую муштру.

В этот раз люди старались дружно маршировать в ногу. Это их занимало, и не как развлечение только, а как некая хотя и маленькая, но серьезная задача. Они хотели показать приезжему пропагандисту, что умеют шагать в ногу.

Трое жандармов, трое солдат "гвардии сивиль" торопливо поспевали за толпой. Лимонные ремни снаряжения сдвинулись набок, лакированные треуголки съехали на затылок, карабины болтались в разные стороны.

Они совещались на ходу. Было о чем совещаться. В Люсену почти открыто приехал агитатор-коммунист из Севильи. Его почти открыто встречали с цветами на станции, его ведут выступать на сельском митинге.

Шествие свернуло с большой шоссейной дороги на проселочную. Оно змеисто закачалось по пригоркам, между оливковых рощ. Полуголые батраки мотыгами разрыхляли рыжую, сухую, в трещинах, землю под оливами. Многие из них, всмотревшись в колонну, слушая оклики и призывы, швыряли мотыги и примыкали к толпе.

Процессия шла долго, она забралась куда-то вглубь. На повороте дороги старший жандарм отправил одного из своей тройки в город. Колонна это заметила и ускорила шаг.

На широком куске голой красной земли начался митинг. Трибуной служили два составленных вместе камня. Батрак из первой шеренги остановился, он поднял высоко вверх серп и молот - вокруг него люди уплотнились кольцом.

Первым говорил старик. Я помню, старик говорил первым. Бледный, высокий старик в бедном крестьянском платье.

Он сказал, что крестьяне устали терпеть. Они отдают последние силы этой проклятой, чужой земле. Не получают взамен даже надежды не умереть с голоду. Помещик выписал себе трактор - и выгнал тридцать человек с семьями, даже не оглянулся в их сторону. Крестьяне нищенствуют, да еще каждый день прибывают безработные из города, ходят по поместьям и сбивают цену на поденщину. Бедняки тонут и при этом виснут друг на друге. А ведь надо другое. Надо сплотиться и вытаскивать друг друга. В Люсене несколько ребят записалось в коммунисты. Они выписали из Севильи вот этого молодого сеньора. Пускай гость говорит. Пусть он расскажет, как надо бороться, чтобы получился толк, как борются коммунисты в России, ведь там вышел толк.

Старик отошел в сторону, толпа повернулась к севильскому парню и дружески приветствовала его. Парень был серьезен, он уже не улыбался. Лицо его, хорошее лицо, простое лицо испанца

и рабочего, молодое, очень трудовое и очень мыслящее лицо, было напряжено. Он хотел говорить.

- Товарищи!

На этот призыв вдруг откликнулся капрал из "гвардии сивиль". Он приблизился к оратору и взял его за рукав. Пропагандист выдернул руку, отвернулся и хотел продолжать. Жандарм не уступал:

- Во исполнение закона о защите Республики ты говорить не будешь.

В толпе люди вскипели от ярости:

- Кристобаль, старый королевский пес, давно ли ты стал опорой Республики?! Ведь даже в день выборов ты записывал всех, кто, по-твоему, не голосовал за Бурбонов! А сегодня ты опять душишь нас, уже как республиканец!

Капрал знаками зовет своего спутника. Второй жандарм протолкнулся через толпу, встал сбоку. Севильский парень уже имеет вид арестованного. Зажатый между двумя треуголками и двумя винтовками, он поднимает руку, требует тишины. Мгновенно воцарилось безмолвие.

- Товарищи! Я плюю на этих цепных собак. Я их не боюсь. Пусть я буду сегодня ночевать в тюрьме. Но помогите мне сказать, что я хочу. Дайте мне сказать все от начала до конца, а потом пусть мне рубят голову, пусть держат за решеткой и...

Дальше он не был слышен из-за дикого общего вопля. Толпа, минуту назад стоявшая в почти сонной неподвижности, прорвалась быстрой лавой, разъединила агитатора с "гвардией сивиль", оттеснила жандармов в сторону, на кочку, к запыленным кактусам.

Жандармы так и остались стоять, озадаченные, угрожающие. О них забыли. Жадно, с расширенными зрачками батраки слушали севильского коммуниста. Он говорил, - и то, что говорил он, батраки пили, глотали, удрученно шевеля плечами каждый раз, когда им казалось, что оратор устал, что он собирается кончить.

Севильский коммунист говорил вещи простые до головокружения.

Он говорил, что надо забрать у помещиков землю, вот эту самую землю, забрать, разделить между собой. И не через сто лет, а сейчас.

- Вы скажете: где ж и когда видано, чтобы крестьяне и батраки захватили землю помещиков, прогнали их и сами стали хозяевами? Но ведь вы сами знаете - вот уже тринадцать лет, как крестьяне и рабочие в России прогнали и пожгли своих сеньоров, они выбросили их за границу и сами строят свою жизнь. Там

тракторы не лишают бедняков куска хлеба, там сами крестьяне просят тракторов для облегчения своей работы, и государство помогает машинами всем крестьянским товариществам - колхозам. И крестьянская молодежь, парни и девушки, отправляются учиться в университеты, не хуже нисколько, чем здешние сеньоры. Тринадцать лет непоколебимо стоит Советская Россия, тринадцать лет, - а мы здесь добились пока того, что "гвардия сивиль" разгоняет нас не от имени короля, а от имени Республики.

В Синко Касас крестьяне взяли за воротник свое начальство. К алькальду пришли в полночь, толстого бездельника сняли с жены и сказали ему: "Бери свой алькальдов жезл и надевай свою почетную цепь". Он стал желтый, как маисовая мука, он не смел спросить, в чем дело. Он взял свой алькальдов жезл и надел на шею серебряную цепь, а штанов ему не дали надеть, и так он вышел на улицу, этот почтенный глава деревни Синко Касас. А потом люди вбежали еще и к начальнику "гвардии сивиль" и тоже сказали ему: "Надевай мундир, надевай ордена!" И он тоже испугался, как мышь, и не посмел ругаться, он надел мундир и ордена, но побоялся полезть в шкаф за оружием, потому что этим же оружием его прикончили бы на месте. Он вышел с людьми на улицу, а там уже стояло все село с алькальдом без штанов. И обоих жирных тарантулов повели по главной улице, мимо церкви и кабака, за городские ворота. Их вывели за ворота, а там сказали: "Уходите, сеньоры, пока живы. Нам вы не нужны".

Севильский коммунист разбирает этот случай:

- Хорошо ли поступили в Синко Касас? Хорошо, да не совсем. Алькальд и жандарм ушли, это верно. Но ведь они вернулись поутру с военным отрядом, и, когда они вернулись, это было уже не село, а перепуганный курятник. Жандармы голыми руками взяли всех вожаков и еще впридачу кучу непричастного народа. Село не могло бороться. Хватило сил и уменья только на первую пору. Я не говорю, что не надо было выгонять этих подлых паразитов. Но при этом надо было организоваться, выбрать батрацкий, крестьянский комитеты. Захватить и разделить землю. Надо было достать оружие и с оружием в руках защищать эту землю. С оружием! Мы, коммунисты, предлагаем вам драться не кулаками, а навахами и винтовками; будет время - достанем пулеметы и пушки - будем драться пулеметами и пушками!

Оратора прервали аплодисментами, криками и киданьем в воздух соломенных шляп.

Старик, тот, что открывал собрание, опять вышел на середину, взобрался на камни трибуны, он опять заговорил, медленно, подолгу останавливаясь почти после каждого слова.

- Братья! Я не все вам сказал, когда говорил в первый раз. Я сказал, что у нас на селе есть несколько человек коммунистов. А ведь я - я один из них. Уже довольно давно. Раньше молчал, а теперь, - старик повышает голос, - теперь говорю громко, что я коммунист, пусть слышат все, и этот жирный москит Кристобаль. Пусть слышит и делает со мной что хочет. Но, братья, не стыдно ли, что у нас в деревне только полдюжины коммунистов? Когда я был малышом, я слышал от старших, как дрались когда-то наши земляки против сеньоров и их лакеев. Разве же теперь, когда страдания наши умножились, разве теперь мы не пойдем в партию, которая знает, как надо брать за глотку наших палачей?

Старик поднял вверх чистый лист бумаги. Он пустым, белым листом колыхал горячий остановившийся воздух. Он махал листом и призывал.

По толпе пошли странные волны. Что-то в ней колобродило, что-то тяготило присутствующих и что-то сопротивлялось. Толпу распирало. Ее корчило. Корчи эти были родильные.

На красном куске голой земли толпа темных, безграмотных испанских батраков рожала. Толпа сознавала себя борющимся классом и рожала партию, рожала коммунистов. Хосе Диас, молодой коммунист из Севильи, был восприемником при родах. Жандарм Кристобаль вынул записную книжку. Один за другим, непрерывной чередой, к гранитному валуну подходили люди и, оглянувшись на застывшее лицо жандарма, склонялись над листом.

Старик, призывавший записываться, знал всех в деревне в лицо. Но сейчас он был торжественно, чисто по-испански формален. Он был почти обряден. Он громко спрашивал об имени, и каждый подошедший громко называл себя.

Каждый, уже подписавший лист или еще не подошедший к нему, лихорадочно переживал поведение окружающих. Все щупали друг друга глазами. Трусы под этими взглядами старались потихоньку отодвинуться в сторону. Другие с поднятыми головами, преувеличенно расталкивая толпу, протискивались к трибуне. Долго длилось сладостное испытание записи в партию на глазах у полиции. Росли два одинаковых списка - один на листе у старика, другой в книжке у жандарма.

Наконец старик встал с листом. Он сказал вслух:

- Сто четыре.

Жандарм захлопнул книжку. Собрание было недовольно.

- Мало!

- Нет, братья, это не мало. Это почти восьмая часть всех, кто есть здесь. Из этой сотни мы еще отсеем. Мы проверим каждого, обсудим каждого, можем ли мы его принять в коммунисты. Если

даже полсотни в нашей деревне храбро начнут борьбу против помещиков, ростовщиков и жандармов, - эти полсотни потянут за собой и тысячу, и десять тысяч. Только смотрите - не показывать спину врагу, не предавать товарищей! Ведь вы присягали, - он усмехается, - вы присягали совсем официально, в присутствии жандарма!

Шествие двинулось назад, оно уже приобрело новый облик. Сотня батраков-коммунистов в ногу шагала за долговязым знаменосцем, за смуглым парнем из Севильи. И толпа шла вслед по-иному. Это была уже не толпа, это был отряд. Крестьянский отряд, готовый драться и побеждать. Люди смотрели на оливковые рощи другими глазами; не глазами жертв, а важными глазами будущих хозяев.

Много ли уцелело из тогдашней люсенской ячейки? Трудно сказать. Сейчас в Южной Андалусии владычествует генерал Кейпо де Льяно. Но сотни и тысячи коммунистов ушли с юга в Хаэн, в Эстремадуру, под Мадрид сражаться с фашизмом. И еще больше осталось оборонять родную землю. Ловкими, гибкими партизанскими отрядами бродят они вокруг Севильи и тревожат и атакуют регулярные фашистские войска, и напоминают крестьянству о его надежде на победу, о его правах на эту горячую, красно-коричневую андалусийскую землю, на оливковые рощи, на помещичьи дома.

Молодой пропагандист-рабочий из Севильи стал руководителем всех испанских большевиков. Как жаль, что он сейчас прикован к постели! Но он поправится, конечно. Его надо поскорее оперировать... Он берет с ночного столика стакан и медленно, маленькими глотками пьет воду. А тогда, в Люсене, ему так и не дали напиться...

Его довели, под надежной защитой, до станции. Торжественно и радостно проводили. Жандармы не смели даже приблизиться. На обратном пути я следил из другого вагона. Через две станции он вышел на платформу напиться. Он не пил весь день. Ведь и полевая трибуна в Люсене не была оборудована графинами и стаканами. Мальчишка взял десять сентимосов и подал поррон, глиняную посудину с одним коротким и одним длинным носом. Привычным жестом испанского простого народа агитатор поднял кувшин выше головы и на весу наклонил его, чтобы холодная струйка воды упала в раскрытый рот. В этот миг его взял за плечо жандарм "гвардии сивиль".

Этот жандарм был чистенько выбрит и в лиловых очках от солнца. Он только что вышел с листком в руках из станционной двери, из-под вывески "Телефонос". С другого конца перрона спешили еще двое, придерживая карабины.

Пока парень предъявлял свои документы, мальчишка с кувшином убежал. Так и не пришлось напиться. На ходу, между двумя конвойными, агитатор взял из кармана щепотку длинных Канарских корешков и стал делать самокрутку.

23 июня

Есть надежда на спасение Реглера. Из спины у него все вынимают и вынимают осколки. Некоторые придется так пока и оставить в теле. У Реглера отличное настроение. Он надеется выздороветь настолько, чтобы выступить на конгрессе.

Залка очень дожидался конгресса. Его волновала мысль, сможет ли он встретиться с делегатами. Ему очень хотелось.

- Конечно, вы сможете увидеться! Что за вопрос! Вы можете даже пригласить к себе, на фронт, устроить обед. Вам, может быть, придется и выступить. Так сказать, как испанскому генералу, любящему литературу.

- Боюсь, неудобно будет, Михаиль Ефимович. Вы меня лучше посадите где-нибудь в публике, потихоньку, сзади. Ну просто на галерке. Мне бы только на них посмотреть. Это ведь очень знакомые для меня личности.

Он не дожил только трех недель.

Конгресс писателей все-таки состоится, хотя и с небольшим опозданием. Добиться этого было очень трудно. Правительства многих "невмешивающихся" стран препятствуют проезду делегатов, отказывают в паспортах, волокитят, запугивают, отговаривают, увещевают. Но и в среде самих писателей нашлись такие, которые, именуя себя и левыми и антифашистами, всячески высказываются против конгресса и участия в нем.

Они доказывают, что в Испании, в военной обстановке, трудно будет всерьез обсуждать писательские дела и литературные проблемы. (Разве трудно? Вовсе не так трудно! Во всяком случае, это возможно.) Что конгресс выльется в одну сплошную демонстрацию сочувствия Испании. (А почему бы и нет?) Что затея слишком претенциозна и шумлива. (Не более чем всякий другой конгресс или конференция.) Что никто никогда не давал права таскать писателей под огонь и подвергать их жизнь опасности, а их семьи волнениям. (Вот это, пожалуй, довод; но никто никого не тащит, кто едет - едет добровольно, да и вообще все будет сделано для того, чтобы избавить делегатов от даже самой отдаленной опасности и риска. Приезжали же сюда всякого рода парламентские и дамские делегации, вплоть до английских герцогинь, и ничего с ними не случилось!) Что этот конгресс раздразнит фашистов и дело кончится тем, что Франко соберет у себя другой конгресс, с другими писателями, может быть, даже почище этого. (Тут уж можно только развести руками.)

Нет ни одного дела, при котором не нашлось бы нытиков и отговаривателей. Если бы Архимед нашел свою недостающую точку опоры, для того чтобы перевернуть мир, это было бы еще не все. Вторая важная трудность была бы в нытиках и отговаривателях. Они ходили бы вокруг Архимеда, дергали бы за хитон, за трусики: "Брось ты это дело! Не связывайся! Надорвешься! На кой тебе? И какой смысл! Ведь мы же не враги тебе, а советуем от души оставь, плюнь ты на это дело!"

Арагон пишет из Парижа, что троцкиствующие писатели ходят по домам своих коллег и отговаривают их от поездки на конгресс в Испанию.

25 июня

Республиканская полиция долго колебалась и раскачивалась, долго торговалась с министром юстиции Ирухо, наконец не вытерпела и начала ликвидировать самые крупные гнезда ПОУМа, арестовывать троцкистских вожаков. Отряды республиканской гвардии заняли в Барселоне несколько домов и отелей, где квартировали поумовцы. Дома реквизированы. В особняке, где помещался центральный комитет ПОУМа, реквизировано много ценностей и звонкой монеты на восемь миллионов песет. (В Барселоне весь последний месяц население страдало от отсутствия разменной монеты.) На реквизированных зданиях вывешены республиканские флаги. Публика собирается перед этими флагами и аплодирует.

В Валенсии очистка зданий от поумовцев идет гораздо более медленно и вяло. Здесь этому мешают какие-то невидимые, но довольно властные руки. Троцкисты сразу пронюхали об этом, те из них, кто еще был на свободе, спешно перебрались из Барселоны в Валенсию.

На арестах троцкистов особенно настаивала мадридская полиция. В ней работают социалисты, республиканцы и беспартийные, которые до сих пор считали борьбу с троцкистами частным коммунистическим делом - и вдруг натолкнулись на такие дела поумовцев, от которых пришли в совершенное расстройство чувств.

В Мадриде была обнаружена новая разведывательная фашистская организация, следы которой вели также в Барселону. Арестованные шпионы имели свою радиостанцию, которая тайно передавала Франко сведения о расположении и перегруппировках республиканских войск.

В Мадриде арестовано более двухсот членов организации. Среди них есть офицеры штаба фронта, офицеры артиллерии, бронетанковых частей и интендантской службы. Организация имела своих агентов в информационном отделе военного и

морского министерства.

В шпионской организации, совместно с представителями старой реакционной аристократии и "Испанской фаланги", участвовали руководители ПОУМа. Речь шла кроме шпионской работы также о подготовке в определенный момент вооруженного фашистского восстания на улицах Мадрида.

Шпионов удалось захватить внезапно. При них были найдены изобличающие документы. Это вынудило арестованных признаться. При одном из шпионов найден план Мадрида, и на обороте его полиция обнаружила документ, написанный симпатическими чернилами. Чернила проявили, текст оказался такой: "Генералиссимусу лично. Сообщаю: сейчас мы в состоянии сообщать вам все, что знаем о передвижениях красных частей. Последние сведения, посланные нашим передатчиком, доказывают серьезное улучшение нашей информационной службы".

Дальше шла зашифрованная часть документа. Ее никак не удавалось расшифровать. Полиция бродила в потемках. Следователь догадался запросить Генеральный штаб. Там нашлись перехваченные шифры Франко. Один из них в точности подошел к письму. Продолжение письма гласило: "Группировка и собирание сил для движения в тылу идет с некоторой медленностью. Мы сейчас имеем около 400 человек, готовых действовать. Они, будучи хорошо вооружены, могут при благоприятных условиях служить ударной силой для движения. Ваш приказ о просачивании наших людей в ряды экстремистов и ПОУМа исполняется с успехом. Нам не хватает руководителя пропаганды, который начал бы эту работу независимо от нас, чтобы действовать в большей безопасности. Выполняя ваш приказ, я был в Барселоне, чтобы увидеться с Н. - руководящим членом ПОУМа. Я ему сообщил все ваши указания. Отсутствие связи между вами и им объясняется авариями его радиопередатчика, который сейчас начал заново действовать, когда я был там. Вы, наверно, получили его ответ по основному вопросу. Н. самым настоятельным образом просит вас и иностранных друзей, чтобы я был единственным лицом для связи с ним. Он обещал мне послать в Мадрид новых людей, чтобы активизировать работу ПОУМа. Благодаря этим мерам ПОУМ станет в Мадриде, так же как и в Барселоне, реальной опорой нашего движения. Сведения, посланные через Б., потеряли свою актуальность. В ближайшее время мы сообщим вам новые данные. Организация групп содействия ускоряется. Вопрос об операциях, подготовляемых на юге, остается невыясненным".

27 июня

На фронтах повсюду полное затишье, только небольшая возня на Хараме. Республиканцы подготовляют большой удар под Мадридом. Здесь сосредоточиваются лучшие ударные части, дивизии Листера, Кампесино, Вальтера{35}, много артиллерии и авиации. Но подготовка идет пока еще очень медленно. Наступление начнется не раньше первых чисел июля, если противник не упредит.

Ночью невозможно уснуть в Валенсии. От духоты спирает в горле. В открытое окно рвется петушиная вакханалия. Валенсийцы все, в каждом доме, завели себе петухов и кур, держат их на балконах, надстроили балконы деревянными решетками, во всех дворах вдоль стен высятся пяти-восьмиэтажпые курятники. Я езжу ночевать в Перельо, рыбачью деревню. Дорога идет оросительными каналами, рисовыми полями; теплые испарения пахнут гнилостно, малярийно, огромные, неправдоподобные цветы, люди в высоких конических соломенных шляпах, высокие полукруглые мостики вызывают в воображении Китай, может быть Бразилию...

Перельо стоит у самого моря, осыпан теплыми брызгами прибоя, улочки белых и цветных домов, очень много из них заколочено, в остальных живут старики, женщины, дети.

Здешний кулак владеет двухэтажным домом на перекрестке. Это обычный комбинат сельского богатея, какой встречается по всему свету. В нижнем этаже - жилье хозяина, две небольшие комнаты; таверна - стойка, бочки с вином, очаг, темные от копоти и жира столы; магазин - за прилавком торгуют жена хозяина и дочка, на полках - парусиновые туфли, ламповые стекла, ликеры, соломенные шляпы, мадридская парфюмерия, папиросная бумага, портреты кинозвезд. Более ходовых продовольственных товаров уже нет, только оливковое масло, и то в очередь, по литру. В верхнем этаже - номера для приезжающих, шесть комнаток с сетками от москитов. Во дворе склад маиса и сарай с надписью: "Гараж для сеньоров гостей отеля".

Хозяин непрерывно бродит по дому, из этажа в этаж, неимоверной толщины человек с тремя затылками и тремя подбородками, в крестьянской одежде из черного сатина, похожей на нашу толстовку. По животу экватором проходит широкий пояс из засаленной черной материи. За этим поясом хозяин носит спички, свечи, мыло, расчетные книги, ключи; он мог бы заложить сюда целого барашка. Вчера ночью, когда мы с Сориа приехали сюда, затерялся ключ от моей комнаты. Хозяин долго возился с замком, сопел, у него одышка. Потом вдруг повернулся и чуть-чуть толкнул дверь огромным задом. Дверь упала с петель. Сориа страшно хохотал, хохотали мы все, разбудили весь дом,

больше всех хохотал сам хозяин, он был польщен. С тех пор, встречая Сориа или меня, он уже издали хохочет, напоминая о ночном случае.

Все-таки в номерах у кулака очень душно. Дорадо устроил мне ночевку напротив, через улицу, у местного шофера Рамона.

Рамон сейчас не работает. Высокий, неуклюжий парень со сросшимися бровями, один глаз косой. Он недавно женился. Его отец, рыбак, вдовец, зимой утонул в море. Рамон живет с молодой женой в отцовском домике. Здесь одна только комната, глиняный пол, очаг, высокий ворох душистых трав. Они отгородили мне циновками угол у окна, поставили туда холостяцкую кроватку Рамона; сам он с женой спит на большой отцовской кровати.

Но они не спят, впрочем. Матильда, жена Рамона, сладко мучает его всю ночь. И я тоже не могу из-за них заснуть. До позднего утра не унимаются шепот и стоны.

- Рамон, сладость моя! О, какая это сладость, Рамон! Почему я не знала раньше, что это такая сладость!

- Я немножечко устал, Матильдита.

- Рамон, ты лишь немножечко устал, правда? Не засыпай, Рамон. Я не дам тебе спать. Смотри, как я крепко тебя обнимаю. Спи, Рамон! Я все равно не буду спать, я буду глядеть на тебя, моя любовь.

- Тогда и я не усну.

- О Рамон! Ты не можешь спать, когда я рядом? Сладость моя! Рамон, мы сумасшедшие, правда?!

Утром он тяжелыми, развинченными движениями поднимает кувшин над головой, льет себе в горло струйку воды, споласкивает лицо и шею. Матильда сидит на старой широкой кровати, свесив худые, длинные ножки, я вижу ее сквозь ветхую циновку. Ей девятнадцать лет; черная коса, бледное тельце полуребенка. Но это не ее мучают. Это она мучает большого, неуклюжего Рамона.

Он охотно присоединяется к завтраку, который мы с Дорадо приносим из автомобиля. К нашему сыру, хлебу, помидорам он прибавляет кувшин кислого белого вина из отцовской бочки. Матильда почти ничего не ест. Она равнодушно прислушивается к разговору.

- Мы умеем драться, - говорит Рамон, - мы это показали. Признайтесь: вы не ожидали, что испанский народ будет так драться?

- Отчего же не ожидал? Ожидал.

- Признайтесь: все-таки вы не ожидали? Никто не ожидал. Какие солдаты, а? Какие офицеры, а? А наши шоферы! - Рамон воодушевляется. - Я вас уверяю, нигде в мире вы не найдете таких

смелых шоферов, как у нас. На фронте наш испанский шофер покажет себя лучше любого другого. Мне, как шоферу, это особенно приятно.

- А вам сколько лет?

- Мне? Двадцать шесть.

Держа в руках кружку с вином и кусок хлеба, он смотрит вдаль мечтательным, гордо-простодушным взглядом. Он не понимает, что он дезертир.

Рыбаки Перельо тянут сети. Они их тянут издалека. Сначала баркасом, затем, дойдя до берега, тянут по песку. Это очень, очень долго. Выкупавшись, я тоже помогаю тянуть сети из воды. Дорадо этого не делает, он лежит в сторонке в своих полосатых трусиках. Он прав, у него есть свой испанский, вернее, народный такт. Это как-то ни к чему, когда человек в купальном костюме помогает рыбакам тащить сети.

Вот-вот сеть покажется из голубой воды. Но нет, это длится еще очень долго. Рыбаков двенадцать человек, почти все старые люди. Они не разговаривают между собой. Сеть вытаскивать довольно трудно, она тяжелая. Улов, наверно, килограммов на триста. Мы тащим, тащим, а сети все не видно.

Наконец показалась сеть. Она совсем пустая. Все-таки ее тащат по песку, тяжелую, сейчас бессмысленно большую. Старики серьезно, хмуро, медлительно разворачивают мокрый узел. Там копошится килограмма полтора мелкой рыбешки, вроде наших снетков. Это все, что дало двенадцати человекам богатое Средиземное море. За пять часов работы.

Старики ничего не говорят. Они наматывают сеть на деревянный вал. Они сейчас опять выйдут в море.

Я говорю Дорадо:

- Проработать пять часов - и не получить ничего! Двенадцать человек!

Он отвечает:

- Там все-таки было почти два кило рыбы. Они ее продадут в Валенсию ее едят соленою в барах, как закуску к вермуту.

- На двенадцать человек ведь это гроши!

- Да, гроши. А вы что думали? Это не миллионное дело - быть здесь рыбаком.

29 июня

Страшная суетня и бестолковщина в подготовке конгресса. Занимаются этим одновременно два правительства - центральное и каталонское, и в них по три министерства - иностранных дел, внутренних дел, просвещения, - и, кроме того, военное министерство, и генеральный комиссариат, и Альянса писателей, и еще все, кому не лень. Со всеми ними Ассоциации писателей

приходится спорить и торговаться. Бюрократизм в Испании ленив и наивно высокопарен. Главная забота министерских чиновников - скрыть от делегатов тот неприличный факт, что в Испании сейчас происходит война. Для этого они придумывают тысячи мероприятий и ухищрений. Места для заседаний они предлагают в отдаленных и тихих районах, в загородных дворцах, укрытых парками. В программу экскурсий вставляют разную туристическую чепуху рыбную ловлю, осмотр старинных развалин и стоянок доисторического человека. Я доказываю, что, если делегаты искали бы тишины и развлечений, они, пожалуй, нашли бы сейчас более подходящую страну для конгресса. Чиновников это не убеждает. Мысль о поездке писателей в Мадрид приводит их в ужас. "Ну что они там увидят? Разрушенный, запущенный город. Какой смысл конгрессу уезжать из Валенсии? Здесь правительство, все министерства, здесь теперь столица, здесь все, что может их интересовать..."

3 июля

Утром выехал навстречу делегатам конгресса. В Беникарло, на берегу моря, на верандах туристского павильона, им предложен завтрак. Испанцы напрягли все силы, приготовили прекрасное меню, красиво сервировали, выставили отличные вина. Кругом цветы, голубое море, изобилие и нарядная красота Леванта. "Где же война? - изумляются гости. - Сплошная лирика, рай земной".

Из машин выходят и здороваются знакомые, друзья со всего света. Парижане, американцы, балканцы, русские{36}. Они устали, по возбуждены. Жадно оглядываются кругом, расспрашивают испанских "старожилов", Людвига Ренна, Ральфа Бейтса, Эренбурга, Нурдаля Грига, ловят детали, ревниво прислушиваются к разговорам, как бы не пропустить чего самого главного. Одни патетически взвинчены - Мюленштепн, Гонсалес Туньон, Вишневский, - они требуют тут же дать им в руки винтовку или что-нибудь, чтобы они немедленно побежали сражаться. Другие воспринимают все окружающее только в трагическом аспекте - Анна Зегерс, Андре Шамсон, португалец Кортесао, англичанин Спендер. Третья группа, наиболее уравновешенная, медлительно, как -водолазы из своих писательских скафандров, разглядывают испанский водоворот и запасаются впечатлениями впрок. Это Толстой, Эрих Вайнерт, Жюльен Бенпда, Фадеев, Мархвица, Муссинак. Четвертые воспринимают конгресс и обстановку вокруг него только в плане общественного служения, они озабочены своим выступлением, ходом и порядком заседаний, стенограммой, газетными отчетами.

Кто-то из делегатов привез книжку Андре Жида - уже вторую

его книжку о СССР. Я перелистал - это уже открытая троцкистская брань и клевета. Он и не скрывает этого - открыто называет имена видных троцкистов и антисоветских деятелей, которые "любезно" предоставили материалы. А материалы эти - смесь демагогически надерганных газетных вырезок и старых контрреволюционных анекдотов.

4 июля

Конгресс открылся сегодня утром, официально и торжественно, в зале муниципалитета, в котором теперь заседает парламент. Глава правительства Хуан Негрин открыл конгресс краткой приветственной речью. Ему отвечал от имени писателей старейший делегат Мартин Андерсен Нексе. Старик немного не учел торжественности обстановки. Всю дорогу, в автомобиле, в пыли, в тропической жаре, он трясся в черном сюртуке, в тугой крахмальной манишке, с черным галстуком. Здесь же, на официальной церемонии, он предстал в расстегнутой рубашке без воротника, с седыми космами на широкой дряхлой груди. Кинооператоры были разочарованы, но зал дружно аплодировал живым, простым словам доброго старого Нексе. Негрин пригласил его в президиум и, передав председательствование, удалился.

Альварес дель Вайо, член Ассоциации писателей, участвовал в первом конгрессе, в Париже, как испанский эмигрант. Сейчас он получил свою делегатскую карточку, но приветствовал участников конгресса как генеральный военный комиссар.

- Наши бойцы передовых окопов учатся грамоте. Они дали клятву - ни одного безграмотного среди них. Они ваши союзники. Они читали в окопах пламенные слова Ромена Роллана и Генриха Манна. На братские призывы они отвечают своей кровью. Испанский народ хочет победить, и он победит. Он отбил врага у Мадрида и у Пособланко.

Альваресу дель Вайо от имени конгресса кратко отвечает председатель советской делегации Кольцов. Овации по адресу Советского Союза. Зал поет "Интернационал".

Председатель испанской Альянсы Хосе Бергамин говорит о культуре своей страны:

- Основная забота писателя - связь с другими людьми. В этой связи корни его существования. В этом смысл его жизни и работы. Связь писателя с другими людьми происходит во времени, и она осуществляется словом. Слово хрупко, и испанский народ называет одуванчик - цветок, жизнь которого зависит от дыхания, - "человеческим словом". Хрупкость человеческих слов бесспорна. Наш великий поэт Сервантес сказал о слове: "Оно должно быть одной ногой на губах, другой - между зубами". Слово не только

сырье, над которым мы работаем, это наша связь с миром. Это утверждение нашего одиночества, и это вместе с тем отрицание нашей отъединенности... В ощущении целостности времени, в ощущении движения вперед, в революционном сознании этого движения, этой связи прошлого с настоящим и настоящего с будущим - утверждение народа как человека и человека как народа... Вся испанская литература прошлых времен - свидетельство народных чаяний, порывов испанского народа к будущему. Все богатство испанской культуры, которая всегда была культурой народной, исходит от органической связи творцов культуры с чаяниями народа... Поглядите назад, на вершины испанской народной культуры - Сервантес, Кеведо{37}, святая Тереса{38}, Кальдерон{39}, Лопе де Вега. Вы увидите, насколько они одиноки и вместе с тем насколько вросли они в толщу народа. Они - голос народа. Вся испанская литература написана кровью испанского народа. Лопе де Вега сказал: "Кровь кричит о правде в немых книгах". Эта же кровь теперь кричит о правде в немых жертвах. Кровь кричит в нашем Дон Кихоте, бессмертном Дон Кихоте. Это вечное утверждение жизни против смерти. Вот почему наш народ, верный своим гуманитарным традициям, принял бой против смерти. В незабываемые июльские дни он своей кровью оправдал свои слова. Испанский народ спасает теперь человеческие ценности - в первую очередь братство - против человеческого эгоизма.

Сегодня же правительство чествовало конгресс обедом на пляже, в ресторане "Лас Аренас". Здесь все было более непринужденно, впрочем тоже с речами. Говорил министр просвещения Хесус Эрнандес, затем Людвиг Ренн, Толстой, Эренбург, Мальро. Писатели сидели вперемежку с министрами и военными, знакомились, беседовали и болтали. Анне Зегерс очень понравился плотный, добродушный испанец в очках, остроумный и веселый, к тому же изумительно говорящий по-немецки. Он давал ей справки и быстрые, живые характеристики испанцев, сидевших за столом. "А вы здесь какую должность занимаете?" - ласково спросила Анна, щуря близорукие глаза. "Я здесь председатель Совета Министров, я у вас выступал сегодня на конгрессе", ответил Негрин.

К концу обеда, под аплодисменты, прибыла прямо из Барселоны запоздавшая часть конгресса. Английским писателям их правительство отказало в паспортах. Мальро взялся переправить эту группу и нескольких немцев-эмигрантов без особых формальностей в Испанию. Сейчас он не без эффекта ввел своих клиентов в зал. Под шум и аплодисменты он шепнул, мальчишески мне подмигнув: "Контрабандисты вас

приветствуют".

Ночью город основательно бомбили, возможно, что по случаю конгресса. Делегаты дрыхли мертвым сном после дороги и дневных переживаний. Так они могли проспать все. Я приказал телефонистке "Метрополя" разбудить немедленно всю мою делегацию и торжественно повел ее в подвал. Сирены выли, зенитная артиллерия стреляла непрестанно, звук - как будто раздирают огромные куски полотна. Издалека слышались глухие взрывы бомб. "Каково?" спросил я тоном гостеприимного хозяина. Все были взволнованы и очень довольны. Вишневский спросил, какого веса бомбы. Но я не знал, какого они веса. Черт их знает какой у них вес. Толстой сказал, что наплевать, какой вес, важно, что это бомбы. Он был великолепен в малиновой пижаме здесь в погребе.

Я уснул в хорошем настроении. Все-таки он состоялся, этот чертов конгресс, как ни интриговали против него.

Все идет хорошо.

5 июля

Сегодня выступали Жюльен Бенда, голландский писатель Брауэр, Малькольм Каули, аргентинец Гонсалес Туньон, мексиканец Мансисидор.

Анна Зегерс говорила о немецких писателях, которые потеряли свою родину и нашли ее в окопах Мадрида, среди немецких бойцов Интернациональных бригад.

Толстой говорил о свободе и культуре.

Он сказал:

- Никогда человечество не променяет свободу освобожденного труда на трудовые лагеря фашизма. Мамонты и носороги, пещерные медведи были, казалось, куда как могучи. В пиренейских пещерах гений человека оставил бессмертное изображение побежденного им мира чудовищ. Разве это одно не дает нам повода для великого оптимизма? Говорят, что большое искусство не совпадает с революционными эпохами. Искусство, отражающее горечь разочарования, искусство мечтательности, не находящей себе приюта в этой жизни, негативное искусство до сих пор как будто совпадало с временами социального и политического затишья... Но то было. Это дела минувшие. Сокровища искусств и гуманитарная мысль - наше наследство... Мы - поколение великого рубежа, когда старый мир, перед тем как рухнуть навсегда, огрызается, как матерый волк, на четыре стороны. Мы строим искусство революции, искусство нового человека. Пусть оно покажется изощренным людям Запада еще сырым, технически несовершенным, но в нем кипит и бьется освежающей влагой новый гуманизм. Оно поднято массами. Оно

их искусство. Оно человеколюбиво. И наши читатели именно во имя величия понятия "искусство" лишили, например, такого стилиста, как Андре Жид, звания народного писателя. Советское искусство реалистично, как земля под ярким солнцем; это искусство реалистично, как та суровая женщина, идущая по борозде, героично, как боец, отдающий жизнь за счастье родины, оптимистично, как молодость. Это искусство всенародно потому, что оно создается творческими импульсами народных масс.

6 июля

Большим караваном конгресс перебрался сегодня из Валенсии в Мадрид. В пути одна машина, в которой ехали Мальро, Эренбург, Кельин, наскочила на грузовик со снарядами. Чуть не случилась катастрофа.

В деревне Мингланилья делегаты обедали у крестьян. Разыгрались трогательные, горячие сцены братания. Вечером у Мадрида, в саду на окраине города, адъютант генерала Миахи встретил и приветствовал конгресс.

Взволнованные, нервозные, писатели расположились в пустынном отеле "Виктория", кое-как приведенном в порядок ради такого особого случая.

Ночью гремели пушки. Конгресс не спал, люди слонялись из комнаты в комнату, тревожно прислушиваясь. Но пушки гремели свои: вчера республиканские войска прорвали фронт у Вильянуэва-де-ла-Каньяда, они атакуют Брунете и Кихорну! В радостный день мы приехали сюда.

7 июля

С утра конгресс заседает в зале "Аудиториум". Мадридцы посрамили суматошную Валенсию, они все очень толково и дельно организовали. Обстановка работы здесь другая, подтянутая, четкая, менее официальная, более революционная. На местах для публики много военных, бойцов и офицеров, испанцев и интернационалистов. Делегаты отыскивают своих земляков, радостно беседуют, отдают подарки, сигареты, одежду, продовольствие.

Сегодня выступали Рене Блек, аргентинец Итурбуру, чилиец Ромеро, Вилли Бредель, Всеволод Вишневский, Владимир Ставский, Людвиг Ренн, Нурдаль Григ.

В середине заседания в зал вдруг вошла делегация из окопов с известием о взятии Брунете и со знаменем, только что отнятым у фашистов. Началось неописуемое ликование.

Я совершенно не вижу Мадрида. Проношусь по улицам на автомобиле и не успеваю ничего заметить. Изменился ли город за эти месяцы?

На вечернем заседании большинство ораторов говорили по-

испански. Его поэтому перенесли в огромный зал кинотеатра "Гойя", чтобы мадридцы могли послушать.

Председательствовала Мария Тереса, очень торжественная и трогательная. Она предоставила слово командиру дивизии и члену писательской Альянсы Густаво Дурану, а затем мне.

Я волновался - впервые пришлось произносить большую речь на испанском языке.

Я сказал:

- Направляясь на этот конгресс, я спрашивал себя, что же это, в сущности, такое: съезд донкихотов, литературный молебен о ниспослании победы над фашизмом или еще один интернациональный батальон добровольцев в очках? Что и кому могут дать этот съезд и дискуссии людей, вооруженных только своим словом? Что они могут дать здесь, где металл и огонь стали аргументами, а смерть - основным доказательством в споре?

С самых древнейших времен, как только возникло искусство мысли, выраженной в слове, до сегодняшнего дня писатель спрашивает: кто он пророк или шут, полководец или барабанщик своего поколения? Ответы получались всегда разные, иногда триумфальные, иногда уничтожающие. В той стране, в которой мы сейчас находимся, в Испании, писатели познавали и обиды унижения, и высшие почести для себя самих и для своего ремесла. Есть страны, где писателей считают чем-то вроде гипнотизеров. Есть одна страна, где писатели участвуют в управлении государством - как, впрочем, и кухарки, - как, впрочем, и все, кто работает руками или головой.

Если писатели испытывали много обольщений и заблуждений в оценке своей роли в обществе, то этому отчасти виной особый характер их профессии. Труд литератора, его продукция почти никогда не бывают анонимны. Имя автора, его индивидуальность, хотя бы самая ничтожная, служит официально предметом спроса публики и входит неотъемлемым элементом суждения о качестве книги. Когда рабочий производит, например, спички или крестьянин зерно, то он может вложить в свою работу всю свою индивидуальность и все свое личное умение, всю душу, и все-таки плод его творчества будет анонимен, это будут просто спички или зерно. Если писатель произвел хотя бы десять, хотя бы бесцветных, хотя бы бессодержательных и небрежных строк, он подписывает их своим именем, и это считается нормальным, это почти обязательно, и чем меньше строк написано, чем меньше они могут сказать, тем более необходимой становится под ними подпись автора.

Отчасти это и создало у писателей разных эпох и разных

народов ложную теорию "выражения", каковая теория, меняя свой облик и терминологию, всегда сводилась примерно к тому, что писатель имеет внутри себя, может быть, где-нибудь между печенью и почками, какую-то таинственную железу, которая, словно "философский камень" старых алхимиков, сама по себе производит драгоценное вещество - литературу. Согласно теории "выражения", вся задача писателя в том, чтобы найти наибольшую силу в расшифровке себя самого, для чего поглубже уйти в себя же, отгородиться от посторонних влияний, дать чудодейственной железе выработать свой сироп искусства.

Я склонен думать, что в этом зале, на этом конгрессе нет людей, с которыми нужно спорить по поводу теории "выражения". Творческий и общественный путь каждого из здесь присутствующих, прежде чем он привел его сюда, в героический антифашистский Мадрид тридцать седьмого года, давно избавил его от таких иллюзий. Мы с вами давно убедились и проверили тысячу раз, что наши писательские чувства и настроения рождаются не изнутри, а выражают состояние умов народов и классов, их устремлений и надежд, их разочарований и гнева.

Наш прекрасный друг Ромен Роллан выразил это окрепшее чувство связи писателя с обществом в следующих словах: "Новое здесь не то, что великие художники - предвестники - воспевают солнце до его восхода, а то, что день наконец занимается, что переброшен мост между мечтой искусства и социальным действием. Сейчас мечта искусства не соткана больше из одного только предвидения - она создается из материальной жизни. Она осуществляется в реальности. У нас появилось новое, никогда не изведанное чувство безопасности. Мы больше не люди, идущие по воде. Когда Вагнер создавал своего "Тристана", он не надеялся когда-либо найти в Европе публику, которая могла бы его слушать и понимать, и писал, говорят, для воображаемой публики Рио-де-Жанейро... Гении искусства были вынуждены создавать себе одновременно с передовыми произведениями иллюзию - предвидение будущего народа, который узнает в этих произведениях свою песню. Теперь этот народ есть. Мы больше не одни. Мы творим сообща. Даже если роль большого художника всегда будет заключаться в том, чтобы опережать существующую стадию, видеть полноту того, что в данное время только намечается, он все же принадлежит к тому же веку, что и другие бригады работников. И все они вместе строят по одному плану, как некогда народы строили соборы".

Какова в нашу эпоху норма поведения честного писателя, сознающего свою связь с обществом и своим классом? Как он лучше может служить трудящимся?

Нужно ли давать советы машинисту поезда или развлекать пассажиров, чтобы заставить их терпеть длительность путешествия? Или же выскочить из вагона и толкать поезд на крутом подъеме?

Вы знаете, что темперамент и искренность целого ряда писателей-антифашистов привели их к прямому участию в этой гражданской войне в роли добровольцев. Одни еще у себя дома заперли в шкаф свои рукописи и отправились сразу бойцами Интернациональных бригад испанской Народной армии. Другие приехали сюда с благими намерениями смотреть и писать, но, увидя войну, увидя опасность для испанского народа, прервали литературную работу и взялись за оружие.

Об этом идут споры: как должен проявить себя писатель в соприкосновении с гражданской войной в Испании? Конечно, правы те, кто доказывает, что писатель должен драться против фашизма оружием, которым он лучше всего владеет, то есть своим словом. Байрон больше сделал своей жизнью для освобождения всего человечества, чем своей смертью для освобождения одной Греции. Но есть моменты, когда писатель - я говорю о некоторых - вынужден сам стать действующим лицом своего произведения, когда он не может довериться вымышленным, хотя бы даже им самим, героям. Без этого прерывается нить его творчества, он чувствует, что герои его ушли вперед, а сам он остался позади. Но конечно, писатели должны участвовать в борьбе прежде всего как писатели.

Наш друг Людвиг Ренн на Гвадалахаре шел под огнем итальянских пулеметов впереди первого ряда германских антифашистов, командовал с карандашом в руке. Но пленные германские летчики-фашисты признавались, что по всей немецкой эскадрилье в Севилье, как запретный плод, ходит по рукам книга Людвига Ренна "После войны". Многие из нас должны последовать примеру Андре Мальро, который дал испанскому народу антифашистскую эскадрилью, а теперь дает антифашистский роман.

Но чтобы помочь этому народу, вовсе не обязательно драться на фронте или даже приезжать в Испанию. Можно участвовать в борьбе, находясь в любом уголке земного шара. Фронт растянулся очень далеко. Он выходит из окопов Мадрида, он проходит через всю Европу, через весь мир. Он пересекает страны, деревни и города, он проходит через шумные митинговые залы, он тихо извивается по полкам книжных магазинов. Главная особенность этого невиданного боевого фронта в борьбе человечества за мир и культуру в том, что нигде вы не найдете теперь зоны, в которой мог бы укрыться кто-нибудь жаждущий тишины, спокойствия и

нейтральности.

В течение одного последнего месяца я видел в Европе людей, именовавших себя материалистами и ультралевыми революционерами, которые доказывали необходимость компромисса с Гитлером, я видел католических священников-басков, которые вместе с войсками своего народа, рядом с коммунистами, шли в атаку на итальянские фашистские легионы, получившие благословение Ватикана.

Республиканцы, анархисты, марксисты, католики, просто беспартийные люди - всем есть место в рядах борцов против общего врага - фашизма. Нет места только тем, кто хочет верить или верит в какую-нибудь возможность компромисса с этим врагом. И здесь, как бы глубоко ни была запрятана мысль о капитуляции или сговоре, какими сложными политическими, философскими или художественными построениями она ни была б прикрыта, все равно она выйдет наружу, все равно она разоблачит себя.

Скажите сто тысяч слов о чем угодно, хвалите, критикуйте, восторгайтесь, плачьте, анализируйте, обобщайте, приводите гениальные сравнения и потрясающие характеристики, все равно - такова логика нашего времени - вы должны сказать фашизму "да" или "нет"!

Мир между народами стал неделим, и неделима стала борьба за мир народов. Для нас, людей, принявших Советскую Конституцию, достаточно далеки и американский, и французский, и даже испанский парламентаризм. Но мы считаем, что все это стоит по одну сторону черты. По другую сторону стоят гитлеровская тирания, бездушное властолюбие итальянского диктатора, троцкистский терроризм, неутолимая хищность японских милитаристов, геббельсовская ненависть к науке и культуре, расовое исступление Штрейхера.

От этой черты негде спрятаться, негде укрыться - ни в первой линии огня, ни в самом глубоком тылу. Нельзя сказать: "Я не хочу ни того, ни другого", как и нельзя сказать: "Я хочу и того и другого", "Я вообще против насилия и вообще против политики". Менее всего это может сказать писатель. Какую книгу он ни написал бы, о чем бы она ни была написана, читатель в нее проникает до самых потаенных строк и найдет ответ: "за" или "против".

Лучше всего эта истина подтвердилась на примере Андре Жида. Выпуская свою книжку, полную грязной клеветы на Советский Союз, этот автор пытался сохранить видимость нейтральности и надеялся остаться в кругу "левых" читателей. Напрасно! Его книга сразу попала к французским фашистам и

стала, вместе с автором, их фашистским знаменем. И что особенно поучительно для Испании, - отдавая себе отчет в симпатиях масс к Испанской республике, опасаясь навлечь на себя гнев читателей, Андре Жид поместил в глухом уголке своей книги несколько невнятных слов, одобряющих Советский Союз за его отношение к антифашистской Испании. Но эта маскировка не обманула никого. Книга была перепечатана целиком в ряде номеров главного органа Франко "Диарио де Бургос". Свои узнали своего!

Потому мы требуем от писателя честного ответа: с кем он, по какую сторону фронта борьбы он находится? Никто не вправе диктовать линию поведения художнику и творцу. Но всякий желающий слыть честным человеком не позволит себе гулять то по ту, то по другую сторону баррикады. Это стало опасным для жизни и смертельным для репутации.

Вы знаете, что для нас, писателей Советской страны, проблема роли писателя в обществе уже давно решена совсем иначе, чем в странах капитализма. С того момента, как писатель сказал "да" своему народу, строящему социализм, он становится полноправным передовым создателем нового общества. Своими произведениями он непосредственно влияет на жизнь, толкает ее вперед и меняет ее. Это делает наше положение высоким, почетным, но трудным и ответственным. Наш писатель Соболев сказал - и в этом есть доля правды, - что Советская страна дает писателю все, кроме одного: права плохо писать. Рост нашего читателя обгоняет иногда рост писателя. Автору нужно напрягать все умственные, творческие силы, чтобы не оказаться позади своих читателей, не потерять их доверия и просто внимания.

Мы не променяем наше положение ни на какое другое более легкое место. Мы горды своей ответственностью и трудностями, которые испытываем, потому что еще никогда в истории писателю не была доверена народом более высокая честь - при помощи и содействии государства воспитывать искусством десятки миллионов людей, формировать душу человека свободного, социалистического общества.

...Нужно ли разъяснять позицию советских писателей, как и всего нашего народа, по отношению к борьбе в Испании? С гордостью за нашу страну мы, советские писатели, повторяем слова Сталина: "Освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а - общее дело всего передового и прогрессивного человечества".

Мы горды этими словами не только потому, что они сами явились авторитетнейшим призывом ко всему честному, что есть в мире, поддержать испанский народ, но еще потому, что когда

наш народ говорит, то это не только слова, но и дела. Это знает наша страна, это знает Испания.

Антифашистский характер и состав участников нашего конгресса освобождает от надобности говорить его делегатам о необходимости борьбы с фашизмом. Но сама эта борьба, сама защита культуры от его злейшего врага не ведется еще достаточно энергично. Наша Ассоциация еще не убедила достаточно широкие круги писателей в широте своей базы и программы, в своей решимости и энергии в борьбе за оборону культуры. Нападение было всегда лучшей формой обороны. Гражданская война и победа народов России, диктатура фашизма в Германии и Италии, гражданская война в Испании сделали писателей этих стран борцами и соратниками своих народов в борьбе за их свободу и культуру. Писатели Франции, Англии, Северной и Южной Америки, Скандинавии, Чехословакии, члены нашего конгресса, спросите своих коллег и собратьев по ремеслу: чего они ждут? Того, чтобы враг взял их за горло, чтобы у них было так, как здесь, когда германские бомбовозы и итальянская артиллерия громят красивый, чистый, веселый Мадрид? Ждут ли они, чтобы враг вот так же подступил к Лондону, Стокгольму, к Праге?

Я никогда не забуду страшных ноябрьских дней здесь, в Мадриде, когда писатели, художники, ученые, и среди них старые и больные, с детьми, на грузовиках покидали свои дома, свои студии и лаборатории, лишь бы не попасть в руки врага, лишь бы не сдаться на расправу Гитлеру, Муссолини, Франко. Тогда милисианос 5-го полка, бойцы Народной армии - некоторые из них малограмотные крестьяне - с заботой и любовью увозили их от опасности, как самое драгоценное, как золотой фонд страны.

Мадрид обороняется от фашистского зверя. Он окровавлен, измучен, этот чудесный город, но он свободен и даже оказывает нам, писателям всего мира, свое благородное и скромное гостеприимство.

Но опасность для Мадрида еще не миновала. Половина Испании вытоптана сапогами фашистских завоевателей. Они пробуют идти дальше, они пойдут, если их не остановят. Преступное бездействие и так называемое невмешательство будут и дальше поощрять их озверелую наглость. В Эндейе, у испанской границы, я видел пограничные знаки Французской республики, исцарапанные пулями германских пулеметов. Фашизм хватает мир за горло. Наступают решающие исторические часы.

Писатели и все честные интеллигенты мира! Займите свои места, поднимите забрала, не прячьте своих лиц, скажите "да" или "нет", "за" или "против"! Вы не укроетесь от ответа! Отвечайте же

скорее!

А тебе, благородный и трогательный испанский народ, тебе, окровавленный рыцарь печального образа, - тебе наши мысли и силы. Мы будем с тобой, и, так же как и ты, мы верим, что твоя однажды разогнувшаяся спина никогда больше не склонится перед угнетателем, что ты никогда больше не дашь погасить светильник твоей свободы. Дон Кихот говорил: "Post tenebras spero lucem" - "Надеюсь на свет после мрака".

...Бледного, исхудалого Густава Реглера вывели под руки и усадили в кресло. В мертвой тишине, тихим, но твердым голосом он прочел, на испанском языке, три листка:

- Удар - и сердце мое замерло. Исчезла куда-то Испания, все погрузилось в мрак безымянной ночи. Но скоро ко мне вернулось сознание, и я вновь увидел перед собой настоящую Испанию. Шесть бойцов в голубых рубашках хлопотали вокруг меня в лесу. Один держал мою руку, другой поддерживал мою голову так, чтобы солнце освещало мое лицо. Третий ласково гладил мои ноги, другой пытался дрожащей рукой найти под разорванной одеждой место, откуда течет кровь, чтобы ее остановить. Они все наперебой старались меня успокоить: "Ничего, товарищ, ничего".

Издали доносится свист нового снаряда. Бойцы наклоняют головы и под шум проносящегося мимо снаряда продолжают повторять свое: "Ничего, товарищ, ничего".

Они стараются успокоить раненого, залитого кровью товарища. Они заклинают смерть, которая хочет проникнуть в мое тело. Они образуют вокруг меня стену, над которой пролетает ревущий снаряд. Вот та Испания, которая может побеждать смерть, ибо ее вера сильна. Эта Испания должна являться образцом для всего мира.

Вот боец из Университетского городка, который после ожесточенного боя отказывается от отдыха, пока он не уберет в безопасное место своего раненого товарища. Вот жители Куатро Каминос, они не побоялись бомбардировки, они бросились подбирать жертвы, находившиеся под развалинами домов.

Этому народу мы обязаны укреплением нашей веры в пролетариат.

Сейчас, в присутствии лучших испанских и международных писателей, я хотел бы обратиться к отсутствующим, к колеблющимся, к тем, которые полагают, что возможна политика нейтралитета и невмешательства в настоящий момент, когда испанский народ вступил в решающую фазу борьбы за свободу мира.

Мы должны сказать этим отсутствующим или колеблющимся писателям, что нельзя говорить с врагами народа, с людьми,

которые этой ночью бомбардировали гражданское население Мадрида. Колеблющимся я должен сказать, что испанский пролетариат - уже не тот слабый мальчик, каким он был раньше, что он уже научился собственными силами защищать свои права, обеспечивать свое будущее. Вы должны встать рядом с ним. Поэтому мы все теперь испанцы. Нет другой борьбы, нет другого решения... Все для Испании, товарищи!

Андре Мальро выступал последним. Жаркие овации еопровождали его речь. Он говорил о международной солидарности рабочих.

8 июля

Утром выступали Эгон Эрвин Киш, Мария Остен, Зигвард Лунд, Агния Барто, Дени Марион.

Бергамин все последние дни носил в руках и теребил новую книжку Андре Жида. Затем он совещался с испанцами и южноамериканцами. В конце утреннего заседания он потребовал слова. Он сказал:

- Я говорю от имени всей испанской делегации. Я говорю так же от имени делегации Южной Америки, писателей, которые пишут на испанском языке. Я надеюсь, что я говорю также от всех писателей Испании. Здесь, в Мадриде, я прочитал новую книгу Андре Жида о СССР. Эта книга сама по себе незначительна. Но то, что она появилась в дни, когда фашисты обстреливают Мадрид, придает ей для нас трагическую значимость. Мы стоим все за свободу мысли и критики. За это мы боремся. Но книга Андре Жида не может быть названа свободной, честной критикой. Это несправедливое и недостойное нападение на Советский Союз и на советских писателей. Это не критика, это клевета. Наши дни показали высокую ценность - солидарность людей, солидарность народа. Два народа спаяны солидарностью в дни тяжелых испытаний - русский народ и испанский. Пройдем молча мимо недостойного поведения автора этой книги. Пусть глубокое, презрительное молчание Мадрида пойдет за Андре Жидом и будет для него живым укором!

На этом закончились мадридские заседания конгресса писателей.

Комментарии

{1} С. 5. Новый год мы встречали с "курносыми". - На этом вечере во францисканском монастыре, расположенном в тридцати километрах к северо-востоку от Мадрида, чествовали первых Героев Советского Союза, получивших это высокое звание за свои подвиги в Испании. Речь шла о живых и мертвых - П. М. Армане, В. М. Бочарове, С. М. Быстрове, В. С. Горанове, П. П. Десницком, П. А. Джибелли, К. И. Ковтуне, П. Е. Куприянове, С. К. Осадчем, Д.

Д. Погодине, П. В. Рычагове, Н. А. Селицком, С. Ф. Тархове, Б. А. Туржанском, С. А. Черных, Э. Г. Шахте, Н. И. Шмелькове.

{2} С. 9. Генерал Дуглас, черноволосый, с длинным, молодым, задумчивым лицом... - Под этим именем с октября 1936 по июнь 1937 г. в Испании воевал комбриг, впоследствии генерал-лейтенант авиации Яков Владимирович Смушкевич (1902-1941), дважды Герой Советского Союза.

{3} В первых больших воздушных боях республиканцы имели небольшие, но чувствительные потери. - Смушкевич говорит здесь прежде всего о советских летчиках, погибших с конца октября 1936 по начало января 1937 г. в битве за Мадрид. В этом сражении из принявших в нем участие 160 советских пилотов 27 пали в бою.

{4} Энрике Лореса подкараулила целая дюжина... - Вышедший победителем из этого небывалого боя Энрике Лорес, он же Георгий Нефедович Захаров (р. 1908), впоследствии вспоминал: "Они кинулись на мой самолет скопом, мешая друг другу... Я крутился внутри клубка, пытаясь их оттянуть к Мадриду... я знал: ни секунды по прямой!.. Трижды "хейнкели" попадали в мой прицел, и трижды я жал на гашетки". (Захаров Г. Н. Я - истребитель. М., 1985, с. 50). В этом бою, уточняет Захаров, он сражался только с "хейнкелями".

{5} С. 10. ...республиканский "потез"... - Имеется в виду тихоходный (всего 240 км в час) самолет французского производства "Потез-54", рассчитанный на экипаж из семи человек. Использовался как бомбардировщик и воздушный разведчик.

{6} С. 11. Я, оказывается, в строю германской эскадрильи. - Здесь, ссылаясь на некоего Хорхе Гарсиа, как и выше, где упоминается о противоборстве Энрике Лореса с двенадцатью вражескими самолетами, М. Е. Кольцов рассказывает, по существу, про один и тот же эпизод из боевой жизни летчика Г. Н. Захарова. Только то, что случилось с Гарсиа, - начало этого эпизода, а с Лоресом - его завершение. Об этом подробно рассказано в книге Р. Л. Кармена "Но пасаран!" (М., 1972, с. 291-293) и в мемуарах Г. Н. Захарова.

{7} С. 12. Полковник Хулио, командир всех истребителей Мадридского фронта... - Советник истребительной группы полковник Хулио (или Гольд), в будущем Герой Советского Союза Петр Иванович Пумпур (1900-1942), возглавил первый в Испании истребительный отряд из самолетов И-16, в состав которого, в частности, входила эскадрилья Тархова. Он пробыл в Испании с октября 1936 по май 1937 г.

{8} С. 17. Де Пабло, танковый генерал... - Кольцов пишет о

советском добровольце комбриге Павлове Дмитрии Григорьевиче (1897-1941), прибывшем в Испанию в конце ноября 1936 г. и возглавившем вторую группу советских танкистов, воевавших на танках Т-26. К формированию бригады, в составе которой были и испанские танкисты, наскоро обученные на базе в Арчене, Павлов приступил в начале декабря 1936 г.

{9} С. 33. Командовать новой операцией назначен подполковник Асенсио. один из ближайших помощников Франко. - Однофамилец приближенного Ларго Кабальеро Асенсио Торрадо (см. комментарии к т. 1) Асенсио Кабанильяпс, Карлос (1896-1970) был одним из ведущих офицеров африканской армии Франко, наступавшей на Бадахос, Талаверу, Толедо. В феврале 1937 г. он участвовал в сражении на Хараме, о котором здесь идет речь, особенно в кровопролитных схватках за высоту Пингаррон.

{10} С. 45. Почему-то особенно понравился им "Голубой экспресс". Они выписывают его в четвертый раз. - Популярный и в Советском Союзе фильм "Голубой экспресс" был выпущен режиссером Л. З. Траубергом на ленинградской киностудии еще в 1929 г., а в 1931 г. озвучен. Революционные события в Китае, лежащие в основе сюжета фильма, находили живейший отклик в сердцах испанских зрителей.

{11} С. 48. ...уже доложено авиационному толстяку. - Подразумевается министр авиации и флота в правительстве Ларго Кабальеро Индалесио Прието, обладавший весьма внушительной комплекцией.

{12} С. 51. Марокканцы ночью подкрались к роте, охранявшей железнодорожный мост, уничтожили всю роту и перешли через Хараму. - Самая короткая в "Испанском дневнике" запись посвящена трагедии, разыгравшейся 11 февраля на рассвете у моста Пиндоке через Хараму. Враг, используя лишь холодное оружие, ликвидировал боевое охранение, а затем и всю охранявшую мост молодежную роту франко-бельгийского батальона 12-й бригады. Из 126 человек уцелело только шестеро. На следующий день, захватив другой мост, расположенный несколько южнее, франкисты овладели господствовавшей над местностью высотой Пингаррон.

{13} С. 59. Энергия и отвага танкистов опять и опять вдохновляют войска. По всей Хараме говорят о подвиге командира танка Сантьяго... - С 6 по 13 февраля 1937 г., по воспоминаниям Э. Листера, истинным организатором обороны на Хараме становится Д. Г. Павлов. Ряд танкистов, действовавших на Хараме, были удостоены звания Героя Советского Союза. Героем Советского Союза стал и Сантьяго, он же Новиков, Василий Михайлович (1910-1979), про которого здесь рассказывает

Кольцов. До описанного в "Испанском дневнике" эпизода, после того как его танк был подбит и застрял на нейтральной полосе, Новиков успел еще уничтожить противотанковое орудие, готовившееся бить по нему прямой наводкой.

{14} С. 61. Только санработник Лиза... сидела с надменным лицом, выражая недоступность сентиментальным чувствам. - Здесь автор иронизирует над своей женой Е. Н. Кольцовой-Ратмановой, работавшей тогда при санчасти танкового батальона.

{15} С. 84. ...под Малагой... итальянцев тревожил только десяток республиканских истребителей, бомбардировщики были заняты фашистским флотом. - С начала 1937 г. здесь действовали советские истребители-добровольцы. Здесь же сражался и Антон Ковалевский, прозванный "красным дьяволом". Он прибыл в Испанию в числе первых добровольцев еще в сентябре 1936 г. и до своей гибели в бою I февраля 1937 г. сбил несколько вражеских машин. Как свидетельствует тогдашний наш военно-морской атташе в Испании будущий адмирал Н. Г. Кузнецов, к марту 1937 г. республиканскому флоту был придан авиаотряд из шести бомбардировщиков, возглавил который летчик, Герой Советского Союза И. И. Проскуров (1907-1942).

{16} С. 88. Эрнест Хемингуэй приехал сюда, большой, неладно скроенный, крепко сшитый. - Пребывание Хемингуэя в Испании во время народно-революционной войны дало материал для написания романа "По ком звонит колокол". Эта книга и поныне считается одним из наиболее популярных антифашистских романов в мире. Под именем корреспондента "Правды" Каркова в нем выведен М. Е. Кольцов.

{17} С. 89. Камино, Леон Фелипе (1884-1968) - испанский поэт, значительную часть жизни прожил в Латинской Америке. В 1936-1938 гг. находился в Каталонии. Творчество его проникнуто духом анархического бунтарства, осуждения национальной ограниченности.

{18} С. 93. "Если са-втра война, если са-втра в поход..." Произносимая с имитацией испанского акцента первая строка популярной в конце 30-х годов советской песни "Если завтра война...". Эта песня на слова поэта В. И. Лебедева-Кумача была написана к одноименному фильму, снятому по повести Н. Н. Шпанова "Первый удар".

{19} С. 95. Они уничтожили древний городок Гернику. - 26 апреля 1937 г. германская авиация подвергла многократной бомбардировке маленький, беззащитный городок Гернику, древний центр баскской культуры, уничтожив тысячи мирных жителей. Широко известна картина П. Пикассо, посвященная этому событию.

{20} С. 96. Они еще не заработали себе "стенного венца". - "Стенной венец" (лат. corona muralis) - награда римскому воину, который первым всходил на стену осаждаемого города. Упоминается в романе Л. Фейхтвангера "Лженерон".

{21} С. 122. Кристобаль Эррандонеа, Мануэль - глава местного комитета КПИ, еще в августе - сентябре 1936 г. показал себя умелым руководителем обороны Ируна и Сан-Себастьяна. Под Бильбао он был командиром бригады, действовавшей на одном из основных направлений.

{22} Нанетти, Нино (1906-1937) - итальянский доброволец, коммунист. Активно участвовал в боях с мятежниками в Барселоне уже с 19 июля 1936 г. На Северный фронт прибыл весной 1937 г. 18 июля 1937 г. после ранения скончался в госпитале Сантандера.

{23} С. 123. Негрин Лопес, Хуан (1894-1956) - политический деятель, член социалистической партии, по профессии физиолог, профессор Мадридского университета. С 4 сентября 1936 г. министр финансов в правительстве Ларго Кабальеро; 17 мая 1937 г. впервые возглавил правительство Республики.

{24} С. 124. Военный инженер Базилио, человек пришлый... - Под этим именем Кольцовым выведен комбриг (после Гвадалахары комдив) Владимир Ефимович Горев, советский военный атташе, прибывший в Испанию в конце августа 1936 г. В дни обороны Мадрида работал в тесном контакте с В. Рохо. Многие испанские и зарубежные историки, обозреватели и мемуаристы считают, что он сыграл выдающуюся роль в организации обороны испанской столицы. На север он был командирован в качестве советника президента Агирре "генерала Янсена".

{25} С. 126. Поди-ка выдержи! С воздуха надо прикрываться. Конечно, если есть чем прикрыться. - Воздушное прикрытие в Басконии, как и в целом на Северном фронте, фактически отсутствовало, зенитной артиллерии почти не было, подходящих аэродромов практически не осталось. Первые современные самолеты появились здесь в начале ноября 1936 г., когда в порту Бильбао ошвартовался советский теплоход "А. Андреев" с истребителями И-15 и авиационным бензином на борту. Эскадрильей "чатос", собранной в кратчайшие сроки, командовал полковник Б. А. Туржанский, вскоре ставший Героем Советского Союза. Вместе с ним на севере Испании сражались советские летчики-добровольцы П. А. Антонец, К. А. Баранчук, П. А. Гончаров и другие. Начальник штаба Северного фронта майор Ф. Снутат называл их "эскадрильей героев, руководимых львом". В начале июня 1937 г. под Бильбао прибыла еще одна эскадрилья

"чатос", сопровождавшая бомбардировщик СБ, ведомый известным летчиком Г. И. Тхором. Тем не менее десятикратный перевес в небе Бильбао мятежники сохранили.

{26} С. 129. Примерно так летели мы в тридцатом году со Спириным... Речь идет о большом, 10-тысячекилометровом перелете, часть маршрута которого пролегала через Черное море в Турцию. Штурманом этого перелета был Иван Тимофеевич Спирин (1898-1960), в будущем Герой Советского Союза, известный полярный летчик. Кольцов участвовал в перелете в качестве представителя советской прессы.

{27} С. 133. Эренбург Илья Григорьевич (1891-1967) - с августа 1936 по декабрь 1938 г. (кроме первой половины этого года) находился в Испании в качестве корреспондента "Известий". Его корреспонденции в основном собраны в книге "Испанские репортажи (1931-1939)" (М, 1986).

{28} С. 134. ...просил обязательно повидать Веру Ивановну и Талочку... - Вера Ивановна (урожденная Ершова) - жена Залки. Талочка - его дочь, Наталия Матвеевна Залка.

{29} С. 135. Радиостанцию перевели в Сантандер. - Речь идет о походной радиостанции, находившейся в распоряжении В. С. Горева (Базилио) и связывавшей его с главным советским военным советником, тогда комдивом, Г. М. Штерном (1900-1941), штаб-квартира которого находилась тогда в Валенсии.

{30} С. 136. Правительство эвакуировалось и оставило Хунту обороны в составе трех человек - Лейсаола, Асанья и Астигаррабия. - Представитель Национальной партии басков Луис-Мария Лейсаола Санчес был министром юстиции и культуры в автономном правительстве Басконии; Сантьяго Аснар (не Асанья!), социалист, - министром промышленности; коммунист Хуан Астигаррабия - министром общественных работ.

{31} С. 141. Ламонеда Фернандес, Рамон - один из лидеров социалистической партии, секретарь Национального комитета Народного фронта, в ту пору сторонник единства действий с коммунистами. Умер в эмиграции, в Мексике.

{32} С. 142. ...о троцкистском мятеже в Каталонии, который имел своей целью взорвать пролетарское единство. - Этот мятеж, длившийся несколько дней в мае 1937 г., охватил главным образом Барселону. В мятеже приняли участие организация троцкистского толка ПОУМ, многочисленные экстремистские, анархистские элементы. Последствия его были очень серьезны: 950 убитых, 2600 раненых, многодневный паралич хозяйственной жизни Каталонии, срыв наступления на Арагонском фронте и потеря Бильбао.

{33} С. 143. Хосе Диас не присутствует на пленуме. Ему опять стало хуже... - После напряженных майских дней у Диаса обострилась язвенная болезнь. Врачи рекомендовали ему постельный режим.

{34} С. 144. Ты видел там всех? Всех друзей наших? - В начале мая 1937 г., во время пребывания в Москве в отпуске, Кольцов в Кремле в течение трех часов докладывал руководителям партии и правительства о положении в Испании, отвечал на многочисленные вопросы, касавшиеся особенностей политической и военной ситуации, сложившейся в стране.

{35} С. 157. Вальтер, он же Сверчевский, Кароль (1897-1947) - деятель польского революционного движения, в 20-30-х годах живший и работавший в Москве. Воевал в Испании под именем полковника (затем генерала) Вальтера.

{36} С. 161. Из машин выходят и здороваются знакомые, друзья со всего света. Парижане, американцы, балканцы, русские. - Среди делегатов конгресса, которых Кольцов первыми представляет читателям, англичанин Ральф Бейтс, живший в Испании с начала 30-х годов и одним из первых вступивший в сражение с мятежниками. Боевой путь норвежца Нурдаля Грига (1902-1943), погибшего во вторую мировую войну, тоже начался в Испании, испанским событиям был посвящен его роман "Мир еще должен стать молодым". С франкистами сражался и швейцарец Ханс Мюленштейн, принявший участие в альманахе "Гвадалахара. Поражение фашизма". Много месяцев провел в Испании аргентинский поэт Рауль Гонсалес Туньон, автор сборников стихотворений "Роза в броне" и "Смерть в Мадриде". В рядах Интернациональных бригад сражались и немецкие писатели Эрих Вайнерт (1890-1953), Ханс Мархвица (1890-1965).

{37} С. 162. Кеведо-и-Вильегас, Франсиско (1580-1645) - классик испанской литературы, создавший в своих произведениях сатирическую панораму Испании XVII в.

{38} С. 162-163. Святая Тереса - Тереса Авила (1515-1582) - монахиня, автор религиозных произведений, считающихся шедеврами испанского языка.

{39} С. 163. Кальдерон де ла Барка, Педро (1600-1681) - драматург, классик испанской литературы.